

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ПАРАДИГМЫ РАДИКАЛИЗМА.
ОСОБЕННОСТИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ С ПОМОЩЬЮ
ПОЛИГРАФА

Монография

Алматы
«Қазақ университеті»
2021

УДК 159.91
ББК 88.31-214
О-75

*Издается за счёт грантового финансирования МОН РК
№ АРО9261155 «Психофизиологическое исследование
подверженности радикалистским настроениям с помощью
полиграфа и первичная профилактика радикализации студентов»
(руководитель – проф. О.Х. Аймаганбетова)*

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор **Н.С. Ахтаева**
доктор психологических наук, профессор **М.А. Перленбетов**
доктор PhD, доцент **Т.П. Васько**

Авторы:

О.Х. Аймаганбетова, Г.А. Касен, З.Б. Мадалиева,
Ш.Н. Закарьянова, З.М. Садвакасова, Л.О. Баймолдина

О-75 **Основные** направления парадигмы радикализма. Особенности психофизиологического исследования с помощью полиграфа: монография / О.Х. Аймаганбетова, Г.А. Касен, З.Б. Мадалиева и др. – Алматы: Казак университеті, 2021. – 153 с.

ISBN 978-601-04-5673-0

В монографии обобщены результаты проведенного теоретико-методологического изучения радикализма и радикалистских настроений в современной науке: рассматриваются понятие и история развития радикализма, основные направления и подходы к изучению типологии религиозного радикализма, выделяются особенности проявления религиозных радикалистских настроений среди студенческой молодежи в современном Казахстане. Предлагаемый материал позволяет глубже изучить и понять факторы, закономерности и динамику развития подверженности радикалистским настроениям, что необходимо для осмысления и проведения первичной профилактики радикализации казахстанских студентов.

Книга будет полезной для специалистов-психологов, религиоведов, а также для широкого круга читателей, интересующихся психологией.

УДК 159.91
ББК 88.31-214

ISBN 978-601-04-5673-0

© Аймаганбетова О.Х., Касен Г.А.,
Мадалиева З.Б. и др., 2021
© КазНУ им. аль-Фараби, 2021

ВВЕДЕНИЕ

Растущий интерес к психофизиологическому исследованию подверженности радикалистским настроениям с помощью полиграфа и первичной профилактики радикализации студентов в контексте нарастания угрозы религиозного терроризма и экстремизма не случаен в условиях полиэтнического и поликонфессионального общества.

В последние годы с распространением многочисленных радикальных исламских движений («Хизбут Тахрир», «Таблиги Джамаат», «Исламская партия Восточного Туркестана», «Исламский джихад» и др.), различных сект ваххабитского направления проблема радикалистских настроений, с одной стороны, и первичной профилактики радикализации – с другой, приобретает в Казахстане особую актуальность.

Особое звучание эта проблема приобрела в связи с произошедшими в ряде регионов страны терактами, унесшими жизни мирных граждан. В контексте последних событий, когда были предотвращены теракты, когда Казахстану удалось вернуть на родину радикально настроенных молодых людей, принимавших участие в боевых действиях в Сирии, в обществе, наконец, начали осознавать существование не только самой проблемы религиозного радикализма и экстремизма, но и их угрозу для дальнейшего существования нашей страны.

Причин этому много. Как отмечают ряд исследователей, основной причиной того, что салафитско-ваххабитская идеология сегодня проникла почти во все сферы нашей жизни, является, прежде всего, тот идеологический вакуум, который образовался в условиях отсутствия общенациональной идеологии, ухудшение социально-экономического положения населения, высокий уровень безработицы, криминализация общества, и в целом снижение уровня образования казахстанцев.

По мнению известного политолога Е. Карина, все радикальные группы, существующие сегодня в Казахстане, можно разде-

лить на три вида – диверсионные, представляющие собой специально подготовленных людей извне с конкретными планами и целями, джамааты – это сообщество молодых людей, объединенных на религиозной основе, и банды, как обычные криминальные группы, которые под влиянием лидера или других факторов становятся религиозно-радикальными. Многие подобные группы представляют собой именно смесь криминальных банд и религиозных сообществ. Большинство из них промышляли обычным разбоем, грабежами, рэкетом, то есть, их религиозно-экстремистская идеология зачастую была просто прикрытием для основной деятельности. Фактически это даже можно назвать особенностью казахстанского радикализма [1].

В связи с этим особую значимость приобретают исследования, направленные на изучение подверженности радикалистским настроениям и социально-личностных особенностей их приверженцев.

Одним из таких современных методов исследования является психофизиологическое исследование подверженности радикалистским настроениям с помощью полиграфа, который на сегодняшний день является достаточно эффективным инструментом психологической науки, основанным на выявлении взаимосвязи функций организма и психики человека. Метод ПФИ представляет собой проводимую по специальным методикам беседу с фиксацией психофизиологических реакций обследуемого на задаваемые вопросы.

Функция полиграфа при использовании метода ПФИ состоит в регистрации параллельно протекающих физиологических процессов: дыхания, кровяного давления, биотоков мозга и сердца, кожно-гальванического сопротивления, частоты пульса и др. При этом изменение величин параметров наступает при наличии определенных стимулов (раздражителей).

Психофизиологический феномен определяется тем, что внешний стимул, дающий человеку значимую информацию о событии, которое запечатлелось в памяти, вызывает определённую физиологическую реакцию, превышающую реакции на родственные (однородные) стимулы, предъявляемые в тех же условиях,

но не связанные с упомянутым событием и не несущие человеку ситуационно значимой информации. На этом основан метод психофизиологического исследования, когда с помощью ПФИ можно изучить, насколько человек подвержен радикалистским настроениям.

Поэтому обращение к феномену психофизиологическое исследование подверженности радикалистским настроениям с помощью полиграфа и первичная профилактика радикализации студентов как специальному предмету социально-психологического исследования непосредственно на материалах казахстанской выборки представляется актуальным и в прикладном эмпирическом отношении.

Этот факт усиливает актуальность нашего исследования и подтверждает адекватность выбранного нами приоритета в выявлении и профилактике радикалистских настроений.

Не претендуя на однозначное решение проблемы, опора на психофизиологическое оборудование видится нам как новое направление в диагностической работе с проблемой радикализма. Это новое слово в изучении радикализма не только в казахстанской науке, но во всем постсоветском пространстве.

Следовательно, такое исследование в современный период не столько становится наиболее необходимым для фундаментальных теоретических знаний, сколько оно востребовано актуальными запросами современности. В связи с этим актуальность психофизиологического исследования подверженности радикалистским настроениям с помощью полиграфа и первичной профилактики радикализации студентов очевидна. Это один из самых перспективных путей для теоретического и эмпирического синтеза, представляющего особую ценность для полиэтнического и поликонфессионального государства.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ РАДИКАЛИЗМА И РАДИКАЛИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

1.1. Понятие радикализма и история его развития

Сегодня понятие «радикализм» широко представлено в политической, философской, социологической литературе, в СМИ. Вследствие этого у многих создается впечатление, что это понятие на сегодняшний день является хорошо изученным. Однако, как показал проведенный анализ многочисленных источников, изучение радикализма как отдельного феномена – дело трудоемкое и сопряжено с определенными трудностями.

На наш взгляд, причина этого кроется в том, что в разных источниках его определение и понимание является неоднозначным. Как правило, основная часть литературы посвящена изучению истории, причин появления, особенностей различных радикалистских партий и движений, а не исследованию самого понятия «радикализм» и определению его основных детерминант, отличающих его от других идеологических, социально-политических, психологических феноменов.

Понятие «радикализм» также сложно изучать в силу того, что часть исследователей довольно часто его подменяет такими понятиями, как экстремизм, анархизм, фундаментализм и др., имеющими только разрушающее действие. Такая специфика исследования особенно характерна для современных ученых, которые не только путают нас, но и вводят в заблуждение.

Подобная путаница, имеющая место особенно между понятиями «радикализм» и «экстремизм», введена была, в первую очередь, представителями научных сообществ.

Проведенные российским профессором С.А. Сергеевым анализ и систематизация диссертационных исследований показали, что многие авторы рассматривают понятия «радикализм» и «экстремизм» как одно неразделимое понятие [2].

По мнению Г.И. Авциновой, в виду того, что «термин «радикализм» в последние годы широко эксплуатируется средствами массовой информации, учеными, это приводит к стиранию разграничений между понятиями «радикализм» и «экстремизм» [3, с. 54].

Она приходит к заключению, что термин «экстремизм», несмотря на широкое использование в СМИ, в правоохранительной системе, сегодня становится своего рода пропагандистским «ярлыком», а термин «радикализм» все больше тяготеет к академизму и приобретает характер академического термина [3, с. 54-58].

Как отмечает другой российский ученый, занимающийся изучением радикализма и экстремизма в современной России, Ю.Н. Полтавская, «на самом деле – эти два понятия – разные, имеющие разную смысловую нагрузку». «Радикализм и экстремизм, представляя собой смежные понятия как в науке, так и в общественной жизни, тем не менее, имеют различия. Их определение является одной из задач исследования природы двух явлений» [4, с. 104].

Например, радикализм в отличие от экстремизма ориентируется, прежде всего, на содержательную сторону провозглашаемых идей, которые не всегда являются «экстремальными», провозглашающими террор, насилие.

Как заметили Л.А. Бенько и В.А. Должник, в западных источниках и во многих политических словарях, в частности в «Немецком словаре политических терминов», понятие «радикализм» отделяется от понятия «экстремизм». В отличие от многих российских исследователей они рассматривают «радикализм» как «идеологию, как систему определенных политических взглядов, которые недопустимо смешивать с «крайними», экстремистскими формами политических практик» [5, с. 234-237]. Экстремизм нацелен, прежде всего, на действие. Радикализм же – это скорее обдуманые мысли по изменению чего-либо, которые,

скорее всего, поддерживает общество, но не поддерживает власть» [5, с. 236].

Как указывает один из корифеев в изучении понятия «радикализм» в психологическом контексте – канадско-американский психолог М. Нойманн, термин «радикал» одновременно «страшен, ужасен», но в то же время он обладает притягательной силой, своей «собственной магией». Поэтому многие, даже те, кто не понимает его содержание и не соответствующие этому понятию, тем не менее, используют его в качестве ярлыка, который придает им респектабельный вид. По мнению М. Нойманна, такая завораживающая сила этого понятия заключается в «смутности» его содержания, в силу чего «он представляет своим носителям практически все, что они хотят» [6, с. 230].

В новом «Словаре русского языка» под редакцией Т.Ф. Ефремовой радикализм определяется как «политическое течение», которое ориентировано на демократизацию общества, на проведение демократических реформ в рамках существующего государственного строя» [7].

С.И. Ожегов в «Толковом словаре русского языка» рассматривает радикализм как политическое течение, направленное на частичное проведение демократических реформ [8].

Что касается понятия «экстремизм», то его часто определяют, как приверженность крайним взглядам, мерам и действиям [9]. Такое рассмотрение и определение этого понятия характерно для многих словарей.

В частности, онлайн-словарь политических терминов детерминирует понятие «экстремизм» как «состояние или существование экстремальности», «пропаганда и приверженность к крайним взглядам и действиям» (от латинского *extremus* – крайний) [10].

Сам термин «экстремизм» (от греч. «*eschatos*», лат. «*extremis*») впервые стал использоваться в античный период философом и психологом Аристотелем, который считал, что он означает и характеризует те состояния, выражающие нестабильность, несдержанность и др. Позже этот термин из древнегреческого языка нашел применение в латинском языке, где он обозначался как «*extremis*» и использовался «для описания самой отдаленной по-

зиции относительно какой-либо точки измерения или исходного пункта» [11, с. 235].

Однако вплоть до середины XIX века этот термин не имел широкого использования. Начиная с середины этого века он, получив свое второе рождение, приобрел большую популярность, особенно в теории государства и политической прессе Великобритании [12, с. 259-260].

Что касается XX века, то почти до его середины этот термин не пользовался популярностью и не имел широкого использования ни в науке, ни в политической жизни.

Только после окончания Второй мировой войны вновь возрастает большой интерес к понятию «экстремизм».

По мнению американских исследователей, R. Eatwell, M.J. Goodwin, начавшееся в послевоенный период деление стран на два лагеря, приведшее к появлению радикалистских и экстремистских групп разного толка явилось причиной того, что, понятие «экстремизм» часто соотносят и путают с понятием «радикализм» [13, р. 28].

Если более подробно анализировать эти два понятия, то необходимо также отметить и те разные методы, с помощью которых реализуются эти идеи. И, если понятие «радикализм» стало использоваться как, прежде всего, образ мышления, идеология, то экстремизм обозначает реализацию этой идеологии в определённую деятельность, как правило, носящую противоправный характер. В первую очередь, он воплощает те методы и средства, с помощью которых можно осуществлять борьбу за идеи, которые проповедует радикализм.

Таджикский философ З.Д. Рахматова, изучая специфику религиозного радикализма, получившего наибольшее распространение среди таджикской молодежи, особенно в период гражданской войны, в своем диссертационном исследовании отмечает, что радикализм, скорее всего, – это «стремление», а экстремизм – «приверженность». Вследствие этого, к радикалам она относит того человека, которой имеет только лишь намерения, но он неспособен и не стремится к совершению каких-либо противоправных действий.

Экстремист, – отмечает таджикский философ, – это тот, который готов к совершению крайних противоправных и агрессивных действий.

Исходя из вышесказанного, она делает вывод, что под самим понятием «экстремизм» следует понимать те крайние меры, которые направлены на трансформацию социальной, политической, экономической жизни в стране. Рассматривая экстремизм как «средство», самих экстремистов автор относит к «сторонникам применения крайних средств» [14].

Ю.Н. Полтавская, изучая и сравнивая эти два понятия – «радикализм» и «экстремизм», считает, что наиболее значимым аспектом сравнения этих понятий является их отношение к действующей политической власти и в целом к государственному строю в данном обществе. Она отмечает, что, если изучать эти два явления в контексте политического процесса, то можно прийти к выводу, что они отличаются совершенно разной природой и основой. Если первый, считает она, представляет собой угрозу стабильности правящего режима, то второй – сам по себе – уже содержит угрозу существованию самого государства как такого.

В связи с этим Ю.Н. Полтавская приходит к выводу, что экстремизм как социально-политический феномен отличается высокой социальной и политической значимостью. Подтверждением этого является ярко выраженное стремление государственных властных структур урегулировать на законодательном уровне или взять под контроль эти процессы [4].

Это дает право ростовскому политологу А.В. Резникову сделать вывод, что «радикализм» – это «стремление», а экстремизм – это «приверженность и призыв к действию», т.е. радикалом, по его мнению, является «намеревающийся, но не совершающий», а экстремистом является «систематически совершающий» противоправные действия [15, с. 160].

В контексте такого рассмотрения можно сделать вывод, что радикализм есть социальное, политическое явление, для которого характерно проявление решительного, но не экстремального поведения. Что касается экстремизма, то он представляет собой до чрезвычайности экстремального действия социального субъекта [16].

Следовательно, радикализм и экстремизм как понятия, как термины отражают общую цель, ведущую к перестройке и переустройству всей социально-политической системы общества. Но, если их рассматривать, прежде всего, как действующие феномены, выделять их психологические механизмы, регулирующие их когнитивное, эмоциональное и конативное поведение, то радикализм лишь вооружает определенной идеологией и методологией реализации этой идеологии. Что касается экстремизма, то как исключительно поведенческий (конативный) компонент, раскрывающийся не только в осознании, проявлении, эмоциональном ощущении, он реализуется исключительно только в определенных действиях.

В этом ракурсе весьма интересной представляется концепция Л.А. Бенько, понимающей под радикализмом, прежде всего, обдуманые мысли по изменению и улучшению чего-либо в обществе, которые, вследствие этого, находят поддержку на уровне общества, но не поддерживаются «властью». Экстремизм, несмотря на имеющуюся или отсутствующую поддержку, направлен на активную деятельность, не всегда законную [17, с. 236].

Следовательно, делает вывод автор концепции, «радикализм как идеологию, как систему определенных политических взглядов недопустимо смешивать с «крайними», экстремистскими формами политических практик...», к которым относят экстремизм» [17, с. 234-237].

С рассмотренными позициями соотносятся выводы, развиваемые другими исследователями, в частности, той же Ю.Н. Полтавской, разделяющей радикализм на левый и правый.

Она отмечает, что лидеры, представляющие правый радикализм, считают, что необходимо предпринимать быстрые и решительные действия, которые могут стать основой преобразований в общественной и политической сферах. При этом самым лучшим методом для достижения этих целей являются реформы.

На самом деле очень часто предлагаемые правыми радикалистами реформы, представляющие собой больше политические решения, выходя за рамки традиционных реформаторских практик, представляют определенную угрозу политической и социальной стабильности общества, часто не всегда готового к этим преобразованиям [4].

Следовательно, в контексте такого определения основных детерминант радикализма и экстремизма, в качестве их существенной детерминанты можно выделить тот уровень опасности, который содержат их идеи и методы, регулирующие деятельность приверженцев этих подходов. Даже те же радикальные идеи могут иметь экстремистское содержание.

Более того, при определенных условиях и общественных противоречиях, возникших в государстве и вызывающих недовольство и протесты граждан, радикализм может превратиться в одну из предпосылок для распространения экстремистской идеологии, стать его идеологическим и эмоциональным конструктом для экстремистского поведения.

По этому поводу очень чётко прописано в Резолюции Европейского парламента: «...(Р)адикализация стала термином, используемым для описания явления приобретения людьми нетолерантных мнений, взглядов и идей, которые могут привести к насильственному экстремизму» [18, с. 3].

Причинами появления и того, и другого явления выступают общественные противоречия, среди которых особое значение имеют противоречия между большими социальными группами:

- межконфессиональные;
- межэтнические;
- политические;
- межклассовые;
- идеологические и др.

Таким образом, радикализм и экстремизм между собой соотносятся как целое и как часть этого целого, но, тем не менее, это разные понятия, которые нельзя рассматривать как тождественные, поскольку это может привести к слиянию, по существу, разных феноменов.

Исходя из этих реалий, радикализм можно рассматривать, прежде всего, как идеологию, как мировоззрение, представляющее собой социально-культурное явление, охватывающее почти все области жизнедеятельности общества, включающее социальную, политическую, экономическую, культурную и др.

Как показал проведенный анализ и систематизация литературы по этой проблеме, в настоящее время радикализм может быть

как позитивным, имеющим созидательный характер, так и негативным, порой деструктивным, несущим обществу разрушение (речь идет о крайнем радикализме).

Кроме того, он может обнаруживаться на всех уровнях развития общества, он может быть представлен как со стороны государства, так и оппозиции, может содержать как консервативные, так и революционные идеи, может руководствоваться как религиозной, так и националистической идеологией, проявляющейся в социальной, националистической, этносепаратистской и др. ориентациях.

Еще одной немаловажной особенностью радикализма является то, что радикалистские идеи и в целом идеология радикализма могут быть присущи как оппозиции, так и представителям правящего класса, он может пропагандировать как передовые, так и консервативные, различные религиозные и националистические цели.

Он может определяться разными уровнями проявления. Так, он может быть умеренным, иметь форму утилитаризма, как у Бен-тама, создавшего проект «системы счастья максимально большого количества людей», основывающегося на усовершенствовании законов или самой программы деятельности Радикальной партии Франции [19].

В то же время, несмотря на то, что радикализм отвергает насилие, свойственное экстремизму и терроризму, тем не менее, если во главе движения окажется человек, который без всяких компромиссов способен идти к достижению своей цели, даже порой путем насилия, то он поведет свою партию по этому направлению.

Поэтому сегодня ненаучно рассматривать радикализм только как идею, как метод осуществления определенных политических идей, лишь как средство и инструмент.

Как утверждает канадско-американский исследователь М. Нойманн, налицо разрыв цепочки, где радикализм стоит в основе целой цепочки «радикализм – экстремизм – терроризм», где у каждого компонента этой цепочки есть свое закреплённое место – «цель – идея – форма действия – метод действия» [6, с. 8].

Таким образом, согласно выводам канадско-американского психолога, идеи радикализма присущи не только относящим себя

к радикалам. Однако, замечает М. Нойманн, радикалы (по цели) довольно часто применяют далеко не радикальные средства [6, с. 8]. Далее он отмечает, что радикализм нельзя отнести ни к стилю общения, ни к интеллектуальной или идеальной сфере, он представляет собой «лишь только средство, инструмент «делания вещей» [6, с. 8].

Следовательно, согласно М. Нойманну, радикализм – представляет собой определённый способ и метод, благодаря которому можно предложить и решить конкретные задачи по изменению политико-правовой, социально-экономической действительности, способствующей улучшению жизнедеятельности общества.

Действительно, радикализм может быть свойственен не только радикалам, использующим в своей деятельности часто не слишком радикальные средства для претворения в жизнь поставленных целей, однако, тем не менее, они не перестают быть радикалами. Политик любого уровня как представитель радикального движения, партии понимает, что успех его партии, его движения, как и его личный успех, во многом определяется выбором наиболее эффективных методов, адекватных поставленным целям, политической ситуации форм и методов деятельности.

Эти выводы можно наглядно продемонстрировать на примере личности одного из самых радикальных политических деятелей, вождя мировой революции, как его называли в советский период, – В.И. Ленина.

В.И. Ленин высмеивал тех своих сторонников, которые желали иметь неизменный, раз и навсегда утверждённый перечень универсальных радикальных методов, пригодных на все случаи жизни. Он призывал руководствоваться не какой-то одной формой борьбы, какой бы радикальной она ни казалась, а «испробовать сотни и тысячи новых», выбрав те из них, которые в данной политико-правовой ситуации способны при «наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты». Без умения соединять легальные и нелегальные, реформистские и революционные методы борьбы революционер, по его мнению, «не стоит ломаного гроша», «смешон», если не хуже» [20, с. 398].

В то же время в 1921 г. вождь мирового пролетариата предлагал соблюдать «реформистский», «осторожно-обходной» метод действия при строительстве нового социалистического общества. Он считал, что, если революционеры «вздумают, будто», что революция должна решать по-революционному» все задачи, то они «погибнут наверняка», если не в плане внешнего поражения, то «внутреннего провала их дела». Сам он, призывающий к терроризму во всех его видах и проявлениях, в то же время в качестве самой главной ошибки революционеров выделял их неумение адекватно принимать решения в условиях «революционных будней». Они должны понимать, что в данных условиях «надо уметь действовать по-революционному и в какой-то момент... перейти к действию реформистскому» [20, с. 398].

В контексте такого понимания особенностей радикализма, обоснованных вождем мировой революции, одним из основоположников теории терроризма, радикализм можно рассматривать и с точки зрения личности, стремящейся улучшить и совершенствовать существующую в стране политическую, социально-экономическую ситуацию.

Поэтому в последние годы понятие «радикализм» стало исследоваться также и в психологическом контексте. С точки зрения психологии действие этого социально-психологического феномена можно наглядно проиллюстрировать на поведении лидеров, отражающем их индивидуально-психологические особенности – темперамент, типологию характера, стрессоустойчивость, решительность, готовность использовать в своих действиях не только идеи и методы, но и прибегнуть к определенным действиям в критической ситуации [19].

Вследствие этого, сегодня психологический подход стал пользоваться особой популярностью в связи с тем, что многие политические решения, особенности стиля управления, в том числе и государственным аппаратом, и самим государством, во многом определяются личностью лидера, его индивидуально-психологическими особенностями.

Психологический подход к радикализму основан на «принципе или направлении» лидера, определяющем его «стремление

доводить политическое или иное мнение до его конечных логических и практических выводов, не идя ни на какие компромиссы!»

Это дает право рассматривать радикализм как «скорее дело темперамента, чем убеждения» [19]. Таким образом, благодаря этим особенностям лидер может стать радикальным консерватором или, наоборот, провозглашать радикальный социализм.

В то же время необходимо отметить, что психологический подход адекватен только на микроуровне, в контексте которого допустимо рассматривать направленность и мотивацию поступков отдельной личности. Однако с его помощью исследовать социальные, политические, правовые проблемы общества мы не сможем [19].

Как показывает проведенный исторический экскурс понятия «радикализм», это явление характерно для всех периодов развития человечества, которое приводило к изменению образа жизни и форм правления в государстве. Во всемирной политической истории радикализм всегда выступал в качестве идеологической опоры для государственного переустройства.

Если же рассматривать в целом, то вся история радикализма связана не только с пропагандой определённой идеологии и реформами, но и определенными действиями. Например, распад целых империй, переход от язычества к христианству, от феодализма к капитализму, от капитализма к социализму сопровождались не только радикальной идеологией и радикальными реформами, но и жестокими революциями и войнами.

В частности, так произошло при смене рабовладельческого строя на феодальный и феодального строя на капиталистический. Основоположник научного коммунизма К. Маркс верил, что на смену ему придет коммунизм.

Все его труды красной строкой пронизывает идея радикального прогресса в обществе, в котором не будет социальных классов. Он считал, что для достижения этого в переходный период необходима политика жесткой диктатуры пролетариата, после которой политика в целом станет уравновешенной, так как в условиях развитого капитализма в составе населения будет преобладать пролетариат. И таким образом постепенно произойдет отмирание классов.

Чтобы прийти к этому, по мнению К. Маркса, революция должна произойти одновременно в большинстве развитых стран.

Такие взгляды были подвергнуты критике как со стороны консерваторов, так и других радикальных направлений, в частности, анархистов, которые требовали полной отмены государства (М. Бакунин), реформистов, которые рассчитывали на проведение радикальных перемен в рамках существующего политического строя (Э. Бернштейн, партия Социалистического интернационала), и, наконец, конституционалистов, которых устраивало сохранение монархии, но при этом они требовали коренного изменения содержания (что было характерным для европейских монархий Японии).

В отличие от К. Маркса и его последователей, анархисты считали, что перемены могут наступить лишь только при условии ликвидации государства как такового.

Если исследовать само происхождение термина «радикализм», то он произошел от латинского слова *radix*, означающего корень, или позднелатинского *radicalis* – коренной, корневой. Именно такое понимание этого термина легло в основу цитаты К. Маркса: «Быть радикальным – значит понять вещь в её корне» [21, с. 4227], то есть исследовать корень существующих проблем и стремиться к их решению.

Русский филолог В. Даль также рассматривал понятия «радикальный» как коренной, основной и, соответственно, «радикал» – как «политик, требующий коренных преобразований в управлении на основании науки, отвергающий опыт» [22, с. 7].

Проведенный анализ литературы показал, что он имеет своеобразную историю создания. И эта особенность заключается в том, что как феномен он был присущ всем без исключения историческим эпохам, переживаемым человечеством, начиная с того момента, как человек стал «*Homo sapiens*». Это понятие зародилось тогда, когда появилась борьба за власть или когда началась борьба против существующей власти, но как самостоятельный термин, обозначающий этот феномен, он появился лишь в конце XVIII века в Англии, а именно в 1832 году в среде противников Билля об избирательной реформе, как характеристика сторонников нововведения [23, с. 19].

По мнению американско-канадского психолога М. Ньюманна, впервые этот термин был упомянут в Кратком Оксфордском словаре, вышедшем в 1802 году [6, с. 230].

В первой детерминации радикализма и его основных детерминант акцент был сделан на том, что «радикал» – это, прежде всего, человек с передовыми идеями и взглядами на политическую реформу в сторону демократического направления. Это человек, защищающий радикальные реформы, «это тот, кто обладает наиболее продвинутыми взглядами на политическую реформу в демократическом направлении, а также принадлежит к крайней секции либеральной партии» [6, р. 230]. Как видим, идеология и принадлежность к организации присутствуют уже в первом представлении о радикализме, которое получило отражение в этом словаре.

Следовательно, изначально понятие «радикализм» рассматривалось как положительное передовое явление и связано оно было с английским буржуазным демократическим либерализмом второй половины XVIII века.

В тот период в Англии радикалами называли общественных деятелей, которые выражали и защищали интересы представителей зарождающегося нового слоя – буржуазии, к которому относились городские ремесленники, предприниматели – собственники, фермеры, а также квалифицированные рабочие, составлявшие так называемый средний класс. К радикалам также примкнули нонконформисты, католики и другие политически бесправные и подвергавшиеся преследованиям [24].

Английские радикалы, поддерживающие эти идеи нарастающего буржуазного класса, стали требовать проведения в стране социальных реформ путем реформирования политической и социально-экономической систем без использования насильственных средств [24].

Таким образом, уже в первых требованиях радикалистов проявились идеологическая и политическая составляющие.

Вскоре новый термин «радикализм» был подхвачен и расширен философом И. Бентам, отнесшим его к новому философскому направлению. Именно с этого периода термин «радикализм» стал

активно использоваться в политической, религиозной, социальной областях, а также в философии и других науках о человековедении.

В первую очередь, под ним понимали идеологию, направленную на преобразования, связанные с общественными, политическими, экономическими и культурными изменениями и на определенные реформы.

Что касается периода эпохи промышленного переворота и европейских буржуазных революций, то здесь радикализм превратился в составляющую всего общественного развития и постепенно стал получать силу и авторитет в социальной и политической, философской мысли и политической практике Европы.

Если сравнивать радикализм с другими направлениями, получившими также развитие после Французской революции, то радикализм стал более серьезным социально-политическим явлением, чем традиционализм (А. Росмини и др.), консерватизм (Э. Берк и др.), клерикально-монархический авторитаризм (Ж. де Местр, Л. де Бональд и др.) или прямая политическая реакция Священного Союза.

Следовательно, радикализм представляет собой не только в альтернативу революции и революционных насильственных действий, но является выражением того идеологического спора, который продолжался более двухсот лет. Это борьба между двумя основополагающими идеями – с одной стороны, предложенной древнегреческим философом Платоном, который предлагал революционный путь, с другой стороны, это концепция не менее известного древнегреческого философа – Аристотеля, который выделял путь постепенных преобразований в обществе как основополагающий.

Таким образом, борьба между этими идеями, начавшаяся в античный период, постепенно развиваясь и расширяясь, в дальнейшем выросла в движение «радикализм».

Особый толчок к развитию радикализм получил в период Просвещения, а затем – начавшейся промышленной революции, которые стали причиной появления новых требований к человеку, к его адаптации в обществе, к машинному производству. Все

это привело к тому, что в обществе стали появляться люди, которых не устраивал монархический авторитаризм.

В первую очередь, основополагающие идеи английского радикализма получили развитие под влиянием взглядов И. Бенстама и Дж.С. Миля, когда началась борьба против привилегий, злоупотреблений властью, появились требования к ограничению королевской власти, расточительства, проведения судебных реформ в области судопроизводства. Также в качестве важных требований было введение всеобщего избирательного права и представительства народа в парламенте. Именно в тот период были введены в практику политической борьбы новые формы мобилизации общественного мнения и действия. В итоге радикализм нарушил механизм действия двухпартийной парламентской системы.

Следовательно, английский радикализм XVIII в. представлял собой реформаторское движение, основной целью которого было расширение избирательных прав подданных Ее величества, а проведенные под напором радикалистов реформы в стране способствовали созданию и функционированию относительно стабильной двухпартийной системы с ее современной организационной структурой.

Во Франции периода Реставрации, правления Луи-Филиппа и «либеральной империи» Наполеона III под эгидой идей радикализма объединились республиканцы, начиная от «якобинцев» и тех, кто боролся за демократизацию общества.

Постепенно радикализм эволюционировал в четкую политическую доктрину, суть которой заключалась в решении проблем управления страной, политической демократии, основанной на идее прямого всеобщего избирательного права, равенства всех перед законом и постепенного преобразования общества путем реформ [25].

Что касается Италии, то здесь радикализм как движение состояло из двух направлений. С одной стороны – республиканского, возглавляемого А. Бертани, с другой – представленного идеями национального освобождения Дж. Мадзини и К. Каттанео. Они также вели борьбу за введение новых налоговых реформ, введение всеобщего, бесплатного и светского начального образования, невмешательство церкви в политику и др. [26].

Как видим, у представителей новых идей, выразивших интересы нового поколения Англии Франции и Италии, были общие требования по реформированию общества. Вследствие этого, ранее разобщенные группы радикалистов стали постепенно объединяться вокруг общественных деятелей, определявших передовую социально-политическую культуру своих стран.

В XIX веке идея дальнейшего развития общества ненасильственным путем, а путем проведения реформ была широко озвучена и распространена во Франции, а затем перешла в другие европейские страны. Идеями радикализма, который пытались внедрить в свою политическую деятельность, прониклись такие яркие французские политики, как Л. Гамбетт, Л. Буржуа, Ж. Клемансо и др. Большинство из них, вышедшие из низких слоев мелкой буржуазии и крестьянства, стали активными сторонниками парламентской республики и выступили с требованиями демократизации политических институтов.

В конце XIX века во Франции широкое развитие получила идеология социальной демократии, создателем которой выступил один из наиболее активных лидеров французских радикалов-социалистов – Л. Буржуа. В основу своей концепции он положил идею, что между гражданами республики должен устанавливаться негласный договор, согласно которому они будут выполнять все социальные повинности, установленные государством, пропорционально тем выгодам, которые принесет им такой консенсус. Таким образом, по молчаливому согласию между гражданами общегражданская солидарность превратится в важную норму французской политической культуры [25].

Эта концепция социальной демократии сегодня не только сохранила свое влияние во Франции, но и продолжает эффективно работать и в современный период, реализуясь как основная идеология Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов, отметившей в 2001 г. столетний юбилей [25].

В Англии в начале XIX века радикальные идеи сначала озвучивались в журналах «Вестминстерское ревью», «Еженедельное политическое обозрение», ставших своеобразным центром притяжения радикально-мыслящих деятелей. В этот период так-

же выделились лидеры реформаторского движения – Э. Чедвик, Дж. Проупп, Ф. Плейс, Дж. Хьюм, Дж. Ф. Ребек и др.

Что касается Италии, то здесь в 1904 году возникла монархическая партия радикалов, которая является действующей и по сей день.

Как видим, из опыта этих европейских стран идеи радикализма постепенно стали внедряться в общественное сознание граждан этих стран и стали объединяться в единое политическое, философское, религиозное, культурное, просветительское движение.

Тем не менее, несмотря на это, вплоть до конца XIX века радикальные движения не смогли объединиться в единую политическую партию. Например, английские радикалы объединялись с вигами и тори, либералами и консерваторами. В конце концов в 1900 году они влились в партию лейбористов. Французским радикалам только в 1901 году удалось обособиться от других партий, и в 1883-1885 годах они смогли объединиться в Республиканскую радикальную и радикал-социалистическую партию, которая не раз становилась правящей партией в I-й половине XX века.

Таким образом, идеология радикализма, служившая основой идеологии всех этих партий, привела к тому, что в XIX-XX веках все значительные события и преобразования в политической, социальной и культурной областях происходили путем реформирования, постепенно.

Например, в Англии реформа избирательного права (1832) была принята в ходе длительной парламентской борьбы. Затем радикалы добились отмены запрещения рабочих организаций. Благодаря этим реформам были созданы основы общественного здравоохранения, всеобщего начального обучения, частично была либерализована колониальная политика, также была проведена новая избирательная реформа Дизраэли (1867) и др.

Специфика французского и английского радикализма показала, что он представляет собой социально-политическое явление, отличающееся либеральным оттенком и не всегда ассоциирующееся с понятием «революционность». Чаще всего, ему свойственны особенности, характерные для умеренного, реформистского процесса эволюции политического процесса.

Исходя из этих реалий, именно такое понимание «радикализма» и производного от него «радикальный» приобрело свое воплощение и развитие в современной политической, социологической, культурологической литературе европейских стран.

В том же «Немецком словаре политических терминов» радикализм рассматривается как политическое течение, направленное на реформирование общественного сознания, и особенно лидеров государств. Оно не имеет ничего общего с крайними и экстремистскими идеологиями. Более того, даже в случае, когда «насилие преимущественно используется радикальными группами, оно, однако, не является специфическим признаком радикализма, а характеризует терроризм» [3, с. 47–48].

С рассмотренными позициями соотносятся выводы, данные другими современными европейскими словарями политических терминов.

В связи с этим «радикализм» можно рассматривать как особую идеологию и систему политических взглядов, которая является определенным дополнением к какому-либо действию или поведению.

Если говорить о развитии радикализма в странах Юго-Восточной Азии, Японии, то здесь радикализм получил скорее технологический, а не социально-политический уклон.

Если говорить о России, то, как отмечает современный российский исследователь радикализма в России Г.И. Авцинова, наряду с консерватизмом политический радикализм является важнейшей политико-культурной традицией, оказывающей воздействие на характер функционирования всех сфер общества, психологию, менталитет, культуру, религию, географические условия и т.д. [3, с. 47–48].

По мнению И.Н. Лопушанского, одного из теоретиков изучения российского радикализма, демократическая версия радикализма получила здесь своё развитие только в середине XIX в. [27, с. 48].

В этот же период стали появляться отдельные радикальные реформаторы в России, которые группировались вокруг журнала «Современник».

Одним из ярких представителей транснациональной «партии радикалов», действующей в Европе в 1840-е года, был М. Бакунин, ставший впоследствии основоположником идеологии классического русского народничества, в основе которого лежала идея самоуправления народа.

Он считал, эта идея «составляет принцип, лежащий в основе всех взглядов радикалов», а «вся сила радикалов заключается в публичности». А «замалчивание есть необходимая участь так называемой консервативной партии, которая нуждается в народе только как в средстве и не видит в нем цели» [27, с. 10].

Размышляя о роли образования в развитии народа, М. Бакунин указывал, что «народ сможет сам собой управлять лишь постольку, поскольку он является совершеннолетним и самостоятельным». Однако до такого высокого уровня гражданского политического «совершеннолетия» народ поднимется «только путем образования» [27, с. 11].

В то же время ряд русских исследователей дореволюционного периода (Н. Бердяев, И. Ильин, В. Ключевский, Г. Федотов, Л. Франк и др.) отмечали, что особенностью русского радикализма был так называемый «дух бунтарства» [27, с. 11].

Приписывая русскому народу особый «дух бунтарства», мыслители дореволюционного периода исходили из особенностей природного фактора, а именно специфических географических и климатических условий России.

Так, в частности, П. Чаадаев считал, что географические и климатические условия, месторасположение России способствуют, с одной стороны, развитию политического величия страны, а с другой – являются показателем «умственного бессилия» жителей России.

Эти идеи перекликаются с мнением И. Ильина, считавшего, что, с одной стороны, россиянам нужно было искать пути выживания на такой огромной, незаселенной территории, а с другой – эти огромные необъятные пространства развили у русского народа способность решать конфликты «особым способом», когда «организационное приспособление друг к другу заменяется расхождением в разные стороны» [28, с. 244]; «переселенческим

бродяжничеством, бывшим (наряду с колонизацией) основным фактом нашей истории» [29, с. 85, 87].

Н. Бердяев, изучая роль географического фактора в формировании бунтарской психологии русского народа, также считал, что русский народ убит широкими лесами и полями. В частности, в своем исследовании «Судьба России» он отмечал, что одним наблюдателям бескрайность русских земель казалась залогом побед наших предков (в конечном счете), другим – низкого уровня жизни населения из-за экстенсивности хозяйствования (климат также играл свою роль, сокращая до 130 дней время сельскохозяйственных работ в году – вдвое меньше, чем в Европе) и беспечности, безответственности из-за трудности управления (Н. Бердяев) [30, с. 47].

Об этом в свое время также писал русский писатель М. Горький в своей статье «Две души», где он отмечает, что именно географическое расположение России между Европой и Азией привело к тому, что у русского человека две души; с одной стороны – это душа европейца, а с другой – монгола, восточного человека. Отсюда – постоянный конфликт, присущий русскому человеку, вследствие которого он находится в постоянном поиске новых идей, мыслей, как улучшить обстоятельства своей жизни.

На наш взгляд, абсолютизация географического фактора (теория географического детерминизма) является неуместной, так как связь между природой, идеологией и политикой, существует, но эта взаимосвязь является косвенной.

Второй фактор – биосоциальный, связанный с первым, так как, исходя из той же «Теории географического детерминизма» Гиппократ, Ш. Монтескье, Л.Н. Гумилев и др.), врожденные предпочтения определяются специфическими климатическими, географическими условиями и общественной средой.

Таким образом, рассмотрение радикализма в контексте социокультурного подхода показывает, что это явление является отражением особой политико-культурной традиции российского общества. Вследствие этого, радикализм в России рассматривается как традиция, вызванная особыми условиями географического расположения и такими особенностями страны, как история

государства, развитие государственности, введение христианства, роль православия в обществе, русский национальный характер, правовой нигилизм и др.

«Соответственно этому, – отмечает А.С. Изгоев, – здесь формировался особый тип духовного склада и поведения, национальной психологии российского народа» [31, с. 221].

Что касается XX и XXI веков, то для них характерно усиление распространения идей радикализма по всему миру. Это, прежде всего, две мировые войны, многочисленные войны локального характера. Это революция, итогом которой было создание СССР, а также социалистической системы в ряде государств.

В СССР существенные радикальные изменения начались в 1960-е годы. Они были вызваны хрущёвскими реформами, получившими название «оттепель». Затем реформирование старой системы началось в период так называемой «горбачевской перестройки» (1980-1990-е гг.), вследствие которой псевдодемократизация привела не только к крушению страны, но и к сепаратизму и национализму, сопровождающимся повсеместными войнами и межнациональными конфликтами, вызванными идеями сохранить свой суверенитет и независимость.

Политическая элита, поставившая целью проведение радикальных изменений в обществе, привела в 1992 году к переходу к рыночным отношениям, вызвавшим либерализацию цен и обвальную инфляцию.

Последовавшая следом несправедливая приватизация государственной собственности бывшими партийными и комсомольскими работниками, создавшая основу социального расслоения, на сегодняшний день создает предпосылки противостояния власти, нелегитимной в глазах значительной части населения всех республик, получивших независимость. Все это способствует развитию радикалистских настроений в обществе.

В современный период возрождающийся радикализм, с одной стороны, является своеобразным ответом на набирающий в последние годы преференции моральный релятивизм, ведущий к деградации и моральному разложению общества, который мы сегодня наблюдаем в странах Европы и Америки, где уже уза-

конены однополые браки, открыто проповедуются идеи ЛГБД, педофилии и др.

С другой стороны, идеи радикализма сегодня получают развитие в связи с нарастанием в последние годы межконфессиональной напряженности, вызванной религиозно-политической активизацией исламского мира, которая сегодня принимает уродливые формы и проявления в виде пропаганды Исламского государства.

Таким образом, радикализм сегодня превращаясь в постоянный и неотъемлемый спутник, сопровождающий как прогрессивное, так и разрушающее негативное развитие всего человеческого социума.

Сегодня понятие «радикализм» отличается от классического понимания его содержания, которое было внесено классическими радикалами XVIII-XIX вв., преследовавшими более ограниченные цели, чем коренное преобразование общества. Учитывая эти модификации, понятие «радикализм» нужно использовать крайне осторожно.

В связи с этим в современный период отношение к радикализму является двойственным и неоднозначным, детерминированным, прежде всего, степенью стабильности общества, особенностями его социально-политического и экономического развития.

В обществах, переживающих кризис, отношение к радикальным идеям, к самому радикализму является положительным, так как на него возлагают большие надежды, которые смогут привести к позитивным переменам в обществе, в области экономики, политики и др. Поэтому в таких странах граждане, как правило, тяготеют и приветствуют радикальные идеи и движения, с которыми они связывают прогрессивное будущее развитие своей страны.

Что касается экономически и политически развитых богатых стран, то здесь отношение граждан к радикализму диаметрально противоположно, так как в нем видят, прежде всего, угрозу существующему порядку и стабильности.

Отношение к радикализму и его идеям также определяется идеологией и ценностными установками, доминирующими в том или ином обществе, а также идейно-политическими взгляда-

дами социальных и политических элит. Однако, хотят ли этого господствующие элиты или не хотят, но сама диалектика развития радикализма показывает, что он возникает как необходимая составляющая общественного бытия. В одни периоды развития общества он проявляется в виде реализующейся, а в какие-то – как существующей в виде возможности.

Следовательно, радикализму как явлению свойственны две составляющие. Это, прежде всего, его нацеленность на кардинальную перестройку общества, которое не отвечает интересам не только элит, но и масс в целом. Если, например, представители консервативных партий прилагают все усилия для укрепления и совершенствования существующей политической, идеологической системы, то усилия представителей радикалистской идеологии направлены на «осуществление коренных общественных изменений, ...ориентированы на действия за пределами системы» [32, с. 254].

В то же время идеология радикализма направлена не только на реформирование политической, социальной, культурной и др. сфер жизни общества, для перестройки всего общества; идеология радикализма может проповедовать в некоторых исторических моментах способность к организации решительных действий, направленных на проведение преобразований в обществе.

Следовательно, приверженцы различных радикальной движений для установления своей идеологии и проведения преобразований в обществе могут использовать не только несилловые методы и средства, но, в случае необходимости, они могут воспользоваться вооруженными и революционными средствами [33].

В связи с этим, в современном мире понятие «радикализм» приобретает особую значимость, и его изучение становится особенно актуальным.

И, если западные исследователи рассматривают радикализм, прежде всего, как позитивное явление, которое привносит положительные изменения в общество постепенно путем реформ, то в России, и соответственно в странах СНГ, радикализм до сих пор, к сожалению, отождествляют с экстремизмом.

Таким образом, современный радикализм, как мы видим, до сих пор не представляет собой некое единообразное и целостное явление и до сих пор он не имеет однозначного определения и является достаточно противоречивым феноменом.

В современном понимании это понятие сегодня определяется несколькими детерминантами. В контексте психологии оно определяется как психологический механизм, предполагающий для качественного преобразования общества и общественных процессов ведение каких-либо решительных и бескомпромиссных действий.

В контексте политологии радикализм рассматривается как политическое движение, участники которого для достижения своих целей могут придерживаться крайних средств.

С точки зрения социологии, радикализм определяют, как социокультурную традицию, детерминируемую соответствующим определенным типом личности, а также этническими, цивилизационными, общественными особенностями.

Так, понятие «радикализм», имеющее длительную историю своего создания, окончательно закрепившись в XIX веке, стало постепенно распространяться на политические, религиозные, социальные взгляды и направления, и в целом общественную идеологию. И, если первоначально этот термин, начавший употребляться, прежде всего, в лексиконе политиков и идеологов, означал стремление найти корень всех социальных и политических проблем, то сегодня он представляет собой широкий социально-политический, идеологический, культурный, психологический феномен, который направлен на радикальное изменение общества.

В контексте такого понимания радикализм можно расценивать как приверженность определённым взглядам, реализующаяся в идеях и действиях, направленных на изменение существующей идеологической, социально-политической, экономической, психологической обстановки в обществе, общественных институтов, а иногда и в целом социально-политического строя.

Что касается непосредственно казахстанских исследований понятия «радикализм», то нужно отметить, что здесь, как и во многих российских исследованиях, идет отождествление понятий «радикализм» и «экстремизм», причем большее внимание уделя-

ется исламскому и религиозному экстремизму. На наш взгляд, это связано с продолжающейся исламизацией населения, отсутствием общенациональной идеологии, резким расслоением общества, падением уровня жизни, криминализацией общества. Одной из причин также является слабый уровень противодействия экспансии религиозного экстремизма. Особенно это касается такого направления радикализма, как религиозный радикализм, приобретающий черты, присущие религиозному экстремизму и терроризму. С появлением многочисленных радикальных исламских движений («Хизбут Тахрир», «Таблиги Джамаат», «Исламская партия восточного Туркестана», «Исламский джихад» и др.), различных сект ваххабитского направления с проявлениями террористической направленности, эта проблема особенно актуализировалась.

Особое звучание эта проблема приобрела в связи с произошедшими в ряде регионов страны терактами, унесшими жизни мирных граждан. В контексте последних событий, когда были предотвращены теракты в ряде регионов страны, когда Казахстану удалось вернуть на родину радикально настроенных молодых людей, принимавших участие в боевых действиях в Сирии, в обществе, наконец, начали осознавать существование не только самой проблемы религиозного радикализма и экстремизма, но и их угрозу для дальнейшего существования нашей страны.

Однако, к сожалению, приходится констатировать, что сегодня борьба с радикальными религиозными направлениями находится пока на той стадии, когда все начали понимать, что что-то делать нужно, но пока лишь только ограничиваются декларацией идей, направленных на борьбу с экстремизмом и терроризмом. Сегодня также опять звучат лишь отдельные предложения запрета радикальных групп на законодательном уровне или усиления пропаганды традиционного ислама, но пока эти идеи только в теории, а на практике они рискуют разбиться о суровую реальность [34, с. 196].

1.2. Основные направления радикализма

1.2.1. Политический радикализм как одно из направлений радикализма

Одним из направлений радикализма является политический радикализм.

Само понятие «политический радикализм» до сих пор является одной из спорных категорий в современной науке. Неоднозначность трактовок этого понятия, расплывчатость, нечеткость его критериев до сих пор вызывают много споров вокруг его определения и выявления его основных детерминант.

История изучения этого понятия показывает, что многие ученые, занимающиеся проблемами человековедения, предлагают свое видение этой проблемы и пытаются исследовать этот феномен в своих концепциях.

Сегодня общепринято рассматривать политический радикализм, прежде всего, как политические идеи и действия, целью которых является радикальное изменение общественных порядков.

Как утверждает российский философ Г.И. Авцинова, «большая трудность в определении термина связана не только с расплывчатостью его содержания, но и с предвзятым, политически тенденциозным отношением к нему уже с XVIII века». В одних кругах слово «радикализм» ассоциировалось с развалом, хаосом, нестабильностью, неустойчивостью, в других – с эффективным методом разрешения классовых антагонизмов, переустройства жизни [3, с. 33].

Как справедливо далее отмечает Г. Авцинова, «сущность этого феномена трудно охватить одной дефиницией. Да это и не нужно, поскольку обобщающее определение может охватить лишь один аспект из большого количества аспектов этого феномена» [3, с. 33].

В контексте такого понимания она рассматривает политический радикализм как «социокультурный феномен, обусловленный особенностями исторического, социально-политического, психологического, религиозного развития страны, проявляющийся

в ценностных ориентациях, устойчивых формах политического поведения субъектов, нацеленных на оппозиционность, изменения, тотальный, быстрый темп перемен, примат силовых методов в реализации политических целей» [3, с. 33].

Заслуживает внимания точка зрения И.Л. Морозова, который, следуя традициям российских ученых связывать радикализм и экстремизм воедино и отождествлять эти понятия, отмечает: «Политический радикализм – основной принцип экстремистской идеологии, согласно которому существующая политическая система воспринимается как абсолютно неприемлемая, несправедливая, не способная к эффективной модернизации и эволюции, а потому подлежащая уничтожению в максимально короткие сроки, немедленно» [35, с. 43].

Следовательно, политический радикализм можно определять следующими детерминантами: имеющейся теорией и практикой распространения политических идей, способами решения политических, социальных задач; жесткими требованиями трансформаций в обществе; мировоззрением и др.

В то же время политический радикализм можно рассматривать и как идеологическую ориентацию политики, целью которой является принципиальное изменение общества и его политической структуры средствами решительных, порой жестких силовых действий.

Таким образом, «политический радикализм – это, с одной стороны, теоретические основы, детерминирующие идеологию и методологию, а с другой – это определенные решительные действия, которые направлены на политические и социальные преобразования в обществе [36, с. 297].

В контексте такого определения политического радикализма можно сделать вывод, что, с одной стороны, он способствует дестабилизации установившейся годами политической обстановки. Усиливая конфронтацию политических и общественных сил, он может привести к разбалансировке всей системы управления и политических институтов. Но, с другой стороны, проявления политического радикализма, выражающиеся в недовольстве населения проводимой политикой, могут заставить правительство пересмотреть принятый ими политический курс.

Вследствие этого, этот феномен отличается не только негативными моментами, он также имеет определённые позитивные стороны. Так, например, появление в обществе радикалистских настроений может стать сигналом о неблагополучии в обществе, о возникших здесь проблемах, требующих быстрого принятия решений.

Сигнализируя о неблагополучии в обществе, радикализм заставляет власть решать в кратчайшие сроки проблемы, накопившиеся в обществе. Кроме того, распространение радикалистских идей и настроений свидетельствует о расхождении интересов между правящей элитой и рядовыми гражданами общества, что заставляет власть задуматься о будущем неблагополучном развитии событий.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что политический радикализм в обществе выполняют несколько функций.

Изучение политического радикализма как главного стимула изменений в обществе позволяет Е.Ю. Ворониной в своём диссертационном исследовании «Политический радикализм как объект политологического анализа» выделить ключевые функции политического радикализма, под которыми она понимает способ влияния на изменения в общественно-политической сфере [37].

Всего Е.Ю. Воронина выделяет четыре функции политического радикализма:

- сигнально-информационная функция, направленная на уведомление лидеров государства об имеющихся в обществе противоречиях, а также необходимости проведения изменений;

- функция давления на политические институты и учреждения, которая помогает выстраивать работу государственного аппарата в соответствии с целями и нуждами населения;

- функция корректировки политического курса, которая направлена на поддержание основных приоритетов развития страны, которые поддерживаются гражданами страны;

- функция стимулирования политических инноваций, направленная против несменяемости лидеров страны и в целом деградация политической системы.

Несмотря на расплывчатость и многозначность понимания политического радикализма, в современной политологической, социологической, психологической литературе существует несколько его классификаций.

Наиболее интересная классификация была предложена российским политологом и философом А. Малером, выделяющим два вида политического радикализма, которые, по его мнению, построены на дихотомии «конструктивный-деструктивный».

Первый вид – это «фундаменталистский» политический радикализм, «исторические корни» которого, как считает А. Малер, восходят к манихейству III века, то есть к самой радикальной версии гностицизма.

В отношении существующего мира, как отмечает российский политолог, возможно только два политических решения – либо его радикальное преобразование в максимально короткие сроки (что заведомо признается практически невозможным), либо его уничтожение, то есть «освобождение» агентов идеала из племени «зло-демиургической» реальности. Как далее отмечает А. Малер, «вся философия нигилистического радикализма строится на отрицании ценностей врага, и никогда – на утверждении своих ценностей (идеальность которых не предполагает никакой реализации). Уничтожить врага (имманентный мир и его причину) для нигилиста важнее, чем самому победить в этом мире, и уж тем более выжить в нем» [38].

К представителям данного типа радикализма он отнес англо-американских неолибералов, «правых коммунистов» сталинско-маоистского типа, консервативных революционеров и реакционеров всех типов (кроме нацистов), от клерикалов и цезаристов до подлинных «новых правых» и «неоконсерваторов», представители всех типов политической религиозности, ставящие в основу своей практики перманентное миссионерство, а не суицидальный эскапизм» [38].

Второй тип радикального сознания А. Малер называет фундаменталистским, представители которого также рассматривают действительный мир как ущербный. Однако они стремятся не к его уничтожению, а преобразованию. Этот мир для них сам по себе является ценностью, за которую следует бороться [38].

К радикалам нигилистического типа российский ученый отнес анархические движения (анархо-либералы и анархо-коммунисты), радикальный ленинизм-троцкизм, нацизм и религиозные секты суицидального характера.

Не менее популярной является классификация типологии политического радикализма, основанная на дихотомии «правый – левый». При этом проявления политического радикализма исследуются, исходя из близости-дальности к крайним полюсам данной схемы, которые занимают сторонники «правого» и «левого» движений.

Данная модель классификации можно дополнить методикой определения «индекса радикальности», основывающегося на таких объективных параметрах, как количество выступлений лидеров партии с использованием определенной риторики партии, а также на различных опросах и методах коллективных экспертных оценок.

Известный исследователь политического радикализма Ж. Блондель предложил в качестве критерия классификации политических систем изучать содержание и формы управления, в соответствии которыми он выделил пять основных типов:

- либеральные демократии;
- коммунистические (авторитарно-радикальные);
- традиционные;
- популистские;
- авторитарно-консервативные.

Е.Ю. Воронина, тщательно изучив эту классификацию, считает, что она представляется актуальной и сегодня, поэтому ее можно использовать для рассмотрения радикальных движений в условиях различных политических систем [37]. Конкретизировав эту схему, она выделила следующие типы политических систем:

- либеральные демократии (США, страны Евросоюза и др.);
- авторитарно-радикальные: однопартийные коммунистические режимы (КНДР, Куба, КНР);
- авторитарно-консервативные: военные, светские и религиозные диктатуры, существующие за счет различных форм ограничений избирательного права граждан (Мьянма, Белоруссия, Иран);
- авторитарно-популистские: режимы личной власти, существующие не столько благодаря электоральным ограничениям, сколько благодаря высокой поддержке лидера государства и его команды среди населения (Венесуэла);

— традиционные: султанистские режимы / абсолютные монархии (Саудовская Аравия, Катар и др.) [37].

Что касается изучения причин распространения политического радикализма, то следует отметить, что его отличают глубокие политические, социальные, экономические, культурные истоки. По мнению российского психолога Д.В. Ольшанского, термин «радикализм» следует применять «к крайне ориентированным группам, оценивая именно идейную направленность и степень выраженности ее стремлений» [39].

Основу политического радикализма составляет, прежде всего, негативное отношение к той системе, которая сложилась в социальной и политической жизни в обществе, а также признание, что важным условием выхода из этой ситуации является политический радикализм.

А.С. Грачев считает, что политический радикализм детерминирован, прежде всего, экономическими факторами, толкающими людей из «средних» и «промежуточных» слоев к совершению противоправных действий [40].

В.И. Красиков выделяет амбивалентную природу политического радикализма, имеющего, как он считает, как объективную, так и субъективную составляющие. Объективная функция заключается в выражении в кризисные периоды общественного развития, давать им свою, востребуемую форму радикальных и быстрых разрешений. Например, экстремизм, терроризм, представляя собой грозные симптомы глубокого кризиса, может быстро проявиться в виде войны или революции. Если же общество тяготеет к скорейшему разрешению возникших проблем, тогда на помощь приходит политический радикализм, который в обычных условиях пребывает в маргинальности [41].

Заслуживает внимания также вывод, сформулированный В.И. Красиковым относительно разных оттенков политического радикализма в зависимости от того, какие группы – власть или оппозиция придерживаются определённых радикальных идей. В частности, он отмечает: «Когда радикальные взгляды маргинальны, направлены на преобразование существующего социального порядка, они – утопии, оценочно квалифицируемые как « экстре-

мистские»: правого, левого, религиозного толка. В случае, когда они, считаясь господствующим слоем, предлагают новый мировоззренческий формат преобразования общества, то их определяют, как идеологов».

В контексте такого понимания описания причин возникновения и развития политического радикализма требуется рассмотрение и изучение каждого конкретного случая.

Особого внимания требуют так называемые «цветные революции», прокатившиеся в странах Восточной Европы и странах постсоветского пространства, рассматриваемые сегодня как одно из проявлений политического радикализма.

Наиболее полное определение «цветным революциям» было дано Е.Ю. Ворониной, которая рассматривает их как специфический социально-политический феномен, детерминированный историческими, экономическими, общественно-политическими, социокультурными, психологическими особенностями. Они направлены на свержение или смену правящей элиты и основаны на использовании методов ненасильственной борьбы с политическим режимом, целей оппозиции с привлечением широких слоев населения, использованием методов психонейролингвистического программирования [37].

Как указывает российский ученый, изучающий феномен «цветных революций» В.А. Барсамов, они не являются «эпохальными явлениями, когда уходит один строй и на его место приходит другой. ...Перехода власти от одного класса к другому нет, смена элит частична. Происходят ли изменения политических и социальных институтов? Да, косметические, но не принципиальные» [42, с. 61].

На самом деле «цветные революции», внося какие-то изменения в политическую систему, создают лишь иллюзию изменений, как это произошло в Украине, где так и не были решены социальные проблемы. То же самое характерно Киргизии и Грузии, где лишь произошла трансформация правящей элиты, произошла перестановка во внутриэлитных кругах, изменились некоторые политические институты, но самые насущные социальные, экономические проблемы так и не были решены.

Но, тем не менее, положительным было то, что в обществе появилась уверенность, что граждане страны способны отстаивать свои права, ценности свободы и демократии.

Однако в то же время опыт этих революций показал, что они могут привести к стихийному, непоследовательному развитию политических процессов в стране, к нелегитимному способу решения возникающих проблем в обществе.

Таким образом, в современную эпоху глобализации, информатизации политический радикализм, трансформируясь и модифицируясь, согласно новым цивилизационным вызовам времени, принимая самые разнообразные виды и формы, становится важным феноменом, определяющим дальнейшее развитие всей человеческой цивилизации.

В контексте такого понимания мы можем сделать вывод, что в зарубежной, в особенности в российской науке, задающей парадигму исследования всем странам СНГ, сегодня создается методология, позволяющая более детально изучать проявления политического радикализма в обществе.

Что касается непосредственно Казахстана, то основоположниками политического радикализма, проводниками его идеологии были лучшие представители казахской интеллигенции – А. Байтурсынов, М. Дулатов, С. Сейфуллин, М. Жумабаев и др. В 1917 году они создали первую политическую партию казахов «Алаш», которую возглавил А. Букейханов. У партии появился даже свой печатный орган – газета «Казах».

Появление такой партии явилось показателем того, что казахская интеллигенция стремилась через идеологию радикализма решить многие проблемы своего народа.

В основе программы партии «Алаш» лежала идея объединения всего казахского общества на основе общенационального единства. Поэтому среди основных требований были требования о признании земли собственностью казахов, ограничение переселения крестьян с Центральной России и др.

Представители партии разработали целый комплекс мер для решения проблем казахского общества, способствующих улучшению жизни своего народа в тех суровых условиях. Основной

целью партии было создание государственного самоуправления, отстаивание права казахов на национальное самоуправление и в целом проблемы модернизации всего казахского общества.

В конце 1917 года в городе Оренбурге проходил Первый Всеказахский съезд, на котором решались 14 вопросов, которые касались государственного устройства республики, землеустройства народа, религии, положения казахской женщины, подготовки выборов в Учредительное собрание и др. [43, с. 168-169].

На Втором Всеказахском съезде была провозглашена Алашская республика и сформирован временный Народный Совет, которому присвоено наименование «Алаш Орда». На этом съезде рассматривался вопрос об утверждении Конституции Алашской республики Всероссийским Учредительным собранием.

Однако этим планам не удалось воплотиться, с 1930 года начались репрессии против активистов движения «Алаш», а в 1937-1938 годах многие из них были расстреляны с клеймом «враги народа» [43, с. 168-169].

Что касается сегодняшнего дня, то политическая ситуация, характерная для современного Казахстана, является свидетельством того, что политический радикализм сегодня здесь превратился в важный компонент развития общества.

Политический радикализм в Казахстане – эта та реальность, которая сегодня набирает обороты, и с которой необходимо считаться.

Особенностью политической жизни полиэтнического, мультикультурного, поликонфессионального Казахстана является традиционная идеология и мировоззрение консерватизма, уходящего веками в устои казахских обществ, построенных на родоплеменных связях.

Детерминируясь определёнными географическими, историко-политическими, социально-психологическими особенностями развития страны, консерватизм оказывает воздействие на характер функционирования всех сфер общества, менталитет, чувства, настроения, привычки индивидов и социума, на модели поведения, формы политического участия и взаимодействия казахов друг к другу, к политическим лидерам, регулирующим общественное сознание народа.

Сегодня политический радикализм проявляется на уровнях социальных слоев, элиты и контрэлиты, властвующих и оппозиционных групп, обуславливая осевую линию политического поведения политических лидеров и простых граждан страны.

Появление политического радикализма в республике является свидетельством того, что общество не стоит на одном месте, оно, стараясь быть передовым, не застоявшимся образованием, развивается, находится в постоянном движении, осуществляя в политическом устройстве страны несколько функций. Прежде всего, это сигнально-информационная функция, показывающая существование определённого уровня проблем в политической сфере. Это очень важная функция, способствующая сокращению социально-психологической напряженности у граждан путем успешного решения накопившегося среди граждан страны недовольства.

Это также функция, способствующая оказанию давления на политические институты с целью того, чтобы они смогли подготовить и провести необходимые обществу политически-корректные решения, которые могут привести к изменению политического курса страны в целом.

Кроме того, одной из важных функций политического радикализма является побуждение к стимулированию основополагающих политических реструктуризаций и инноваций.

С этих позиций казахстанский вариант политического радикализма в РК можно рассматривать как социально-психологическое, культурное явление, определяемое особенностями исторического, политического, культурного, конфессионального развития страны, раскрывающимися в обычаях и традициях казахского народа, его ценностных ориентациях, формах политического поведения лидеров государства, которые нацелены на восприятие существующей политической системы, их стремление к быстрым переменам. изменения, иногда с использованием силовых методов.

Сегодня в связи с повальным обнищанием народа, коррупцией, приведшей к такому уровню его жизни в богатейшей природными ресурсами стране мира, рост его недовольства прини-

маемыми политическими и, особенно, социальными реформами, активно ведет к росту числа приверженцев идеологии политического радикализма. Происходящая переструктуризация основных сторон общественного развития страны приводит сегодня к актуализации поиска путей нахождения компромисса между государственными институтами и гражданами для предотвращения активизации конфронтации и использования силовых методов.

Современный политический радикализм казахстанского общества имеет несколько особенностей. Прежде всего, это то, что его лидерами стали успешные и обеспеченные представители государственной службы, представители крупного бизнеса, ученые, которые объединились в партию ДВК (сегодня в Казахстане она объявлена экстремистской и террористической). В силу своей образованности и интеллекта они видели, что необходимо государственное переустройство государственных институтов в целях искоренения повальной коррупции, которая охватила нашу страну.

Однако сегодня радикализм этой партии представляет собой не только идеологию. Последние выступления лидера политического радикализма – беглого банкира М. Аблязова, находящегося на Западе, являются доказательством, что сегодня политический радикализм – это уже не идеи или мировоззрение, а он сегодня может проявиться в более его жесткой форме, а именно с использованием силовых методов, чтобы обратить внимание государственных институтов и лидеров нации на имеющиеся в обществе проблемы. В этих условиях он приобретает все более реакционный характер и предлагает использование насильственных усилий для переустройства существующей государственной системы и уничтожения некоторых государственных деятелей и институтов.

В настоящее время можно также выделить еще одну особенность политического радикализма в Казахстане – массовое использование Интернета, который сегодня превратился в важный инструмент для организации массовых акций. Манипулируя сознанием пользователей, известные лидеры оппозиции и блогеры ведут информационные войны в виртуальном пространстве. Социальные сети сегодня превратились в средство радикализации общественной среды Казахстана.

Благодаря распространению Интернета, в последние годы в Казахстане, особенно в двух столицах, получил развитие флэш-моб, который представляет собой спланированную акцию, где группа людей, внезапно появляясь в местах скопления людей, выполняет определённые действия, а затем быстро расходится. В частности, в июне 2020 года в Алматы прошёл флэш-моб «Ася сондай Адам», организованный в защиту Аси Тулесовой, которая вышла с плакатом «От правды не убежишь».

Использование флэш-моба для выражения недовольства деятельностью власти, политических институтов, их отдельными представителями, какими-то конкретными решениями способствует усилению радикальных позиций. Опасность заключается в том, что участие во флэш-мобах, способствует привлечению в свои ряды людей, далёких от политики.

В данный исторический переломный момент, когда государственные и общественные институты не слышат голос простого гражданина, когда в условиях ковида и введения карантином жестких мер произошло резкое падение уровня жизни, у многих казахстанцев произошли трансформации в идеалах, ценностных установках.

Все этого привело к распространению радикализации населения страны. Лидеры радикальных групп, имеющих место быть в республике, очень быстро реагируют на нерешенные социальные проблемы, которые они пытаются использовать в качестве инструмента привлечения на свою сторону широких слоев общества, активно реагирующих на снижение уровня и качества жизни.

Поэтому нужно особенно взвешено относиться к этому феномену. Сегодня политический радикализм в Казахстане – это существующая реальность, набирающая обороты, и с которой необходимо считаться.

Таким образом, проведенное исследование показало, что феномен политического радикализма имеет глубокие исторические и социально-политические корни, связанные с настроениями, менталитетом жителей страны, их картиной мира, ценностями и ценностными ориентациями, что оказывает влияние на общение власти и граждан, на уровень доверия между ними.

В эпоху глобализации политический радикализм, трансформируясь и модифицируясь, принимая разнообразные виды, адекватные новым вызовам и рискам, сохраняет актуальность. Поэтому сегодня очень важное значение приобретает достижение общественного согласия между политическими силами, укрепление диалога государственных структур с населением. При этом актуализируется проблема защиты прав каждого рядового казахстанца, уважение его прав, справедливость, борьба с коррупцией. Особое звучание получает уважение культурного и религиозного многообразия граждан, проживающих в полиэтническом и многоконфессиональном государстве, ликвидация всех форм расовой, этнической и других форм дискриминации.

Анализирую и систематизирую все определения политического радикализма и его основных детерминант, можно сделать вывод, что политический радикализм, представляя собой одно из важных направлений радикализма, является отражением исторического развития страны, тех социально-политических трансформаций, которые произошли в области политической системы, национального менталитета, ценностных ориентаций, предопределяет характер политического взаимодействия между властью и гражданами.

Однако, к сожалению, сегодня в научных кругах республики, в деятельности общественных фондов большее внимание уделяется исследованию религиозного, в частности исламского радикализма, оставляя без должного внимания такое важное направление радикализма, как политический радикализм, который особенно усиливается в периоды кризисов, нестабильности, перестройки прежних социально-политических систем.

1.2.2. Молодежный радикализм как одно из направлений радикализма

Дальнейшее развитие Казахстана во многом определяется теми ценностями, которые характерны для современной казахстанской молодёжи. Современная молодёжь сегодня характеризуется

высокой жизненной активностью, подвижностью и восприимчивостью, быстротой освоения окружающей действительности. Процесс жизненного самоопределения включает ситуации выбора, в которых особую роль играют ценностные ориентации и конкретные мотивы, формирующиеся на их основе. Стержнем самоопределения является формирование ценностных оснований для самостоятельного и ответственного выбора. Эти стороны – продукт довольно сложных исканий, обнажающий свою значимость особенно в кризисных ситуациях жизни развития личности молодого человека [44, с. 5-6].

В любом обществе молодежь как самая прогрессивная часть этого общества является своего рода барометром, индикатором его развития, тех изменений и отношений, которые сформировались здесь.

Существует общепринятая точка зрения, что будущее любой страны зависит от того, какую сегодня молодёжь воспитывает общество.

Современная ситуация в Казахстане такова: из-за резкого падения цен на энергоносители произошло ухудшение социально-экономического положения населения в целом, высокий уровень инфляции, рост безработицы, ослабление роли семьи, низкий социальный статус молодежи, ее социальная и экономическая незащищенность, разорение аула, приведшее к маргинализации молодежи, все это стало причиной утраты прежних идеалов, девальвации духовных и нравственных ценностей. Если говорить о ценностных представлениях молодежи, то она сегодня подвержена частым трансформациям, изменениям, она не наделена законченным личностным смыслом, не имеет прочной мировоззренческой основы. Вследствие этого, молодежь становится легкой добычей в руках радикалов, исламистов, экстремистов разного толка и др.

Одним из раздражающих и усиливающих осознание наличия социальной несправедливости в обществе является коррупция, которая облегчает деятельность экстремистских и террористических организаций, позволяя распространять радикалистскую идеологию и вербовать молодежь в ряды экстремистских группировок.

Следует обратить внимание на то, что вышеуказанные факторы отображают ситуацию в максимально обобщенном виде. Немаловажно и то, что любой из этих факторов объективно может отсутствовать в рамках конкретного государства, но в восприятии граждан может проявляться как реально существующий. При принятии решений индивид отталкивается не столько от объективно существующей реальности, сколько от воспринимаемой действительности

Положение казахстанской молодежи усугубляется еще тем, что в стране до сих пор отсутствует четко обозначенная национальная идея, которая смогла бы объединить всю молодежь независимо от социального положения, этнической и конфессиональной принадлежности. Поэтому в последние годы, характеризуя молодёжь, ученые часто используют понятие «потерянное поколение» – поколение, которое не сможет справиться со своей исторической миссией, не сможет оказать положительное влияние на последующие поколения.

Однако к «потерянному поколению» относится не вся казахстанская молодежь. Дети чиновников, крупных бизнесменов уже во втором поколении незаслуженно занимают привилегированные места в государственном аппарате, органах управления, национальных корпорациях и др.

Эти так называемые «мажорики» своим поведением вызывают раздражение и гнев у их ровесников, считающих, что каждый человек имеет право на достойную жизнь. И, когда они видят, как дети чиновников сорят незаработанными деньгами, испытывая когнитивный диссонанс между тем, что говорят с высоких трибун, и тем, что реально делается для молодежи, молодые люди начинают высказывать недовольство всем социальным строем и, особенно политической элитой страны, что приводит к еще большему расколу между представителями одного поколения.

Несмотря на то, что в стране принят Закон «О государственной молодежной политике в Республике Казахстан» № 581 от 7 июля 2004 года, в 2011 году приняты программы «Дорожная карта бизнеса 2020», «Программа развития регионов», сегодня также реализуется молодежный проект «С дипломом в село», одна-

ко, реальной поддержки молодежи они не принесли, механизмы государственной поддержки молодежи до сих пор не работают.

В силу своих возрастных особенностей, интеллекта, мобильности молодежь не приемлет такое положение вещей, она чаще и болезненно реагирует на социальную дискриминацию и несправедливость. Все это приводит к изменению социального поведения молодых людей, регулирующих становление новых типов личности, не всегда желательных для общества.

К сожалению, сегодня, молодежь Казахстана все больше склоняется к национализму и радикальной религии, считают эксперты. В этом отношении большую опасность представляют собой различные криминальные группировки, в которые вовлекается современная казахстанская молодежь, где она принуждается к экстремизму, религиозному фанатизму, преступлениям и др. По мнению аналитиков, молодые казахстанцы доверяют больше неформальным лидерам, а государство никак не влияет на их убеждения.

И, если в прошлые 90-е годы к радикалам примыкали в основном русскоязычные казахи, как правило, оторванные от национальных корней, традиций и языка, которые видели социальную несправедливость, но при этом имели высшее образование, работу, то в последние годы – это казахоязычная молодежь, как правило, выходцы из аулов. С массовым разорением аулов многие из них, переселившись в областные центры и крупные города, столкнулись с социальной и экономической необустроенностью, с проблемами адаптации. Так, согласно статистическим данным, около 80% осужденных за участие в радикальных движениях в Казахстане – это выходцы из маленьких городов и аулов, те, кто не имел постоянного места работы и места жительства. Как правило, они занимались частным извозом, работали на рынках. Большинство из них были детьми внутренних мигрантов [45].

Столкнувшись с трудностями, нехваткой материальных средств, испытывая чувство одиночества, такие молодые люди очень легко попадают в руки вербовщиков в радикальные группы разного толка.

Проблемную группу составляют сегодня «кандасы», вернувшиеся на свою родину, где их, как оказалось, особо не ждали, не

создав приемлемых условий. Не имея социальных лифтов, они тоже начинают искать поддержку в подобных группах.

Также нельзя отрицать, что сегодня в Казахстане происходит тесное переплетение криминалитета и радикальных экстремистских группировок, когда в условиях пенитенциарных учреждений экстремисты вовлекают в свои ряды уголовников, тем самым порождая «феномен тюремной радикализации».

Однако, как отмечают исследователи, радикализация происходит не только за счет заключенных, но и криминализованной молодежи, находящейся на воле [45].

Исследование показало, что почти никто из членов радикальных группировок, занимавшихся грабежами и разбоями, не имел опыта тюремной жизни. Но, как правило, почти все они происходили из проблемных, неполных семей, из неблагополучных районов и проявляли склонность к проявлениям девиаций, занимались мелкими правонарушениями.

Сегодня сращивание криминальных структур и салафи-джихадизма является глобальным трендом. В специальном отчете USAID по проблеме радикализации (2009 г.) приводятся сведения о том, что в числе нового поколения джихадистов в мире все чаще оказываются лица, ранее причастные к мелкой преступности, к контрабанде, торговле наркотиками, воровству, вымогательству и др. [46].

Например, в рядах международной террористической сети ИГИЛ сегодня очень много людей, имевших криминальное прошлое, связанных с преступным миром. Зарубежные эксперты называют этих людей «полугангстерами – полуджихадистами» [47].

Что касается непосредственно Казахстана, то исследования показали, что в 7 из 11 изученных эпизодов радикалистской деятельности молодежи, имевших здесь место, присутствовал криминальный фактор [48].

Как правило, лидеры радикальных ячеек имели рэкетирское прошлое, а сами участники этих ячеек занимались банальной преступной деятельностью, вымогая деньги у предпринимателей либо совершая разбои и грабежи [48].

Все это приводит к актуализации проблемы молодежного радикализма в Казахстане.

Если смотреть в целом, то молодежный радикализм, получивший свое развитие в 60-е годы XX века в университетах Америки, является в современный период одним из основных направлений радикализма. Вырос он на движении хиппи и других пацифистских и утопических движениях разного толка, которые стали своего рода протестом против существующего строя и порядков в стране. Следовательно, участие молодёжи в радикалистских движениях «произрастает» из стремления молодежи опережать действительность, из расхождений между культивируемыми в молодежной среде ценностями и общепринятыми в общественной среде правилами и стандартами.

В настоящее время сложилось три подхода в определении основных детерминант молодежного радикализма:

Первый – социально-классовый (В.И. Добренков, М.Н. Руткевич и др.), исходит из того, что молодежь в условиях отсутствия государственной политики, способствующей интеграции молодежи в общество, начинает примыкать к группе социальной депривации и риска.

По мнению российских социологов М.Н. Руткевича, Д.В. Петрова, Э.А. Макаревича, молодежь, в частности, российская, несмотря на внешние признаки социальной апатии и группового эгоизма, быстро политизируется и этот процесс принимает деструктивные формы.

Второй подход, продолжающий традиции структурного функционализма (А. Зубок, В.И. Чупров и др.), основан на том, что молодежь недостаточно включена в общественные процессы, являясь периферийной социальной группой, где ее конструктивный потенциал не используется, вследствие этого она склонна к девиантному поведению.

Сторонники третьего подхода Г.А. Чередниченко, Л.И. Иопипа утверждают, что молодежный радикализм связан с особенностями молодежной субкультуры, той формы, с помощью которой молодежь может быть мобилизована и интегрирована в жизнь.

Следовательно, существующее расхождение между жизненными планами молодежи и теми возможностями, которые реально предоставляет ей государство для их самореализации,

подталкивает молодежь к участию в различных радикальных организациях.

Так, например только в России сегодня официально существуют такие радикальные организации: левые радикалы в области социально-экономических вопросов; правые радикалы, националисты-ксенофобы; молодежные радикальные движения фашистского типа; вандалы, футбольные хулиганы, которые находятся под сильным влиянием неонацистов; анархистские радикалы; «Зеленые» (экологические и культуuroохранные) радикалы; радикалы антиглобалистских движений; религиозные экстремистские формирования – ваххабиты, православные экстремисты, дьяволопоклонники (антихристиане), исламские террористы и др.

Как видим из этого перечня, молодежный радикализм представляет собой неоднородное и многообразное движение, имеющее много направлений и типологий, но их всех объединяет одно общее – это склонность к действиям, вплоть до насильственных, во имя реализации какой-либо идеи.

Если говорить в целом о типологии молодёжного радикализма, то здесь принято выделять политико-идеологический, экономический и правовой, религиозный радикализм, основу которых составляют «правый» и «левый» радикализм.

Начиная с 1990 по 2007 год в странах постсоветского пространства, особенно в России, в связи с развалом страны и незаконным обогащением небольшой кучки чиновников и управленцев высшего и среднего звена большое развитие получили левые радикальные группы, в основе деятельности которых лежала борьба за социальную справедливость. В условиях резкого падения уровня жизни активизировалась именно эта часть радикального движения.

Однако, начиная с 2008 года, когда повсеместный кризис принес массовую безработицу в странах СНГ, а в Россию усилился приток мигрантов, активизировался именно правый радикализм.

Что касается последних лет, то многие исследователи молодёжного радикализма отмечают у молодёжи все более растущую неприязнь по национальному признаку. Так, по мнению А. Тарасова, 21% молодежи разделяют взгляды радикальных русских

националистов, выступающих против мигрантов и лиц нерусской национальности в России [49].

В 2016 г. в Россию приехало более 2 миллионов мигрантов, в основном из среднеазиатских республик – Киргизии, Таджикистана, Узбекистана. Однако, по мнению экспертов, эти цифры не отвечают реальному положению: неофициальных мигрантов вдвое больше. В силу того, что, как правило, они живут в неблагоприятных условиях, испытывают проблемы материального и морального характера, ощущают отчуждённость и чувство одиночества, то среди них активизировали свою деятельность ячейки различных террористических международных организаций, которые в последние годы активизировали свою деятельность в странах Западной Европы, где за последние годы произошло несколько крупных терактов. Все это порождает неприязнь у части российской молодежи к мигрантам из Северного Кавказа и Средней Азии и способствует их вовлечению в ряды скинхедов и других националистических групп.

На движении скинхедов остановимся более подробно в связи с тем, что оно является одним из ярких представителей молодежного течения радикализма и в то же время является примером выражения молодежного протеста против социальной, политической и экономической систем.

Если обратиться к истории этого движения, то первые скинхеды, как это принято считать, появились не в России, а в Англии в 1968–1969 гг. Сегодня это движение принято делить на несколько этапов.

Скинхедами первой волны были представители рабочих районов Британии, выступавшие против буржуазной культуры. В этот период в Англии развивались молодёжные движения – хиппи, теды, моды, байкеры, представлявшие средний класс. Скинхеды их презирали, но это презрение было выражением классовой ненависти, а не расового или этнического превосходства.

В конце 70-х годов в Англии появились скинхеды второй волны, которые являлись представителями бедных семей и стали вытеснять с музыкальной сцены детей среднего класса.

В первой половине 80-х годов движение «скинхеды» в современном понимании этого слова получило развитие в США, Канаде, в странах Скандинавии, Голландии, Австрии, ФРГ, которое позже распространилось по всей Европе.

И, если британские или американские скинхеды ограничивались лишь избиениями чернокожих, то германские скинхеды постепенно скатились до неофашистского движения, прославившегося убийствами.

Что касается России, то здесь движение скинхедов получило развитие с началом перестройки, устроенной М.С. Горбачёвым, приведшей к развалу Советского Союза. Как отмечает российский исследователь этого движения А. Тарасов, они были чистым продуктом подросткового максимализма и подражания западным образцам, чья деятельность активно освещалась советскими СМИ перестроечного и постперестроечного периодов [49].

К 1998-1999 годам начался бурный рост и активизация движения, которое получило распространение во всех крупных городах России, в частности в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и др. [49].

С каждым годом это движение, расширяясь в геометрической прогрессии, превращалось в организованное движение российской молодежи.

С каждым годом оно приобретало характер жестких нападений и убийств тех, кто не похож «на меня». Объектами их нападений становились теперь не только темнокожие, представители Средней Азии, Кавказа, но и другие представители нацменьшинств, которые являются так же, как и русские, россиянами.

К 2000-м годам движение скинхедов постепенно начинает представлять реальную угрозу для полиэтнической и многоконфессиональной России.

Если говорить о причинах развития неофашистского движения скинхедов, то необходимо отметить, что именно в эти годы произошёл настоящий развал экономики, системы воспитания, образования. Из российских школ навсегда исчезло школьное и внешкольное воспитание, исчезли такие общественные организации, как пионерия, комсомол, исчезли кружки, спортивные

секции, в которых дети могли бесплатно заниматься. Самое главное – была уничтожена национальная идея, объединявшая всех советских людей – воспитание гармонично развитой личности молодежи, на смену которой пришла идея «Россия для русских», которая впоследствии стала основным девизом российских скинхедов.

Это явилось причиной настоящей психологической катастрофы, охватившей не только Россию, но и все страны постсоветского пространства, приведшей к тому, что новое поколение, выросшее за годы реформ, не имело моральных ценностей и традиций, которые были сформированы в Советском Союзе [49].

Другой причиной такого роста движения скинхедов, на наш взгляд, является резкое обогащение одной части общества, к которой относились партийные и комсомольские работники, руководители, и стремительное обнищание большей части населения России.

В этих условиях самой уязвленной группой оказалась молодежь. И, если до этого периода она во всех официальных документах выступала как некая монолитная демографическая группа от 14 до 30 лет, то к этому времени она оказалась расколотой именно по возрастному критерию. Самой уязвленной в экономической, социальной и культурной областях оказалась молодежь – 14-15-летние подростки, которые впоследствии составили основной костяк движения скинхедов.

Следовательно, мы видим, что российские государственные структуры, отвернувшись от решения насущных проблем молодежи, пассивно способствовали появлению в стране экстремистских течений разного толка. В этих условиях молодежь, особенно из семей так называемых социальных аутсайдеров, стали искать пути выхода из этой ситуации. Многие из них встали на путь повышения своего статуса через осознанную девиацию. Отождествляя себя с определенной радикально-политической группой, они почувствовали свою причастность к революционным преобразованиям, они думали, что смогут изменить общество в лучшую сторону.

В эти же годы Россию наводнили мигранты, прежде всего, представители кавказских народов, китайцы, которые быстро

заняли свободные в бизнесе ниши, и многие из них, преуспев, остались в России. В эти же годы происходят первая и вторая чеченская войны, также по всей стране прокатилась война терактов. Вследствие этого, в обществе постепенно формируется облик врага в виде чеченского (кавказского) боевика. Потворствуя этому процессу, первый президент страны Б. Ельцин и его сторонники в целях отвлечения народа от насущных проблем в своих выступлениях стали часто использовать расистскую и националистическую тематику.

Именно в эти годы с согласия первых лиц страны было установлено «особое положение в Москве», и с помощью силовых структур проводились этнические чистки с целью депортации из Москвы лиц с неславянской внешностью. Силовые структуры в лице ОМОНа и полиции проводили настоящие погромы и унижения, избиения кавказцев.

Все эти противоправные действия силовиков, совершаемые с молчаливого согласия верхушки России, показали молодежи, как нужно обращаться с «пришлыми». Как отмечает А. Тарасов, подростки быстро нашли себе пример для подражания и виноватого [49].

Их идеалом политического лидера стал Адольф Гитлер и лидеры ку-клукс-клана, а идеальным режимом – немецкий национал-социализм. Проводившиеся в те годы суды, как правило, вместо осуждения и наказания убийц, поддерживали эту идеологию, оправдывали их. Чувствуя свою безнаказанность, скинхеды начали вести себя все более агрессивно. Поэтому почти все российские скинхеды отличаются крайним национализмом и расизмом.

Таким образом, начиная с 1994 года движение скинхедов, ежедневно пополняя свои ряды, начинает оформляться как молодёжное радикальное движение, становясь многочисленной группой.

В эти группы привлекаются молодые люди, воевавшие в «горячих точках», которые, видя несправедливость, хотят что-то изменить в обществе, но все это делается с националистическим акцентом. Идеологи очень умело направляли их агрессию и ненависть в русло национальной ненависти к представителям определенного этноса [50].

В условиях, когда осуществляются непоследовательные реформы, усугубляющие положение простого народа, когда обогащается отдельная кучка приближенных, властям было очень выгодно отвлечь молодежь от насущных проблем, от переживаний несправедливости, поэтому был найден общий враг, который не дает развиваться России, – это уже не только кавказец, но и в целом – инородец.

Особенностью российских скинхедов является, прежде всего, то, что они появились скорее в результате не столько национальных, сколько социальных изменений. Это подтверждается тем, что это движение наиболее активно в крупных и развитых городах, где ярче видно социальное расслоение.

Сегодня движение скинхедов в основном формируется за счет детей из среднего класса, т.е. мелких торговцев, бизнесменов, государственных чиновников средней руки. В отличие от анархистов и молодых коммунистов, они не выступают против частной собственности, против социального неравенства и др. Скинхеды не являются сторонниками лозунга «отобрать и поделить» в том смысле, в котором его трактуют молодые коммунисты и анархисты, они не против частной собственности, социального неравенства. Как отмечает А. Тарасов, они просто хотят быть на вершине социальной пирамиды, стать богатыми и преуспевающими. Но уверены, что препятствие к этому – «инородцы», которые воспринимаются в данном случае как конкуренты [51].

Учитывая, что в России сегодня проживает более 12 миллионов мигрантов, прежде всего, из стран Средней Азии, которые занимают, по мнению многих россиян, их рабочие места, совершают преступления, число сочувствующих скинхедам растет в геометрической прогрессии.

Особенностью современного развития движения скинхедов является то, что после нескольких крупных судебных процессов, связанных с убийствами скинхедами представителей Средней Азии, Китая, это движение постепенно перешло из крупных городов в более провинциальные.

Таким образом, движение скинхедов является одним из самых радикальных молодежных движений в России. Получившее

развитие в результате резкого социального расслоения общества, оно поддерживалось и до сих пор поддерживается на уровне первых государственных лиц России, которым выгодны поиски врага, как правило, представителя неславянской внешности.

К счастью, это движение, охватившее Россию, не получило распространение среди казахской молодёжи в силу национальной толерантности, которая сформировалась у них на генетическом уровне, а также вследствие мультикультурности и полиэтничности, поликонфессиональности казахстанцев. В этом отношении Казахстан остался одним из немногих островков мира и согласия на территории постсоветского пространства, до сих пор раздираемом межэтническими и межконфессиональными конфликтами.

Конечно, были определенные эпизоды и стычки, некоторые из них перешли в погромы, но они, как правило, носили не националистический, а социальный характер, иногда – провокационный со стороны силовых структур.

Таким образом, молодежный радикализм – это не только приверженность крайним взглядам и методам действий по достижению групповых целей различных молодежных организаций, здесь большую роль играют этнический, религиозный и культурный и другие компоненты, выступающие в неразрывной связи друг с другом.

В контексте такого понимания, молодежные радикальные движения можно систематизировать на основании идейно-политических, националистических, религиозно-фундаменталистских и др. признаков, на основании функционального критерия – партнерские, альтернативные, мобилизационные и др.) [52].

Кроме того, нельзя не учитывать, что в молодежных радикальных движениях большую роль, если не основную, играют этнический и религиозный факторы.

В-третьих, молодежные радикальные направления выступают, как структуры претендующие, на слом существующей государственной машины и преобразование общества на основе принципа социальной анархии и переделки «конформистской» личности.

Появление в стране молодежных радикальных направлений является показателем ошибок политических элит, госструктур, их коррумпированности, а также заинтересованности зарубежных политических сил, которые способны мобилизовать молодежный потенциал для реализации своих целей.

Таким образом, молодежный радикализм – это не только приверженность крайним взглядам и методам действий по достижению групповых целей различных молодежных организаций, но при этом большую роль играют этнический, религиозный и культурный и другие компоненты радикализма, выступающие в неразрывной связи друг с другом.

Радикализации молодежи способствуют такие факторы, как:

- безработица и социальное расслоение общества;
- произвол и коррупция чиновников;
- клановость, отсутствие социальных лифтов для людей, не включенных в клановые структуры;
- многочисленные случаи грубейших нарушений прав человека со стороны сотрудников силовых ведомств;
- отсутствие реалистичных планов экономического и социального развития региона и др.

Следовательно, сегодня существует необходимость усиления внимания к жизни молодежи, потому что именно в этой среде рождаются разнообразные революционные вирусы с весьма ярко выраженными радикальными и экстремистскими проявлениями.

Однако, по мнению казахстанского политолога М. Шибутова, «не надо драматизировать, такое явление наблюдается во всех малых городах и селах, хоть в США, Великобритании или Франции. Вы ведь не брали в расчет Алматы и Астану, надо понимать, что была озвучена точка зрения бедной и малообразованной части нашей молодежи. Я считаю, что нет никакой опасности радикализации, молодежь является самой социально пассивной частью общества и постоянно меняет свое мнение по мере взросления», – резюмировал он [53].

В отличие от других стран, как правило, молодежный радикализм в Казахстане имеет не идейную, а криминальную основу [53]. За псевдорелигиозной риторикой скрывается преступная де-

тельность, подрывающая основы общества. Исходя из этого, актуальным является углубленное исследование различных составляющих фактора религиозного и политического экстремизма, но, тем не менее, успокаиваться нельзя.

Наиболее остро проблема молодежного радикализма стояла в свое время в западном регионе Казахстана, где он имел в своей основе социальные, экономические, политические, психологические, религиозные, этнические корни. Высокий уровень безработицы среди местного населения, отсутствие перспектив, обостренное чувство справедливости, особенности менталитета, открытая пропаганда ИГИЛ способствовали тому, что молодежь вступала в ряды экстремистских группировок и террористических банд.

Также немаловажным фактором были природно-климатические, в частности резкоконтинентальный климат, неблагоприятная экология, отсутствие хорошей питьевой воды и др.

Поэтому сегодня как никогда особую значимость приобретает создание целостной программы, о необходимости которой было озвучено в резолюции Международной научно-практической «Профилактика экстремизма. Успехи и трудности», прошедшей в апреле 2019 г. в Нур-Султане: в Казахстане актуальна разработка и реализация комплексной программы, включающей политический, социальный, экономический, правовой, идеологический, образовательный, религиоведческий и другие аспекты противодействия терроризму [54, с. 105-126].

1.3. Основные подходы к изучению типологии и особенностей религиозного радикализма

При изучении религиозного радикализма, в первую очередь, выделяются психологический, культурологический, религиоведческий, социологический подходы. Внутри данных подходов зарождались новые направления, концепции и теории, которые легли в основу понимания религиозного радикализма и смежных понятий.

Теории идентичности берутся за основу психологического подхода. Согласно теории Э. Эриксона (Schachter Elli P., Galliher Renée V. [55]), религиозные нормы играют важную роль в переходе от религиозных верований к общине верующих. Т.е. религиозные верования, ценности и мораль помогают расширить возможности молодых людей, чтобы лучше понять мир и найти свое уникальное место в нем. Согласно этому идеологии, порожденные через религию, помогают углубить свое понимание событий и опыта, а также связывающие значения этих событий или опыта.

Современные авторы, трактуя теорию Эриксона, утверждают, что религия, скорее всего, будет играть существенную роль в формировании идентичности в культуре, где молодежь постоянно противостоит изменчивой социальной и политической среде. По существу, трансцендентный смысл происходит от религиозной принадлежности, имеет большое значение для развития идентичности молодежи и благополучия (Политова С.П. [56]). Всё это объясняет природу радикально религиозной подверженности одной части молодёжи на фоне поиска идентичности через криминализацию и деструктивную субкультуру.

Ещё в середине 90-х годов XX века психологи-практики (Волков Е.Н. [57; 58] и др.), а позднее и вся психологическая общественность (Хассен С. [59] и др.), обратили внимание на проблему манипулирования психикой, вербовки и контроля сознания в деструктивных культурах. Новое, набирающее силу направление психологии влияния, а также религиозная психология (Политова С.П. [56]; Аринин Е.И. [60]; Ардашкин И. Б. [61]; Шубаева У.К. [62]; Аташ Б.М., Абдрасилов Т.К. [63] и др.) обращают внимание на психологию религиозных групп, на проблемы влияния религиозных лидеров на сознание и подсознание религиозных масс.

Здесь нельзя забывать, что религиозная идентичность выступает в качестве одного из возможных способов духовного соотнесения себя с окружающими людьми (на индивидуальном уровне) и самоопределения целого общества в его соотношении с окружающими социумами (на макросоциальном уровне). Это всегда способ осознания мира «своей» духовной ориентации в соотнесенности с «иным» контекстом духовности (Ляшова С.А.,

Нагой А.А. [64]). В таком случае концепция религиозной идентичности, созданная на базе теорий идентичности в разных науках, может стать объяснительным принципом порождения религиозного радикализма, т.к. чувство единства и сопричастности через участие в ритуалах, церемониях и другое создаёт условие для радикализации (крайней нормы приверженности чему-либо). Это представление точно отражает принцип работы радикалистских групп.

Также одним из главных подходов к изучению религиозного радикализма является культурологический подход. В работах западных исследователей феномен радикализма изучается в рамках концепта субкультуры. Основы функционального и политико-культурного подхода были заложены Ш. Айзенштадтом и Т. Парсонсом. Позднее этот подход стал основополагающим при изучении подобных вопросов. Анализирувавшие феномен роста протестных движений среди молодёжи исследователи П. Уиллис и Д. Доунс пользовались именно этим инструментарием (Армстронг К. [65]).

При этом одно из основных положений в рамках концепта субкультуры заключается в том, что возникновение самих субкультур является результатом отрицания молодого поколения социальных практик, опыта и ценностей старших поколений. Данное положение было сформировано 70-80-х годах XX века британскими учеными С. Холлом и Т. Джефферсоном. Помимо этого, они считали, что это отрицание возникает, в сущности, не из-за реального различия во взглядах двух демографических групп, а является лишь завуалированной попыткой молодых доказать факт собственной независимости и социальной значимости [66]. Этот феномен получил название «ритуальное сопротивление» и был описан в нескольких научных работах (Hall S., Jefferson T. [66]; Сэджвик М. [67]).

Данную теорию также поддерживали сторонники концепции, которая гласит о том, что стилизация молодежи под субкультуры является не чем иным, как способом групповых идентификаций, известным сторонником этой концепции является М. Брейк (Кутузова Н.А. [68]).

В 90-е г. XX века возникает транзакционный и конструкционистский подход, который был разработан С. Коэном, Ч. Кули и Г. Мидом. В рамках этого подхода было обращено внимание не только на субкультуру как на обособленный феномен, но и на общественные представления о нём, как об угрозе общественному строю и социальным ценностям (Армстронг К. [65]).

Социологический подход подвергает анализу религиозные практики и традиции, взаимодействие церковных институтов и общества на протяжении эпох, роль религии в процессах трансформации и развития социума, факторы, влияющие на религиозность не только отдельно взятых людей, но и целых социальных групп. Но при этом одной из главных тем изучения в социологическом ключе является способность религии к организации деятельности людей в социальной реальности, что связано с фактором религиозности (и крайней её нормой – религиозной радикализацией).

При этом трактовка религиозности изменялась: от определения ее как простого феномена до принятия её многомерности (в психологии), от рассмотрения ее как групповой характеристики до её индивидуальной представленности (в социологии), от трактовки как особого фактора социальной и индивидуальной жизни до признания её глубокой социально-культурной обусловленности (в антропологии).

Здесь мы коснёмся религиоведческой традиции, в которой основополагающими выступали концепции разных наук. Для западного религиоведения наиболее значимыми и широко применяемыми во 2-й половине XX в. оказались следующие концепции религиозности:

1) в психологии и социологии религии – концепция Г. Олпорта (Бреская О.Ю. [69]);

2) в социологии религии – концепции Ч. Глока – Р. Старка (Воронцова Л.М., Филатов С.Б., Фурман Д.Е. [70]) и Д. Фолкнера – Г. Де Йонга (Каарияйнен К., Фурман Д.Е. [71]);

3) в антропологии религии – концепция К. Гирца, Т. Асада (*Гирц К. [72]*).

В психологии религии концепция Г. Олпорта основывалась на трактовке религиозности как личностной характеристики,

причем – индивидуальной, внутренней (а не социальной, внешней). При этом религиозность рассматривалась им как простая величина, варьирующаяся по степени выраженности. В качестве основной характеристики религиозности он принимал способ ее реализации индивидом, дихотомически различая установки на: 1) «религию как средство» и 2) «религию как цель».

В работах разных лет Г. Олпорт (Лебедев С.Д. [73]) называл эти позиции соответственно: 1) зрелая, или внутренняя; 2) незрелая, или внешняя религиозность. Впоследствии он со своим коллегой Э. Россом в 1967 году инструментализировал указанные ориентации в опроснике «Шкала религиозных ориентаций Олпорта-Росса» (Лункин Р. [74]). Одномерная дихотомическая шкала Г. Олпорта была развитием предшествующих шкал измерения религиозности и стала основанием для последующих (*Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона* [75]).

Несмотря на то, что вскоре в социальных науках заявил о себе многомерный подход к религиозности, все же концепции, созданные Олпортом в рамках психологии, до сих пор сохраняют значение и в других дисциплинах социальных наук.

Социологический подход, будучи практико-ориентированным изучает феномен религиозности в рамках количественной социологии (Материалы Второй Российской научной конференции [76]). Такие крайние проявления религиозности, как радикализм, фанатизм, экстремизм, терроризм, учитывая их роль в современном мире фиксируются, прогнозируются и анализируются в рамках как количественных, так и качественных социологических методов, выбор которых определяется целями и задачами исследователя.

Подробнее остановимся на иерархическом (Пруцкова Е. [77]) и интегральном подходах (Бреская О.Ю. [69]) к понятию религиозности (в рамках социологического подхода). Книга «Меры религиозности», написанная П. Хиллом и Р. Худом (1999 г.), анализирует более ста мер религиозности; её дополнением можно считать статьи П. Хилла «Измерение в психологии религии и духовности» (2005) и «Основания эмпирической психологии религии» (2009). Несмотря на давность, эти работы нам пред-

ставляются интересными с точки зрения постановки проблемы, а именно выделения автором двух уровней измерения религиозности: общего – «диспозиционная религиозность» и частного – «функциональная религиозность» [77].

Если религиозный радикализм рассматривать с позиции обобщения всех его особенностей, т.е. на основе комплексного подхода, то можно сказать, что его проявления наблюдаются в основном в малых и локальных группах, складывающихся вокруг духовного лидера. Цель такого радикализма – это воплощение в жизнь социально-религиозного проекта, нередко имеющего эсхатологическое содержание, т.е. реализацию системы религиозных взглядов и представлений о конце истории, искуплении и загробной жизни, о судьбе Вселенной и её переходе в качественно новое состояние.

Примером может служить группа последователей П. Кузнецова (это течение получило известность в 2008 году). Представители этого эсхатологического направления, закрывшись от внешнего мира в пещере под Пензой, ожидали скорого наступления конца света. Такой радикализм отличается тем, что харизматичный лидер не призывает к совершению крупных потрясений в обществе и политическим протестам.

Тем не менее, данный тип содержит в себе большой деструктивный потенциал, поскольку ставит под сомнение значимые для общества ценности и отношения, и служит питательной средой для социального и религиозного фанатизма, который, в свою очередь, приводит людей к совершению противоправных действий. В свою очередь, adeпты должны осуществить альтернативный социально-религиозный проект, куда включаются: отказ от семьи, разрыв отношений с официальной церковью, отказ от получения государственного образования и медицинского лечения, отказ от использования официальных документов, неиспользование изделий промышленного производства (особенно при наличии на них штрих-кодов). Для подобного проекта характерны: примитивные формы хозяйственной деятельности, упор на патриархальность в семье или же коммуне, наличие культа духовного лидера и эсхатологическое мышление. Так, «Церковью последнего

завета» было создано и развивается «Экопоселение Тиберкуль», а «Церковь объединения» Сон Мён Муна отрицает традиционный институт брака и семьи и взамен стремится создать «новую семью» (Армстронг К. [65]).

В последние годы исследователи обращают особое внимание на этнический и конфессиональный радикализм. Это обусловлено процессами глобализации и массовой миграции, так как эти процессы однозначно вызывают смешение интересов и культур, что с большой вероятностью приводит к негативным социальным процессам, и в первую очередь радикальным. На этой почве также произрастает национализм, а, как известно, он является одной из самых популярных причин и базой идейных наборов для огромного количества радикальных объединений.

Все же эти типы радикализма переплетены и зачастую взаимопроникают друг в друга. Так Нуруллаев А.А. [78] утверждает, что религиозный радикализм значительно переплетён с этнонациональным, они взаимно подпитывают друг друга, что расширяет их социальную базу.

Анализируя индийский опыт, Д.Б. Абрамов утверждает, что религиозный радикализм подразумевает «уникальность» своей конфессии, уничтожение других верований региона, угрозы применения насилия и террора, как средства решения всех проблем государства, в котором данный радикализм представлен [79].

Здесь мы опять убеждаемся, что у понятия религиозного радикализма нет единого содержания. Вместе с тем оно неразрывно связано с основными положениями общего понятия радикализма: коренное изменение основ общества. В частности, Н.А. Кутузова определяет религиозный радикализм как религиозно-идеологизированную деятельность, направленную на силовую смену власти в государстве и предусматривающую обострение религиозной либо национальной вражды [68].

Как тип смешения этих двух видов радикализма выделился религиозно-этнический радикализм. Этот тип радикализма в настоящее время охватывает круг идей консервативно-традиционалистского направления: возрождение этнической религии, этнически чистого государства и общества. Его социальной основой

служит городская интеллигенция, поскольку именно здесь рождаются утопические проекты, лишённые стремлений к экономической и политической глобализации, как и к исповедованию мировых религий.

Американский исследователь Стюарт Кауфман при анализе этничности и этнических движений, к религиозным, а именно современным радикальным исламским движениям, придерживается теории «символического выбора» – противоположности теории «рационального выбора». Основное заключение теории символического выбора состоит в том, что люди делают выбор не путем рационального рассуждения, а путем реагирования на наиболее эмоционально сильные символы (Kaufman S.J. [80, p. 28]). Здесь Кауфман оперирует понятием комплекса «миф-символ». Он доказывает, что «этничность является богатым ресурсом для деятелей, занимающихся символистской политикой, поскольку она имеет столь мощную эмоциональную нагрузку» (Kaufman S.J. [80, p. 29]). Он обосновывает, что история и мифология, которые помогают разжигать этнический конфликт, не отличаются от тех, что раздувают пожар религиозного конфликта. Любое устойчивое коллективное насилие невозможно представить без эмоций. В то же время как этнонациональные, так и религиозные идеологии могут играть мобилизующую роль в качестве идеологии сопротивления.

Наиболее яркие примеры – Палестина и Ирак, где оба типа идеологий объединились в одном движении коллективного насилия. Здесь роль эмоциональных символов и этнического, и религиозного порядка одинаково велика. Джихадисты, преследуя свои собственные задачи, быстро подхватывают любой протест социального или этнического свойства, возникающий на территориях, населённых мусульманскими меньшинствами, и используют эмоциональные символы для разжигания протестных чувств, наполнения их религиозным содержанием и трансформации в коллективное насилие.

При данном типе религиозного радикализма этносоциализм противопоставляется социальному размежеванию, господствуют идеи антисциентизма и антитехнократии, наряду с нативизмом, биополитикой, экополитикой, экоправом и экоэкономикой.

В постсоветское время носителями религиозно-этнического радикализма стали: в России – определённая часть интеллигенции, на Украине – движение родноверов, в Польше – *Rodzima Wiara*, в Латвии – Диевтуриба.

В Белоруссии были сделаны попытки объединить разрозненные славянские объединения под идеями панславизма, где бы славяне рассматривались как суперэтнос или некая культурно-политическая общность народов. Таковым должна выступить «Духовно-Родовая Держава Русь», где будет осуществлён переход на собственный календарь космических циклов, введена новая образовательная система, учреждения культуры и научные учреждения (Костюк К. Н. [81]).

В наиболее общем виде религиозный радикализм, его определение и разновидности изложены в трудах российских исследователей начала XXI века: Полякова К.И. [82], Игнатенко А.А. [83], Добаева И.П. [84]).

Исследование феномена исламского радикализма как отдельного типа, показало, что он фокусируется в бывших советских республиках, где существуют четыре основные зоны распространения ислама – Центральная Азия, Южный Кавказ (Азербайджан), Северный Кавказ, Поволжье.

Чтобы понять природу данного феномена, важно разобраться в корнях и причинах возникновения исламского радикализма. Из существующих теорий и подходов к этому вопросу можно выделить экономические, политические, идеологические, бихевиористские, психологические, функционалистские причины.

Экономические теории возникновения исламского радикализма опираются на важность социально-экономических условий. Именно эти условия, на их взгляд, становятся причиной, породившей исламский радикализм и экстремизм. Бедность, отсталость, безработица и другие подобные явления ведут к возникновению подобного феномена в странах с низкой экономикой. Экономические объяснения в рамках данных теорий подразделяются на статичные и динамичные.

Статичный подход, рассматривающий те или иные условия в данный конкретный момент, на наш взгляд, неубедителен, так

как с его помощью невозможно объяснить, почему радикализм находится на подъеме только в части стран, где экономическая ситуация одинаково плоха. Также на основе статичного подхода нельзя понять, почему исламский радикализм появляется в обществах, которые в социально-экономическом отношении находятся в гораздо более благополучном положении, чем другие. Зачастую имеющиеся экономико-статистические сведения показывают, что некий уровень жизни напрямую никак не связан с динамикой исламского экстремизма. К примеру, Саудовская Аравия является одним из наиболее процветающих государств Ближнего Востока, но выявлено, что базой поддержки исламского радикализма выступает в большей степени именно эта страна.

Идеологический подход к причинам, который стал популярным на Западе после событий 11 сентября 2001 г., исходит из того, что ислам как религия (в особенности некоторые школы в исламе, которые принято характеризовать как фундаменталистские или салафитские) содержит идеи нетерпимости и ненависти как к не-мусульманам, так и к мусульманам, престаупающим законы ислама (предположительно).

Многие западные и российские востоковеды полагают, что идеи террористов-джихадистов, таких как Усама бин Ладен, на самом деле не что иное, как «отклонение от ислама». Из-за этого отдельные авторы даже утверждают, что террористы игнорируют «классическое исламское учение о джихаде» (Добаев И.П., Мурклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев К.М. [85]).

При этом акции самоубийц, возмнивших себя героями и идущих на самопожертвование ради идеологии своей религии, имели место не только в мусульманской среде.

Бихевиористские и психологические объяснения причин исламского радикализма анализируют вышеупомянутые мотивации, т.е являются объяснительными концепциями к идеологическому подходу. Бихевиористы рассматривают исламский радикализм и экстремизм как специфический тип поведения, основанный на нетерпимости к инакомыслящим. Граница, которую исламские радикалисты проводят между понятием «мы» (истинные мусульмане) и «они» (неверные, плохие мусульмане), имеет психологи-

ческую природу. Психологические теории предполагают, что люди при выставлении этих границ руководствуются эмоциями, а не разумом, либо подвержены каким-либо зависимостям.

Вместе с тем, на наш взгляд, подходы подобного рода преувеличивают автономность мотивов, эмоций и импульсов, недооценивая структурные причины исламских движений.

Функционалистский подход в объяснении причин исламского радикализма рассматривает ислам лишь как орудие для достижения политических целей – проводится параллель между религиозным и этническим насилием. Ограниченность данного подхода заключается в том, что линия аргументов при таком подходе основана на связях, объединяющих религию и этничность. Тогда исламский радикализм есть лишь выражение этнических стремлений, своего рода «национализм» отдельных мусульманских групп и ответная реакция на «лишение корней», которое имело место во многих регионах бывшего Советского Союза. В таком случае кризис идентичности у людей мусульманских национальностей стал основой зарождения исламского радикализма, а ислам стал одним из важнейших компонентов новой идентичности, которая формируется у мусульманских этнических групп. Всплеск исламского экстремизма в некоторых из этих регионов, как утверждают сторонники подобных теорий, восходит к самоутверждению наций, стремящихся к обретению коллективной идентичности (Сюкияйнен Л. Р. [86]).

Также существуют объяснения причин зарождения исламского радикализма, основанные на концепциях безопасности. Они отталкиваются от уязвимости и незащищенности, порождающих социальное недовольство в исламских обществах, столкнувшихся с технологическим и культурным проникновением секуляристской и транснациональной западной цивилизации, вестернизацией и модернизацией. Стержень этого объяснения лежит на гребне бурного роста средств массовой информации, усиливающего чувство незащищенности и неполноценности (Малашенко А.В. [87]).

Для анализа конкретных проявлений радикализма в мире, и в особенности на постсоветском пространстве, необходимо затронуть вопрос о насилии как культуре – подходе, который получил признание в литературе об исламском экстремизме (Мирский Г.И. [88]).

Направление религиозного детерминизма, представленное в религиозных доктринах, также является фактором, влияющим на индивидуальное поведение, в том числе с использованием насилия. Известно, что ещё средневековым исламе велись широкие дебаты по вопросу о свободной воле человека между двумя течениями – кадариййа и джабриййа (Малашенко А.В. [87]). Джабриты заявляли, что индивиды не могут отвечать за свои действия перед Аллахом, т. к. именно он ведёт людей в этом мире и предопределяет все, что в нем произойдет. Кадариты утверждали, что Аллах ставит верующих перед выбором поступков; совершив свой выбор, они реализуют свободу воли. Верующие будут либо вознаграждены, либо наказаны за сделанный выбор в День Суда. Эти споры продолжаются до сих пор среди современных исламских теологов, они имеют непосредственное отношение к интерпретации поведения отдельных исламских группировок.

Также при упоминании радикализма концептуальным фактором упоминаются детерминистские установки (ответственность человека, божественное воздаяние, обещания рая и т.п.), они являются составной частью любого религиозного вероучения; они могут быть в той или иной форме использованы для политической мобилизации радикально настроенных группировок (Бидова Б.Б. [89]). Мобилизация для коллективного насилия или ответа на него тесно связана с этими мотивациями. Всё это помогает объяснить появление и эволюцию радикального исламизма.

Концепция «Исламского активизма» имеет целью разобраться в феномене исламского радикализма с помощью специфического научного инструментария. Выделяется «общинный» характер шиитского активизма. Поскольку шииты в большинстве мусульманских государств составляют меньшинство (Иран, Ирак и Азербайджан составляют исключение), их первостепенной задачей является отстаивание интересов шиитской общины перед лицом других групп населения или же самого государства (Валиахметова Г. Н. [90]). При этом, как отмечает автор, благодаря ведущей политической роли ученых и авторитетных религиозных лидеров шиитский активизм остается единым, гомогенным течением.

В отличие от шиитского суннитский активизм фрагментирован, входящие в него течения конфликтуют между собой. Именно суннитский, а не шиитский активизм – точнее, некоторые его направления – сегодня рассматриваются Западом как источник угроз для глобальной безопасности (Акаев В.Х. [91]).

Ни один из подходов в приведённом нами неполном перечне подходов к объяснению причин зарождения исламского радикализма не дает полного и убедительного толкования этому феномену в целом в мире или в государствах СНГ. Более продуктивной, на наш взгляд, может быть комбинация нескольких подходов либо комплексный психолого-социально-экономический подход.

Однако, не отбрасывая общие теории, следует уделить приоритетное внимание детальному анализу каждого конкретного случая проявлений исламского радикализма.

В последние годы выдвинулся личностный подход к объяснениям причин радикализма вообще, и исламского, в частности. Он основан на роли личности. Этот концептуальный подход политико-психологического толка выдвигает на первый план роль индивидуальных «актеров» в появлении исламского радикализма. Этих политических «актеров» условно можно разделить на идеологов, учителей (наставников), организаторов, полевых командиров, финансистов и «дипломатов» (мобилизующих внешнюю поддержку). Все эти роли может выполнять и одно лицо, которое в один момент может быть организатором, а в другой – исполнителем, полевым командиром. Здесь можно выделить следующих представителей исламского мира: Усама бин Ладен – идеолог террористов-джихадистов; Абу Бакар Баасир – лидер организации «Джемаа исламийя»; Абу-л-Ала ал-Маудуди – лидер салафитских ученых и политиков; Хасан ал-Бан-на – основатель движения Братьев-мусульман в Египте; Сеййид Кутб – писатель, вдохновитель египетских исламских радикалов; Тарик ал-Бишри – египетский писатель и государственный деятель, лидер радикального исламизма и многие другие.

Ряд исследователей минимизируют роль отдельных индивидов в возникновении и процветании исламских радикальных движений, утверждая, что отсутствие теоретических знаний, по-

литического опыта и организаторской практики делает их роль несущественной. Вместо этого они подчеркивают значение институциональных факторов, так как для них человеческие индивиды не могут действовать вне зависимости от социальной среды [88].

Религиозно мотивированный политический радикализм как тип религиозного радикализма выделился относительно недавно.

В начале 90-х годов XX века исламский радикализм (или исламизм) определяется как крайняя часть «политического ислама». При этом исследователями подчеркивалось, что радикализация ислама происходит в ходе его политизации в условиях активной реисламизации мусульманской уммы (Максименко В.И. [92], Йонсон Л. [93], Руа О. [94] и др.). Тем не менее, вопрос о содержании понятия «исламский радикализм» оставался открытым.

Всё же исследователи уже в первое десятилетие XXI века предполагали, что пропаганда отрицательного отношения к мировым религиям и этноцентризма может привести к переходу религиозно-этнического радикализма в политическую плоскость и стать идеологической основой для рождения опасного для общества экстремизма (Наумкин В. [95]; Kressel N. [96]). Позднее исследователями (Вайс М. [97]; Савруцкая Е.П., Устинкин С.В., Никитин А.В. [98]; Долгов Б.В. [99]; Муртазин М.Ф. [100], Федяй И.В., Кузнецов А.А. [101] и др.) утверждается, что религиозно мотивированные движения вообще сходны с этнополитическими движениями тем, что оба эти типа коллективного действия руководствуются идеологиями, основанными на вере.

В российской науке относительно этого типа радикализма утверждалась точка зрения, что религиозный радикализм реализует себя, прежде всего, в так называемых новых религиозных объединениях или сектах. Такие взгляды доминируют не только в российской (Кадиева А.М. [102]), но в целом в русскоязычной (Кутузова Н.А. [68]) научной литературе. Такой подход, на наш взгляд, позволяет отделить религиозность и религиозный фанатизм, ислам и исламский фундаментализм. Именно в такой коннотации термин «религиозный радикализм» используется в российских работах, написанных применительно к Южному федеральному округу (Хоперская Л.Л. [103]) и, в частности, к

Чеченской Республике (Нунуев С.Х. [104]). Здесь также можно отметить работу С.А. Кутилина о проявлениях радикализма в информационном пространстве Интернета [105].

Обобщая все вышеназванные работы, можно сказать, что религиозные организации или организации, содержащие в себе отдельные черты религиозности, имеющие такой тип радикализма, ставят своей целью силовое изменение государственного строя: захват власти вооружённым путём, нарушение суверенитета другого государства, создание и распространение незаконных вооружённых формирований, разжигание этнической и религиозной вражды. Примером такой организации может служить «Схорон Еж Словен», имеющая деструктивную природу с выраженной экстремистской направленностью.

Если анализировать современные зарубежные исследования, то огромный их пласт отражает проблемы радикального ислама, как религиозно мотивированного политического радикализма (Zuriet J., Lyausheva S. [106]; Hassan G. [107]; Mura A. [108]; Clobert M., Saroglou V., Hwang K.K. [109]; Strong S.I. [110] и др.).

При этом автор из Университета Султана Кабуса – Губара Саид Хасан [107], будучи специалистом по международным отношениям с акцентом на Ближневосточные, африканские и азиатские общества, государства и политику, утверждает, что радикальный ислам, или исламский радикализм, можно концептуализировать как историческое, социально-экономическое, политическое и культурное движение. Это означает, что идеи исламского радикализма направлены на то, чтобы насильственно подорвать и преобразовать статус-кво или порядок неверия и несправедливости в утопический порядок веры (иман) и равенства. Он связывает эти термины с радикальной трансформацией или разрушением и разрывом системы с корнем посредством джихада/насилия и заменой ее альтернативной исламской системой, основанной на исламских законах (шариат) и использующей Коран и пророческие традиции (сунна) в качестве референтных рамок.

В исследовании, посвященном выявлению детерминант религиозной радикализации в Кении Ринк Ансельм и Шарма Кунаал

(Rink A., Sharma K. [111]), сосредоточив внимание на мусульманско-христианской напряженности в Кении, отобрали основные гипотезы микро-, мезо- и макроуровня, которые пытаются объяснить недавний всплеск религиозной радикализации. Авторы использовали эмпирическую стратегию, которая сравнивает данные опроса христианских и мусульманских респондентов с разной степенью религиозной радикализации. Исследователи убеждены, что не нашли никаких доказательств того, что радикализация предсказывается политическими или экономическими недовольствами на макроуровне. Скорее, по их мнению, радикализация тесно связана с психологической травмой на индивидуальном уровне, включая исторически неблагоприятные социальные отношения, и факторами, ориентированными на процесс, особенно религиозной идентификацией и воздействием радикальных сетей. Полученные результаты данного исследования указывают на модель радикализации, как процесса на индивидуальном уровне, который в значительной степени не подвержен влиянию на макроуровне. Эти доказательства в будущем будут взяты нами за основу нашей практической части проекта, ориентированной на работу с индивидуальным сознанием респондентов – предположительно радикально настроенных студентов.

В Казахстане исследователи предпринимают попытки с точки зрения различных наук сопоставить понятие религиозного радикализма с возможными угрозами для казахстанского общества (Телебаев Г.Т. [112]; Арыстанбекова А.Х. [113]; Ахметова Н.Б. [114]; Нуршанов А.А. [115] и др.), при этом отмечается, что радикалистские течения могут выражать себя в форме радикализовавшегося фундаментализма (в средствах осуществления своих целей) или как крайняя форма радикальных идеологий маргинальных или религиозных групп.

Религиозный радикализм как общественное явление обладает своими отличительными признаками и особенностями. В научном сообществе на сегодняшний день не достигнуто абсолютное единство по этому вопросу, однако криминалисты С.Н. Миронов и Р.Р. Абдулганеев [116] приводят перечень признаков, которые характеризуют переход от радикальных идей к экстремистским. На

наш взгляд, этот перечень хорошо дифференцирует эту форму радикализма от других форм (политических, этнонациональных и др.):

1. Идеология, завязанная на религиозных воззрениях: представление о нетерпимости к верующим, исповедующим иные взгляды (чаще к людям, которые вообще не относят себя ни к какой конфессии).

2. Утверждение своих взглядов насильственным путём (прикрываясь религиозными символами и лозунгами).

3. Использование эмоциональных способов воздействия в пропаганде, которая находит выражение в проповеди своей исключительности.

4. Опора на образ харизматического лидера, которому следует беспрекословно подчиняться (создаётся внешний образ его «непогрешимости»).

5. Негативное отношение к действующим социальным нормам и устройству государственной власти.

6. Создание видимости легальности совершения противоправных действий, таких как террористические акты и иные уголовные преступления (посредством религии).

7. Отрицание и подавление всякого рода инакомыслия в вопросах вероисповедания.

8. Пропаганда образа «праведной жизни» как социальной модели.

Для выделения особенностей религиозного радикализма, независимо от типа, необходимо упомянуть так называемые догмы, которые существуют в радикальных религиозных организациях для контроля над участниками (по Завальневу В.И. [117]):

1. Четкое разделение веры на «истинную» и «неверную»: фактическое деление общества на категории, близкие человеческому бытию: «мы» – «чужие». Постоянная и непримиримая борьба с «неверными».

2. Абсолютизация религиозных догм.

3. Постоянное навязывание их и подавление тем самым критического мышления личности.

4. Поддержание чувства вины у верующего с использованием «исповеди».

5. Тотальный контроль за внутренней и внешней средой общения индивида.

Помимо вышеупомянутых типов, радикализм также подразделяется на несколько видов.

Дагестанский исследователь Ханбабаев К.М. [118] предлагает следующую классификацию: по территориальному охвату, по взаимоотношению с государством, по идеологии и политической мотивации.

По территориальному охвату он выделяет 4 уровня:

– Национальный: деятельность религиозной организации в рамках одного государства.

– Транснациональный: основная деятельность происходит на территории одного государства, но при этом ещё происходит «подрывная деятельность» на территории заграничного государства.

– Международный: одновременная деятельность на территории нескольких государств.

– Глобальный: международный уровень деятельности.

По взаимоотношениям с государством Ханбабаев К.М. [118] делит радикализм на два больших типа:

– Внешнегосударственный: либо «подрывная деятельность» в других странах, либо международный масштаб.

– Внутригосударственный: радикальное движение преобладает в государстве или составляет системную либо крупную внесистемную оппозицию.

По идеологической мотивации радикализм подразделяется автором на христианский, исламский, иудаистский и дхармический. Также им отмечается, что при этом могут использоваться как «левые», так и «правые» идеологические принципы.

Из всего этого можно сделать вывод, что религиозный радикализм является сложным разноплановым явлением, которое имеет множество отличительных особенностей от радикализма политического, идеологического, этнического, однако часто они могут переплетаться и становиться неразрывно связанными.

1.4. Особенности проявления религиозных радикалистских настроений среди молодежи в современном Казахстане

На фоне кризиса социально-политических институтов процветание коррупции, кумовства в органах государственной власти, органах местного самоуправления, правоохранительных органах, судах, безработицы повлекло за собой неверие молодежи в наличие перспектив для социально-экономического развития, собственного карьерного роста и подтолкнуло их к повальному увлечению различными религиозными учениями. Приобщаясь к религиозному культу и чувствуя себя частью религиозной общины, молодые люди тем самым повышают самооценку, занимают нишу в социальной иерархии, получают более доступное религиозное образование.

Также тот факт, что молодежная среда в силу своих социально-психологических характеристик и остроты восприятия окружающей обстановки является той частью общества, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала, повлѣк за собой череду радикалистских взглядов и настроений. При этом радикализм молодѣжи – это прочная идеологическая почва для развития религиозно-экстремистских настроений.

Стало очевидным, что основу рядового состава международных террористических организаций и его пополнения составляют именно молодые люди. Из-за возникших в современных реалиях религиозной дезориентации, социальной незащищенности, криминализации и других вышеназванных проблем, пришедшие извне экстремистские идеи предлагают простейшие решения наиболее проблем. Эти идеи находят свою питательную среду. Ежегодно молодежь с радикалистскими взглядами пополняет ряды экстремистских и террористических организаций, которые активно используют их в своих политических и иных интересах.

В отличие от обычных молодѣжных групп, совершающих хулиганские действия или акты вандализма, как правило, с целью «поразвлечься», неформальные экстремистские группиров-

ки осуществляют свои противоправные действия, базируясь на определенной идеологии, в качестве основного тезиса которой может выступать и такой: для преодоления всех проблем в стране (социальных, экономических, политических) необходимо создание «национального» государства (Петров Д.Б. [119], Савченко И.А. [120] и др.). Здесь религия становится инструментом и даже орудием радикально-настроенных лидеров. Совершенно ясно, что поведение, мотивированное такими идеями, нацелено в данном случае против лиц иной национальности или религии.

Радикалистские настроения на территории стран СНГ и Центральной Азии в основном носят исламистский характер. В Казахстан эти идеи проникают через отдельные течения радикального исламизма. Ещё в первое десятилетие XXI века движения радикального исламизма были разделены исследователями (Ланда Р.Г. [121]; Самедов С.А. [122]; Левин З.И. [123] и др.) на 4 ветви:

1. Возрожденцы-пуритане (ваххабиты); («Аль-Каида», «Джихад»);

2. Хранители ортодоксии («Талибан»);

3. Охранители реформаторского направления («Братья-мусульмане», «ХАМАС»);

4. Радикализм шиитско-имамитского толка в форме хомейнизма, ливанская и сирийская организации «Хезболла», иракские шиитские организации Садр.

В первые три группы входят радикальные салафиты. Наиболее крупными из них являются: «База» – Аль-Каида, «Салафитская группа проповеди и джихада», «Защитники салафитского призыва» («Батальоны ужаса» – «Катиба аль-Ахваль»), «Вооруженная исламская группа» (Алжир), «Исламская группа» и «Джихад» (Египет), «Реформа и вызов» (Иордания), «Абу-Саяф» (Филлипины), «Исламское движение Курдистана» (Ирак), «Исламское движение Узбекистана», «Обвинение в неверии и уход от мира» (Египет, Ливан), «Боевая исламская группа» и «Сторонники Аллаха» (Ливия), «ХАМАС» (Палестина), «Сторонники шариката» и «Мухаджирь» (Великобритания), «Хизб-уль-Муджахиддин» (Индия, штат Джамму и Кашмир), «Джихад» (Бангладеш),

«Международный фронт борьбы против евреев и крестоносцев», «Исламская миротворческая бригада Конгресса народов Ичкерии и Дагестана». Почти все эти организации возникли в арабских странах, а затем распространили свое влияние на многие страны мусульманского мира. Затем была создана глобальная сеть, скрепленная больше идеологически, чем организационно (Самедов С.А. [122]).

Особый акцент деятельности международной террористической организации «Хизб-ут-Тахрир» сделан на создание молодежного крыла из числа студенческой молодежи. В соответствии с её перспективным замыслом вербовки и пропаганды своих идей такое элитное представительство поможет организации в будущем реализовать долгосрочные задачи по приобретению и укреплению позиций в государственных структурах и органах власти. Наряду с выполнением агитационно-вербовочной работы, которую ученики высшей школы сделают лучше других, студенты, по мнению лидеров движения, в лучшей степени смогут встать во главе движения через несколько лет «усиленного просвещения».

Пропаганда ИГИЛ не была бы так эффективна без содержательной начинки – привлекательной для молодёжи идеологии, которая сосредоточена на построении притягательного образа «исламского халифата», многие годы остававшегося мечтой сторонников радикального исламизма. Идеология выстроена на противопоставлении «падшему» западному миру, который погряз в грехе. Т.е. террористическая организация, 77% которой составляют молодые люди до 30 лет, выдвинула альтернативу в виде «исламского государства», в котором мусульмане всего мира будут жить праведной жизнью в соответствии с законами шариата, независимо от их национальности и гражданства.

Как видим, представленность мусульманских организаций в среде этнорадикальных экстремистских течений выражена ярче.

С понятием исламского радикализма связывают термин «фундаментализм», который первоначально возник в США и применялся для характеристики христианских групп, объединявших радикально настроенных представителей евангелических церквей. Фундаментализм того периода был реакцией на либеральное толкование Библии.

Сейчас термин используется для обозначения комплекса феноменов политического, религиозного и мировоззренческого толка, отражающих протест традиционной культуры против модернизации. Исламский фундаментализм основывается на том, что на протяжении веков ислам искажался, в него все время вносились новые элементы (в том числе противоречащие исконному исламскому учению), менялись трактовки многих его положений.

Фундаментализму как основе идеологии свойствен определен тип интерпретации явлений, производства знания и принятия решений, выделяющийся догматизмом, нежеланием вступать в диалог и отсутствием критической самооценки. Вместе с тем нельзя недооценивать силу воздействия фундаментализма и его идейность для многих людей в силу содержащегося в нем страстного призыва к духовному пробуждению и возрождению. Также исследователи последних лет определяют фундаментализм как особый вид религиозной ориентации, характеризующийся беспрекословной и непоколебимой уверенностью в основные религиозные догмы (Altemeyer В., Hunsberger В. [124]).

Наряду с этим можно утверждать, что главные идеи исламского фундаментализма такие же естественные, как и идеи глобализации. Они в целом совпадают с её основными принципами, именно поэтому исламский фундаментализм стал в мусульманских странах альтернативой и политическим ответом ислама вызовам глобализации. Это связано с тем, что ислам болезненно реагирует именно на попытки навязывания чуждой ему идеологии, пытается противостоять западной либеральной модели глобализации. К тому же ислам, отрицая экономику, построенную на ссудном проценте и финансовых спекуляциях, тем самым противопоставляется всей глобальной экономической системе.

Если говорить проще, то сценарий фундаментализма таков: на основе древней и крепкой религии появляются так называемые фундаменталистские движения, которые выступают за возврат к источникам первоначальной веры. Подобные движения категорично выступают против традиционной религии, от которой они, собственно, и отщепляются.

Один из известных американских политологов Ф. Фукуяма [125], еще в начале XXI века провозгласивший полное торжество западных либерально-демократических ценностей, признавал уже тогда, что «базовый конфликт, перед которым мы стоим, гораздо шире и затрагивает не только небольшие группы террористов, но и всю общность радикальных исламистов и мусульман, для которых религиозная идентичность затмевает все другие политические ценности» [125].

Здесь необходимо признать, что ислам сегодня выражает надежды и чаяния самых широких общественных слоев мусульман, поэтому неизбежно появляются и крайне радикальные формы реакции. Видимо, поэтому исламский фундаментализм захватил новые территории и всё больше вовлёл в подобные организации молодежь, в том числе и казахстанскую. В этом мы убеждаемся, проанализировав исследования последнего десятилетия (Яхьяев М.Я. [126]; Милашенко А.В. [127]; Царегородцева И.А. [128]; Гринин Л. Е. [129]; Гринин Л. Е., Кортаев А.В. [130]; Хухлаев О.Е., Александрова Е.А., Зыков Е.В. [131] и др.). В этих работах проскальзывает идея перерастания радикальных идей в экстремистские, и далее в террористические на фоне фундаментализации и идеологизации нетрадиционного ислама.

Но несмотря на это, большинство авторов отмечают следующее противоречие: фундаментализм, порождающий исламский экстремизм, должен быть направлен на восстановление первоначальных основ истинного, оригинального ислама. Но идеология исламского экстремизма вовсе не является последовательным фундаментализмом. Напротив, исламские экстремистские идеологии реформируют идеи в духе экстремизма, т.е. интерпретируют оригинальный ислам, фактически выдавая за него ту версию идеологии, которая выражает их экстремистские взгляды. В этом и опасность исламского фундаментализма для молодёжи, не имеющей чётких осознанных представлений о классическом исламе.

На наш взгляд, подход М.Я. Яхьяева [126], который рассматривает экстремизм как специфическую деструктивную форму социального радикализма, является оптимальным в разграничении этих смежных терминов. По его мнению, это тип социаль-

ной практики или деятельности, основанный на крайних, предельно агрессивных идеологиях и чрезвычайных, решительных действиях, направленных на коренное изменение существующей социально-политической системы или ситуации» [132, с. 11]. Он же выделяет главное отличие экстремизма от противоположной конструктивной формы радикализма – революционной деятельности: деструктивная, разрушительная направленность на коренное, реакционное насильственное изменение существующей социально-политической системы.

Здесь стоит отметить, что современные возможности воздействия через Интернет сегодня активно используются силами, заинтересованными в дестабилизации религиозной и политической обстановки в стране. Мало того, на сегодняшний момент разработаны технологии создания в социальных сетях молодежных экстремистских сообществ с использованием религиозного фактора (Патеев Р.Ф., Сакаев В.Т. и др. [133]).

Казахстанские религиоведы, социологи, политологи, правоведы и другие специалисты тоже не остаются в стороне от анализа проблем радикализации молодёжи на фоне развития исламского радикализма: Сатершинов Б.М., Шаукенова З.К., Жандосова Ш. [134]; Сатершинов Б. [135]; Жусипбек Г. [136]; Иманбаев М. [137]; Бишманов К.М. [138] и др.

Ведущие казахстанские политологи бьют тревогу, что радикализировавшиеся криминальные элементы продолжают совершать общеуголовные преступления, но уже прикрываясь религиозными мотивами.

Анализируются случаи местных группировок, даётся характеристика политико-психологической подоплёке идеологии радикалистских течений в Казахстане. В частности, анализируется практика террористической группировки «Джунд аль-Халифат», занимавшейся банальными грабежами и разбоями, чтобы финансировать свою экстремистскую деятельность (Карин Е. [139]). Также представители политологии и социологии на примерах доказывают, что процессам модернизации казахстанского общества активно противодействуют радикальные исламистские течения. Отрицая все новое, радикалисты готовы ради создания Всемирно-

го халифата использовать экстремизм и терроризм, нарушая покой граждан и политическую стабильность государства (Карин Е. [140]).

Социолог С. Бейсембаев отмечает, что переплетение криминала с радикальной идеологией является характерным для Казахстана фактором, требующим длительного изучения и всестороннего анализа. По его мнению, при анализе данной проблематики следует учитывать также другой аспект, связанный с молодежной криминальной субкультурой, – это сращивание криминала с джихадистской идеологией [141].

Если анализировать зарубежную литературу по данной проблеме, то мы убеждаемся, что проблема радикализма тесно переплетается с проблемой необузданной молодёжи, обладающей стихийными ценностями и установками.

На симпозиуме «Подходы к религиозному насилию, радикализму и дерадикализации: перспективы США и Индонезии» (2016) профессор Марк Смит и его коллеги, рассматривая религиозное насилие, радикализм и экстремизм в США и Индонезии с различных точек зрения, включая глобализацию, политику, средства массовой информации и культуру, обсудили методы дерадикализации и искоренения этих проблем. По мнению зарубежных специалистов, согласно теории религиозного насилия, именно молодёжь является жертвой подобных организаций, и в то же время именно она пополняет ряды самоотверженных адептов деструктивных сект в силу своей подверженности влияниям и психологическому программированию [142].

Турецкий исследователь в области религиоведения Топалоглу Бекир предпринял попытку на основе исламской теологии проанализировать возможности радикальных группировок в области идеологического просвещения молодёжи и ошибки в трактовке принципов Сунны у заблудших исламских течений, этот материал в качестве учебного пособия был переведён казахстанскими учеными-религиоведами и используется в обучении теологов [143].

Предпринята попытка описать религиозный радикализм среди молодых людей – студентов естественных наук в статье Юсар

Мулджаджи [144]. Автор доказывает, что во многих случаях молодежь была главной мишенью агентства религиозного радикализма.

Отображение молодежного радикализма и социально-религиозной нетерпимости в социальных сетях исследуется авторами из Индонезии (Burhanuddin A., Yani A. Ahmad, Hans A., Hidayat A. Rahmat, Pudail M. [145]).

Реакцию европейской молодежи на исламский радикализм и исламофобию изучают Jason P. [146] и Kadri [147]. Роль молодежи в войне Запада с исламом рассматривал Feffer J. [148]; исламофобию и политику молодой британской мусульманской этнорелигиозной идентичности – Abbas T. [149]; исламскую радикализацию в Северной и Западной Африке и роль молодежи как движущей силы данного процесса – Hinds R. [150]; внутренние истории террористического халифата, в том числе проблему вовлечения молодежи в ИГИЛ – Speckhard A., Yayla A [151]. Все эти работы показывают интерес зарубежных исследователей к проблемам религиозного радикализма в целом, озабоченность молодежными установками по отношению к мусульманскому радикализму и экстремизму, а также новые веяния в исследовании этнорелигиозных феноменов.

Обобщив все вышеупомянутые исследования по проблеме радикализации, мы выделяем основные условия появления радикалистских настроений в молодежной среде:

1) маргинальная среда: она постоянно подпитывается неопределенностью положения молодого человека и его неустановившимися взглядами на происходящее;

2) системы и ситуации, для которых характерны отсутствие действующих нормативов, установок, ориентирующих на законопослушность, консенсус с государственными институтами (например, высокий уровень коррупции, безработица и т.п.);

3) преобладание обществ и групп, в которых проявляется низкий уровень самоуважения или же условия способствуют игнорированию прав личности (тогда страны СНГ – благодатная почва для радикализации молодежи);

4) данный феномен характерен для общностей с «разорванной» культурой, т.е. деформированной, не являющей собой целостности.

В нашей стране ведутся (хотя и не систематически) работы по профилактике и противодействию проявлениям радикализма и экстремизма, Министерством по делам религий и гражданского общества предпринимаются меры по организации качественной деятельности в данной области. Неправительственные организации ищут новые пути предотвращения радикализации молодежи, на фоне возросшего использования интернета в условиях пандемии COVID-19 к этой деятельности подключились и силовые структуры.

Существует пакет документов, регламентирующих деятельность религиозных организаций, устанавливающих нормы государственно-конфессиональных отношений (Байдаров Е.У., Бурова Е.Е., Косиченко А.Г. [152]).

Ведутся исследования, направленные на анализ динамики радикализма в стране. Так Ассоциация социологов и политологов Казахстана (АСиП) в ходе социологического исследования выявила высокий уровень конфликтогенного потенциала на этнической и религиозной почве среди молодёжи. Результаты исследования были представлены на заседании аналитической группы «КИПР» (г. Алматы). Исследование было презентовано д.ф.н., председателем правления АСиП – Б. Бектургановой и к.п.н., руководителем представительства Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК (КИСИ) в Алматы М. Нурғалиевой [153].

В 2017 году Министерством по делам религий и гражданского общества в рамках реализации государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму была организована республиканская научно-практическая конференция по вопросам духовно-нравственного воспитания молодежи и формирования иммунитета к радикальной религиозной идеологии. В конференции приняли участие вице-министр по делам религий и гражданского общества Берик Арын, замести-

тель *председателя* Национальной комиссии по делам женщин и семейно-демографической политике при президенте РК Е. Тарасенко и другие общественные деятели.

На территории стран азиатского региона Центральной Азии также ведётся огромная работа по профилактике религиозного радикализма и экстремизма. В г. Бишкек (Кыргызстан) 12 ноября 2019 года Французским институтом исследований Центральной Азии (IFEAC) и Исследовательским институтом «Диалог цивилизаций» (DOC RI) был проведён Международный круглый стол «Религиозный радикализм в Центральной Азии». На этом мероприятии специалисты в области религиоведения и ведущие эксперты региона по экстремизму проанализировали эволюцию радикальных движений, текущую динамику религиозного экстремизма и проблемы де-радикализации [154].

Существует достаточное количество работ, анализирующих влияние религиозного фактора на социально-политическую, социально-экономическую и религиозную ситуации в России и странах Среднеазиатского региона (Акаев В.Х. [155]; Гусейнов В. [156]; Рахматова З.Д. [14]; Элебаева А.Б. [157]; Муртазин М. [158] и др.).

Опыт данных исследований и анализ достаточного количества российских и казахстанских работ в области профилактики религиозного радикализма и экстремизма за последнее десятилетие (Столярченко Е.В. [159]; Кузьмин А.В. [160]; Грашевская О.В. [161]; Мухаметзянов И.Ш., Холоднов В.Г., Нуриахметова Ф.М. [162]; Савченко И.А., Снегирева Л.А., Устинкин С.В. [163]; Салин П.Б. [164]; Егоров Е.Н. [165]; Байтенова Н.Ж. [166]; Жандосова Ш.М. [167]; Байтенова Н.Ж., Шойбек Б.М., Досмагамбетова Д.Д. [168]; Қалмырзаев Б.А., Нақыпов Б. [169]; Төлен Ж.М., Бақытқызы А., Алишерова А.Б. [170] и др.) позволили нам оценить перспективы отдельных методов, способы воздействия на молодёжь, специфику религиозного контента и особенности его восприятия, возможности и пути профилактики радикализации молодёжи.

Вместе с тем, проведённый анализ литературы позволил выявить динамику снижения научно-исследовательской активности российских и казахстанских ученых по проблемам радикализ-

ма на фоне 2009-2017 гг. Также мы отметили для себя небольшой рост публикаций по проблемам экстремизма и терроризма в России и Казахстане на почве событий 2016 года (в Актобе и Алматы), отмечается интерес к проблеме анализа контента Интернет-сайтов. Но при этом огромное количество публикаций на страницах СМИ лишь констатируют проблему, высказывают опасения по поводу развивающегося в исламском мире экстремизма и терроризма. Проблеме религиозного радикализма как идеологической основе экстремистских и террористических группировок посвящено небольшое количество работ последних лет, которые зачастую смешивают понятия «радикализм» и «экстремизм» не только в плане дефиниций, но и в аспекте сущностно-содержательного наполнения феномена и его профилактики на индивидуально-психологическом уровне.

Изучение Национального доклада «Молодежь Казахстана – 2018» [171] дало возможность, используя данные социологических исследований, официальной статистической информации государственных органов, национальных компаний, молодежных организаций объективно оценить ценностную и социально-психологическую устойчивость студенческой молодёжи и в то же время увидеть со стороны перспективы радикализации из-за положения молодежи в социальной и политической сферах, оценить проблемы занятости и предпринимательства, здоровья и досуга, религии, правонарушений и суицида.

Глубокое рассмотрение принятой в 2018 году Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018-2022 годы [172] дало понять, что большинство мер в данной области не учитывают в полной мере факты тотальной прямой и косвенной пропаганды радикализма, экстремизма и терроризма; не достаточно учитывают факты психологической составляющей восприятия информации из СМИ и Интернета; недооценивают роль социальных сетей в создании индивидуально-манипулирующего контента призывов и лозунгов с религиозной символикой и обращениями, влияющими на подсознание читателя. Также не учитывается насколько искажение фактов и аргументов, распространение слухов, полу-

правды или лжи в целях влияния на общественное мнение могут подействовать на мнения, эмоции, установки или поведение любых групп в интересах организатора.

В Концепции Сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма (от 26.08.2005) противодействие пропаганде терроризма и экстремизма определено как одно из основных направлений сотрудничества в борьбе с терроризмом и экстремизмом (пункт 12 раздела III [173]).

Руководитель Антитеррористического центра государств-участников СНГ, кандидат юридических наук, генерал-полковник полиции Новиков А.П. выделил теоретические и правовые основы контрпропаганды в области борьбы с терроризмом и экстремизмом. Им и группой его последователей обосновано, что контрпропаганда, как противодействие пропаганде противника, его враждебному влиянию является важным звеном идеологической работы на фронте радикализма, т.к. радикализм есть не что иное как идеологическая основа экстремизма и терроризма (Смирнов А.А. [174]). В данной работе отмечается, что возрастание роли СМИ и Интернета в формировании сознания молодёжи активизирует деятельность пресс-служб, которым нередко приходится быть на «передовой информационной идеологической войны», отбивая атаки с различных сторон, включая информационные выбросы террористических и экстремистских организаций.

В сферах образования и государственной молодежной политики необходимо усилить идеологическую составляющую. Так, введение в образовательные программы мероприятий, призванных воспитать у подрастающего поколения уважение к различным этносам и конфессиям, может стать основой создания толерантной молодёжной среды [175; 176]. Но этой работы недостаточно. Контрпропаганда, как противодействие пропаганде радикализма, должна стоять на прочной основе позитивной идеологии принятия и терпимости в этно-национальном, социальном, религиозном и других ракурсах.

При этом авторы из разных стран выделяют необходимость стратегической контрпропаганды – целостной информационной

политики как ответной линии на пропагандистскую активность противоборствующей стороны (Манойло А.В. [177, с. 76]; Кулл Н. [178]). Контрпропаганда должна стать составной частью воспитательной работы и образовательной деятельности, направленной на просвещение обучающихся и популяризацию религиозных знаний в части традиционных религий.

В состав учебных дисциплин могут быть включены отдельные темы, посвященные разъяснению сущности радикализма, уяснению форм ксенофобии и маргинальности, опасности терроризма и экстремизма и т.п. Также в качестве одной из форм контрпропагандистской работы может стать проведение сотрудниками правоохранительных органов, Агентства по делам Религий или КНБ профилактических занятий с обучающимися по данной проблематике.

Организации образования, и в первую очередь высшие учебные заведения, должны стать массовыми институтами достижения социального доверия, толерантности, способствующих профилактике радикализма, ксенофобии, экстремизма, терроризма; они должны обеспечить развитие грамотной гражданской позиции молодых людей.

Также на регулярной основе необходимо проводить научно-практические конференции и семинары по различным организационно-практическим вопросам профилактики радикализации молодежи, в том числе предупреждению крайней степени религиозности как предпосылки экстремизма и терроризма.

Требуется системной проработки организация лекционной и пропагандистской работы среди молодежи по материалам, отличающим не только сам терроризм и экстремизм, но и пособничество террористам на основе радикальных идеологий.

В социально-психологическом плане требуется основательной разработки процедура индивидуальной и групповой работы с молодежью из так называемой группы риска. Ещё раз стоит подчеркнуть необходимость развития толерантности как основы «цивилизованного сознания».

Формирование отрядов волонтеров по вопросам предупреждения и пресечения экстремистских акций в студенческой и мо-

лодежной среде является важным аспектом деятельности педагогов, кураторов студенческих групп, руководителей производственной практики.

Не должны остаться в стороне и подготовка специалистов в сфере противодействия идеологии радикализма, экстремизма и терроризма; повышение квалификации участников антитеррористической пропагандистской деятельности, а также разработка и введение в высших учебных заведениях факультативных курсов по обучению навыкам психологического и физического поведения в экстремальных ситуациях.

Т.е. необходима система информационных, идеологических, правовых, организационных, психологических и иных мер, блокирующих негативное информационно-психологическое воздействие радикальных экстремистских организаций на личность и общество.

Вместе с тем, если говорить о молодёжи, то, в первую очередь, необходимо создание условий для воспитания успешной, эффективной, толерантной, патриотичной, социально ответственной личности. С этой целью должны быть разработаны программы адаптации и повышения жизненных шансов подрастающих поколений, оказавшихся в сложной жизненной ситуации.

На развитие конструктивной социальной активности должны быть направлены социально-психологические тренинги и практикумы по месту обучения. Одним из важнейших вопросов должно стать формирование позитивных молодёжных субкультур, общественных объединений, движений, групп. А для этого необходима организация культурного досуга, создание условий для реализации творческого и спортивного потенциала молодёжи.

Культурный рост молодежи станет костяком ценностных установок, препятствующих подверженности деструктивным влияниям. Всё же возможности специалистов ограничены из-за субъективно-личностной характеристики радикалистических взглядов индивидов и отсутствия возможности проникновения в сознание молодёжи. При нынешнем положении дел блокирование социальных сетей подозрительных сайтов, пропагандирующих ксенофобию, радикальные взгляды и установки на экстремистскую и

террористическую деятельность, является пока единственно возможным способом контроля мировоззрения, да и то не столь оптимальным, т.к. любое ограничение вызывает бурный интерес (это мы знаем из детской психологии).

Здесь единственно эффективным инструментом диагностики подверженности молодёжи деструктивным идеям и взглядам, по нашему мнению, являются полиграфологические исследования (с использованием полиграфа), столь популярные за рубежом, но используемые в РК лишь силовыми структурами.

Описание американского и европейского опыта в раскрытии преступлений, в том числе, связанных с экстремистской деятельностью, мы нашли в статьях последнего десятилетия (Prado R., Grajales C., Nelson R. [179]; [180]; Elaad E. [181] и др.). В этих статьях раскрываются возможности использования данного инструмента в судебных разбирательствах, проблемы и перспективы использования полиграфа в выявлении преступных группировок, в подборе кадров, не имеющих преступного прошлого, а также различия в готовности виновных и информированных невиновных испытуемых сотрудничать в тесте на виновные действия.

В России и Казахстане с недавних пор отмечается внедрение криминалистических исследований с применением полиграфа в правоприменительную практику (Гаврилова Т.В. [182]; Иванов Р.С. [183]; Яцык Г.Г. [184]; Домнин С. [185]; Сагынбекова Г. [186]; Гинзбург А. [187]; Алесковский С. [188] и др.). В частности, проводится скрининговое исследование с помощью полиграфа, которое способно выявлять у исследуемых лиц скрываемые в прошлом действия экстремистского характера.

Российский опыт показывает, что возможно выявление: действий, скрываемых респондентом (в его прошлом) с целью насильственного изменения основ конституционного строя и нарушения целостности государства; мотивов и оправданий терроризма и экстремистской деятельности; мнений и действий, связанных с поддержкой или возбуждением социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропагандистского потенциала респондента и наличия идей исключительности, превосходства либо неполноценности.

Но данные работы проводятся в целях криминалистической профилактики правонарушений, в том числе экстремистского характера. К сожалению, пока ни в одной стране полиграф не используется для выявления радикально-религиозных взглядов в целях ранней профилактики радикализма/экстремизма и предупреждения возникновения подобных тенденций в студенческой среде.

Исследование с применением полиграфа – это безвредный для жизни и здоровья человека диагностический процесс, в ходе которого осуществляются анализ и оценка динамики психофизиологических реакций респондента в ответ на предъявляемые вопросы.

На наш взгляд, Лаборатория психофизиологических исследований при Факультете философии и политологии КазНУ имени аль-Фараби при условии изучения зарубежного опыта применения полиграфа в подобных вопросах, а также потенциал специалистов-полиграфологов из среды ППС университета станут надёжной основой деятельности по диагностике и раннему выявлению радикальных установок, идей и мнений в студенческой среде. Это может стать огромным противодействующим ядром в деле профилактики молодёжного радикализма и экстремизма, дальнейшего пресечения терроризма методами психофизиологического исследования на основе полиграфа.

Кроме этого, также необходимы государственная поддержка системы воспитания молодежи на традиционных для Казахстана духовных, нравственных и патриотических ценностях; проведение социологических и психологических исследований в образовательных учреждениях, направленных на изучение социальной обстановки и мониторинга деструктивных форм поведения молодежи (девиантного, оппозиционного, зависимого и т.п.); повышение престижа религиозного образования в РК и контроль за гражданами, обучающимися в иностранных религиозных образовательных организациях. Помимо этого, исследователи-практики в данной области выделяют технологии предупреждения радикализма и экстремизма, пути предотвращения радикализации молодежи в государственном масштабе (Кудрин В.С. [189]; Назаров В.Л. [190]; [191]; [52] и др.).

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ С ПОМОЩЬЮ ПОЛИГРАФА

2.1. Теоретический обзор международного опыта по применению метода «ПФИ» (психофизиологическое исследование) на основе полиграфа

На сегодняшний день метод психофизиологических исследований (далее – ПФИ) с применением полиграфа является оптимальным и достаточно эффективным инструментом психологической науки, основанным на выявлении взаимосвязи функций организма и психики человека. Метод ПФИ представляет собой проводимую по специальным методикам беседу с фиксацией психофизиологических реакций обследуемого на задаваемые вопросы.

Функция полиграфа при использовании метода ПФИ состоит в регистрации параллельно протекающих физиологических процессов: дыхания, кровяного давления, биотоков мозга и сердца, кожно-гальванического сопротивления, частоты пульса и др. При этом изменение величин параметров наступает при наличии определенных стимулов (раздражителей). Таким стимулом, по мнению сторонников использования полиграфа, выступает значимая для проверяемого информация [192, 193]. На нее и будет выработана соответствующая физиологическая реакция. На этой гипотезе основывается метод «детекции лжи»: во внимание принимается изменение реакции, это изменение воспринимается как ложь или утаивание той или иной информации обследуемым.

Вместе с тем полиграф не способен выявить как ложь, так и правду, т.к. ложь – это феномен человеческого общения и сознательное искажение истины. Зачастую после нескольких таких искажений человек вырабатывает привычку делать это постоянно

и сознательно, при этом иногда он сам верит в эту ложь, т.к. недостоверность информации может способствовать этому. Вывод об искренности или неискренности испытуемого делает полиграфолог, он сравнивает показатели физиологических реакций испытуемого, полученные с помощью полиграфа в ходе специально организованного опроса. Здесь могут срабатывать различные субъективные факторы.

Итак, полиграф не является «детектором лжи», а представляет собой прибор, предназначенный для исследования субъективной значимости предъявляемых стимулов.

Участвуя в исследовании с применением полиграфа, человек осуществляет определенную деятельность, которая заключается в выполнении инструкций полиграфолога. Испытуемый неподвижно сидит в кресле, смотрит прямо перед собой, не закрывает глаза, слушает вопросы, отвечает на них односложными ответами («да» или «нет»). Зачастую испытуемый понимает смысловое содержание вопросов программы тестирования, присваивает значимость тому или иному стимулу и физиологически реагирует на них [194].

Для корректного применения метода необходимо, чтобы у испытуемого (по ходу всего процесса тестирования на полиграфе) устойчиво проявлялся психофизиологический феномен: явление, когда физиологические реакции на значимый стимул были бы более выражены, чем реакции на нейтральные (незначимые) стимулы. В этом случае он эффективно выполняет текущую деятельность – проходит тестирование на полиграфе.

Психофизиологический феномен заключается в том, что внешний стимул (вопрос, слово, предмет, фотография и т. п.), несущий человеку значимую в конкретной ситуации информацию о событии, запечатленном в его памяти, устойчиво вызывает физиологическую реакцию, превышающую реакции на родственные (однородные) стимулы, предъявляемые в тех же условиях, но не связанные с упомянутым событием и не несущие человеку ситуационно значимой информации [195].

Если на начальных стадиях проведения психофизиологического исследования с применением полиграфа специалист будет

контролировать воздействие всех (вероятно имеющихся) негативных факторов на возможность проявления у исследуемого лица психофизиологического феномена, то он сможет судить о пригодности текущего психофизиологического состояния испытуемого к применению метода ПФИ.

Основным методическим принципом, на котором базируются психофизиологические способы выявления скрываемой человеком информации, является взаимосвязь скрытых процессов, протекающих в психике человека с быстротекущими изменениями некоторых физиологических процессов. Их показатели регистрируются при помощи вспомогательных технических средств, а испытуемый находится в ситуации специально организованного наблюдения за ним.

Как мы уже отмечали выше, маркерами изменений в протекании психических процессов в организме обследуемого при проведении ПФИ являются физиологические показатели активности дыхательной, сердечно-сосудистой систем, электрической активности кожи и т. д., переводимые с помощью полиграфа в электрические сигналы. Эти сигналы в дальнейшем преобразуются в физические величины, отображаемые в виде графиков. При изучении графиков (с целью выявления возможно скрываемой человеком информации) учитывают изменения ритма, объема, амплитуды и т.д., кривых, отражающих дыхательную, сердечно-сосудистую и прочую деятельность организма.

Регистрация физиологической активности в ходе проведения психофизиологического исследования может осуществляться различными способами (анализатор речи, окулография и др.). Но на практике наиболее распространённым оказался подход с применением психофизиологического прибора, получившего профессиональное название «полиграф», а в быту чаще называемого «детектором лжи».

Если обратиться к истории, то можно сказать, что исследования, проводившиеся в Западной Европе в начале XX века (при этом это были преимущественно лабораторные опыты), ознаменовали начало научного периода в истории изучения возможностей психофизиологии в разоблачении лжи. Впервые о прототипе

данного устройства упомянул в своей работе британский писатель Даниэль Дефо, в частности, он упомянул, что необходимые медицинские знания, в плане измерения пульса подозрительного человека на конкретные вопросы, смогли бы неплохо помочь в работе правоохранительным органам для раскрытия каких-либо преступлений. Д. Дефо писал, что «у вора существует дрожь (тремор) в крови, которая, если ею заняться, разоблачит его». «Эффективный проект непосредственного предупреждения уличных ограблений и пресечения всяких иных беспорядков по ночам» был опубликован в 1730 году [196].

Еще в середине XIX века французский ученый Дюшен де Булонь изучал эмоции, стимулируя электрическим разрядом лицевые мышцы человека и наблюдая за их сокращениями.

Толчком для развития инструментальной диагностики детекции лжи послужила работа итальянского физиолога А.Моссо. В своих исследованиях он показал, что в зависимости от величины эмоционального напряжения меняется и ряд физиологических показателей. Им было установлено, что давление крови в сосудах человека и частота пульса меняются от изменения эмоционального состояния испытуемого. В дальнейшем материалы этих экспериментов были опубликованы в его монографии «Страх». Моссо изобрел несколько видов плетизмографа (от греч. *plethysmos* (наполнение, увеличение) + греч. *grapō* (писать, изображать)) – прибора для регистрации изменений объема конечностей при разном кровенаполнении.

В 1879 году французский специалист по электротерапии доктор Мари Габриэль Ромэн Вигуру раскрыл феномен, известный в настоящее время как кожно-гальванический рефлекс – непроизвольное (рефлективное) изменение электрического сопротивления кожи в связи с воздействием различных раздражителей (стимулов) или психическими переживаниями. Позже данный феномен назвали кожно-гальваническим рефлексом. В 1879 году доктор Вигуру описал свое эмпирическое исследование электрических изменений в человеческой коже в статье «*Sur le role de la resistance electrique des tissues dans l'electrodiagnostic*».

В конце XIX века итальянский врач-психиатр и криминалист Чезаре Ломброзо впервые начал использовать физиологические

параметры для выявления лжи. В дальнейшем материалы этих экспериментов были опубликованы в его монографии «Страх». В 1895 году итальянский врач-психиатр Л. Ломброзо использовал первый прибор для детекции лжи – *гидросфигмометр*, который регистрировал у обследуемого человека изменения давления крови и частоты пульса, после того, как ему ставились вопросы, релевантные к совершенному преступлению [197].

Чезаре Ломброзо опубликовал книгу «Преступный человек», где впервые изложил положительные результаты использования прибора гидросфигмографа в работе сыскальной полиции. Прибор регистрировал изменения объема ладони, опущенной в емкость с водой, связанные с изменениями артериального давления человека при допросе преступников. В книге описан случай, когда при помощи гидросфигмографа во время проверки подозреваемого не было обнаружено заметных изменений в артериальном давлении при вопросах об ограблении, но было отмечено падение давления на 14 mmHg, когда речь зашла о хищении паспортов [198].

Через семь лет в 1902 году с помощью инструментальных методик удалось впервые на суде доказать непричастность обвиняемого в совершении преступления. Начало двадцатого столетия ознаменовалось всесторонним изучением применения методов инструментальной диагностики в раскрытии преступлений. Участвуя в расследовании изнасилования и убийства девочки, Ч. Ломброзо вновь доказал с использованием плетизмографа, что подозреваемый по этому делу, некто Тосетти, невиновен в преступлении. Именно при помощи инструментальных методик Ч. Ломброзо обнаружил незначительные изменения в пульсе, когда Тосетти делал в уме математические вычисления, однако, когда ему предъявлялись изображения израненных детей, регистрируемая запись пульса не показала никаких внезапных изменений, в том числе и на фотografiю убитой девочки.

Этот случай показателен тем, что явился, насколько известно, первым применением в суде инструментального психофизиологического метода установления истины в отношении подозреваемого лица, завершившимся оправдательным исходом.

Невиновность подозреваемого в дальнейшем была подтверждена другими доказательствами при судебном разбирательстве. Тем самым было доказано, что контроль физиологических реакций человека может вести не только к выявлению скрываемой им информации, но и, что не менее важно, способствовать установлению невиновности подозреваемого.

В числе первопроходцев, проводивших эксперименты в области выявления скрываемой информации, были М. Вертгеймер и Ю. Клейн. Они в 1904 г. провели исследование с применением классического ассоциативного эксперимента в целях выявления скрываемой человеком информации, по его результатам опубликована одноименная статья «Психологическая диагностика состава преступления».

Профессор психологии Гарвардского университета США Гуго Мюнстерберг в своей книге «О свидетельских показаниях», написанной в 1908 году, обращает внимание на влияние «эмоциональных изменений на давление крови, дыхание, кожно-гальванический рефлекс...», далее он указывает на возможность использования таких реакций в детекции лжи [199].

Важную роль в области исследования кожно-гальванического рефлекса сыграл известный американский психопатолог и психиатр начала XX века доктор Борис Сидис. В 1908 году он провел исследование гальванических отклонений вследствие психофизиологических явлений. Уже позднее в 1914 г. итальянский исследователь Витторио Бенусси использовал анализ динамики процесса дыхания, а именно учет изменений его частоты и глубины, при проведении допросов подозреваемых в совершении преступлений. В качестве информативных показателей им использовались частота и амплитуда дыхания, регистрируемые с помощью пневмографа. Бенусси определял ложь и правдивость, используя соотношение продолжительности вдоха и выдоха.

Возникновение электрических потенциалов кожи впервые в мире исследовал русский физиолог Иван Тарханов – ученик И.М. Сеченова. В мировой практике исследования физиологических процессов этот метод носит название феномена Тарханова и заключается в усилении гальванических явлений в коже человека при различных формах психической деятельности.

Таким образом, появилась потребность в создании такого аппарата, способного регистрировать происходящие изменения физиологических процессов, связанных с возникновением эмоций, особенно тех, которые возникают в конкретных ситуациях, когда человек обманывает и лжет.

В 1914 году итальянец Бенусси использовал прибор для регистрации дыхания при проведении допросов подозреваемых. В качестве информативных показателей использовались частота и глубина дыхания, регистрируемые с помощью прибора «пневмографа». Позже с помощью этого прибора стали определять продолжительность вдоха и выдоха, задержку дыхания на вдохе и выдохе.

Постепенно опыт изучения природы лжи стали применять в профессиональной деятельности правоохранительные органы. Впервые в следственной практике проверка на полиграфе была проведена в октябре в 1992 года при раскрытии особо дерзкого убийства [200].

Но всё-таки прообраз современного профессионального полиграфа был сконструирован впервые лишь в 1921 г. сотрудником полиции США Джоном Ларсоном. Этот прибор одновременно регистрировал изменения динамики относительного артериального давления, пульса и дыхания. Несмотря на свою прогрессивность, он был еще далек от современных полиграфов. Будучи студентом медицинского факультета, он в то же время служил в полиции города Беркли (штат Калифорния), и поэтому имел возможность убедиться в эффективности своего прибора на практике, при проверке лиц, подозревавшихся в совершении преступлений.

Наряду с полиграфом Ларсон использовал тест (научную процедуру), разработанный в 1915 году доктором Уильямом Марстоном в Гарвардской психологической лаборатории. Метод интервьюирования Дж. Ларсона известен под названием релевантная/иррелевантная процедура, и заключается он в задавании вопросов, относящихся и не относящихся к расследуемому преступлению.

Вместе с тем, лишь в 1933 г. ученик Д. Ларсона – Лэнард Килэр наладил серийный выпуск приборов, специально предназначен-

ных для целей «детекции лжи». Введение канала регистрации кожного сопротивления в 1926 году Л. Килером значительно повысило точность прогноза при проведении полиграфных обследований.

Уже к началу 2-ой Мировой войны полиция США широко использовала возможности полиграфных проверок при расследовании преступлений. В 1948 году Килэр основал в городе Чикаго Полиграфологический институт – первое в мире учебное заведение по подготовке полиграфологов.

В России выявление скрываемой информации при расследовании преступлений в 20-е годы прошлого столетия было проведено психологом Александром Лурия. В лаборатории при Московской губернской прокуратуре, созданной в 1927 году, он провел ряд экспериментов с участием лиц, подозревавшихся в совершении тяжких преступлений.

Решающий вклад в становление психофизиологического метода детекции лжи внес американский криминалист Л. Килер, помощник и ученик Дж. Ларсона. В 1933 году он сконструировал первый полиграф, специально предназначенный для выявления у человека скрываемой им информации. К 1935 году разработал методику испытаний на полиграфе, в 1938 году основал специализированную фирму по серийному выпуску полиграфов и школу по подготовке полиграфологов [201].

По данной теме в числе последних работ, связанных с изучением природы эмоций, эмоциональной сферы, – Дэвид Дестено «Сила эмоций» (2021), Мессинджер Жозеф «Как читать людей: расшифровка скрытого смысла 1000 жестов, поз и мимики» (2021), Дэстено Дэвид «Сила эмоций» (2021), Лиза Фельдман Баррет «Как рождаются эмоции» (2021), Пол Экман «Психология эмоций» (2020).

Таким образом, как бы человек не скрывал свою ложь, эмоциональная сфера, эмоциональный фон покажут чувства, намерения и его прошлые действия, так как наши мысли есть прямое отражение физиологической природы, что невозможно скрыть. Так как даже мимические элементы во время работы на детекторе лжи помогают показать по эмоциям картину происходящего и произошедшие действия.

Как видим, история говорит, что лидером и основателем проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа являются США. При этом широкое распространение этот способ психофизиологического исследования получил не только для уголовного и судебного производства, но и в гражданском обиходе. В связи с этим в США в 1988 году был принят закон «О защите служащих от полиграфа». Этот закон очень четко и жестко определил порядок проведения подобных исследований во многих сферах жизнедеятельности [202, с. 55].

Канада занимает 2-ое место после США по количеству проверок, проводимых на полиграфе. В Канаде психофизиологическое исследование, проводимое при помощи полиграфа, активно используется в ходе расследования преступлений [203], однако в отличие от США данные результаты не используются в судах для доказательства вины подсудимого, за помощью к полиграфу обращаются только в целях установления непосредственного факта совершения преступления либо сужения круга подозреваемых. При этом полиграф применяется не только в отношении обвиняемого, но и в отношении потерпевшего, свидетелей, истцов.

Третьей в мире по числу исследований с использованием полиграфа является Япония. В начале 30-х годов XX века в этой стране для детекции лжи использовался гальванометр, с помощью которого регистрировалась электрическая проводимость кожи. Полиграф в Японии начал применяться с 1956 года, при этом ведущая роль в его применении была отведена полиции [204]. Начиная с 1959 года в этой стране результаты проверок на полиграфе принимаются в качестве доказательств в судах низшей инстанции, а начиная с 1970-х годов стали приниматься на усмотрение судей и Верховным Судом.

Полиция Японии имеет расширенные права по сравнению с полициями других стран мира, в частности США. Она стала активно использовать в практике полиграфных проверок тесты, не имеющие контрольных вопросов. Результаты тестирования стали применяться судами в качестве доказательств. Особые требования предъявляются к их профессиональной подготовке. В Великобритании попытка внедрения и использования метода психофизио-

логического исследования не увенчалась успехом. Применение полиграфа в Великобритании в период, когда руководила правительством Маргарет Тэтчер, вызвало большую волну протеста, и проект по его применению, в том числе в правоохранительной деятельности, не получил дальнейшего развития [205, с. 31].

В Германии исследования с применением полиграфа также не получили должного развития. Ещё в 1954 году один из судов данного государства принял судебное решение со ссылкой на Конституцию ФРГ, запрещающее применение полиграфа в ходе уголовного судопроизводства. Это было обосновано тем, что проверка на «детекторе лжи» унижает достоинство человека, его неприкосновенность [204]. Позднее, в 1981 году Конституционный суд ФРГ подтвердил запрет на использование полиграфа на территории всего государства.

Уголовно-процессуальное законодательство Австрии также содержит запрет на использование полиграфа при расследовании преступлений, даже если сам обвиняемый ходатайствует об этом [204]. Польша стала применять полиграф с 1964 г. Она была одной из первых стран, находящихся под жестким контролем СССР, жандармерия которой закупила в США один полиграф и обучила работе на нем несколько человек. В Польше имеют место единичные случаи признания судом результатов исследования с применением полиграфа в качестве доказательств по уголовному делу, но это скорее исключение из общего правила. На сегодняшний день в Польше полиграф применяется только в рамках оперативной деятельности правоохранительных органов (например, при построении следственных версий, в качестве ориентирующей информации).

В Израиле полиграф стал использоваться с 1959 г. На базе американских школ было подготовлено более 60 специалистов. В Венгрии применение проверок на полиграфе для раскрытия преступлений началось в 1978 г. Применение полиграфа регулируется инструкцией МВД. Основные положения инструкции взяты из аналогичного документа США. В основе этого документа лежит добровольность обследуемого при проведении подобных проверок. Отказ от прохождения проверок не преследуется по закону.

В Индии полиграф начал применяться с 1973 г. По законам Индии результаты полиграфных проверок могут быть использованы в суде в качестве доказательств только в случае, если проверка проводилась гражданским лицом, а не сотрудником полиции или работником суда. В связи с тем, что в разработке законов и указаний по полиграфным проверкам принимала активное участие Американская полиграфная ассоциация, в Индии общие требования к проверкам на полиграфе в основном схожи с требованиями США.

В Китае полиграф появился в конце 1940 г., когда США предоставили полиграф и его технологии для повышения эффективности военных действий. После поражения правительственных войск полиграф был перевезен на Тайвань. В самом Китае в связи с приверженностью социалистическому лагерю, возглавляемому СССР, развивалась тенденция игнорирования полиграфа.

Во Франции, Испании, Италии, Словении и ряде других европейских государств психофизиологическое исследование, проведенное при помощи полиграфа, также не получило должного развития.

Развитие психофизиологических методов выявления скрываемой информации в начале 20-х годов XX века вызвало скачок в экспериментальной психофизиологии. Широко известны эксперименты в области инструментальной «детекции лжи», проведенные А.Р. Лурией в 1927-1932 гг. в лаборатории экспериментальной психологии при Московской губернской прокуратуре [205].

К сожалению, в связи с возобладавшей в СССР со 2-й половины 1930-х годов политикой одностороннего изоляционизма работы по изучению психофизиологических методов разоблачения лжи были свернуты. Исследования возобновились в 1975 г. с созданием в структуре КГБ СССР профильного подразделения по проведению полиграфных проверок и обучению сотрудников спецслужб СССР методам противодействия процедуре инструментальной «детекции лжи» [206]. Т.е. впервые полиграф стали применять на территории СССР с целью оценки сообщаемой человеком информации в органах государственной безопасности в 1975 г. [206].

В МВД России полиграф появился в 1993 г. [207]. В 1994 году был подписан приказ МВД России «Об утверждении инструкции о порядке использования полиграфа при опросе граждан, после чего эта методика стала применяться всё более активно. В Министерстве обороны России в 1998 г. [207], а в 2009 г. Следственным комитетом при прокуратуре Российской Федерации метод ПФИ был принят в арсенал средств по борьбе с преступностью.

Как мы уже упоминали выше, первым из советских психологов сформулировал генеральный принцип психофизиологических методов детекции лжи А.Р. Лурия: «Единственная возможность изучить механику внутренних “скрытых” процессов сводится к тому, чтобы соединить эти скрытые процессы с каким-нибудь одновременно протекающим рядом доступных для непосредственного наблюдения процессов... в которых внутренние закономерности и соотношения находили бы свое отражение» [208, с. 198].

Ведущими системами компьютерного полиграфа в разные периоды являются: «Барьер», «Диагноз», «Диана», «Конкорд», «Крис», «ПИК», «Поларг», «РИФ», «Эпос», «Энергия», «Дельта-Оптима» и др.

В настоящее время имеет место тенденция увеличения практики применения опросов с использованием полиграфа в ведущих странах мира: США, Франции, Италии, Германии. Наряду с военной разведкой, полицией, министерством обороны, ФБР, ЦРУ, этот инструментальный метод активно применяется промышленными компаниями, банками, торговыми фирмами.

В Турции полиграф стал применяться при расследовании преступлений сравнительно недавно – с 1984 г. Сейчас Турция – одна из ведущих стран мира по количеству полиграфов, находящихся на душу населения. Подготовка специалистов ведется в Америке. Правовая база в основном повторяет аналогичные документы, используемые в США.

По количеству подготовленных высококлассных специалистов-полиграфологов Япония занимает четвертое место в мире. На сегодня в этой стране проведение проверок на полиграфе имеет ограничения, связанные с особенностями состояния организма человека. В Японии запрещено подвергать проверкам на детекторе лжи: пожилых людей; наркоманов; несовершеннолет-

них; больных, находящихся в тяжелом состоянии; людей тревожно-мнительных; психически больных; лиц в состоянии алкогольного опьянения.

В Израиле действует собственная школа первоначальной подготовки судебных психологов для работы на полиграфе. Разрешение полиции заниматься частной практикой привело к тому, что почти 30% полицейских – специалистов полиграфа имеют свою частную систему проверок. Несколько лет назад создан первый контактный полиграф. Ведутся работы по бесконтактному полиграфу и разработке соответствующей правовой базы к нему.

На современном этапе Американская ассоциация полиграфологов (АРА) считает, что научные данные подтверждают обоснованность проверок на полиграфе, которые проводятся и интерпретируются в соответствии с документированной и подтвержденной процедурой. Таким образом, такие экзамены имеют большую доказательную ценность и полезны для различных целей, включая уголовные расследования, управление правонарушителями и отбор кандидатов на должности, требующие общественного доверия. В то же время Академии наук большинства стран, в том числе США и Китая, несмотря на широкое использование полиграфа, указывают, что одно и то же исследование, проводимое одновременно на двух или более полиграфах, даёт неодинаковый результат из-за индивидуальных технических средств каждого прибора, а также компетентности специалистов-полиграфологов.

Как мы уже упомянули выше, психофизиологический метод с использованием полиграфа (ошибочно называется методом «детекции лжи») в системе Следственного комитета Российской Федерации стал использоваться с 2009 года. При этом в России упоминается несколько названий данного метода:

– опрос с использованием полиграфа (ОИП) – используется в основном в органах дознания, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность,

– психофизиологическое исследование (экспертиза) с использованием полиграфа – используется в системе Следственного Комитета Российской Федерации, специалистами различных учреждений, негосударственных организаций,

– криминалистическое исследование с использованием полиграфа (КИПП) – используется в Институте криминалистики ФСБ России.

Очень интересны исследования с применением полиграфа российских исследователей: по диагностике скрываемой информации на основе анализа когнитивных вызванных потенциалов мозга человека (Исайчев Е.С., Исайчев С.А., Насонов А.В., Черноризов А.М. [209]); по изучению окулomotorного поведения человека в ситуации сокрытия значимой информации (Яцык Г.Г. [210]); по детекции скрытой мотивации (Захарова Л.Н., Парин С.Б., Полевая С.А. [211]), по проблемам противодействия полиграфу (Варламов В.А., Варламов Г.В. [212]) и другие.

Также вызывают огромный интерес зарубежные исследования: по использованию полиграфа для обнаружения пассажиров, перевозящих незаконные предметы (Рунсин Ю, Си Цзя Ву, Одри Тингвэй Хуанг, Натан Голд, Хуасюн Хуанг, Гэньбюэ Фу, Кан Ли [213]); по анализу когнитивных и эмоциональных аспектов диагностических процедур на полиграфе (Эйтан Элаад [214]); по извлечению важной информации из частичных знаний членов группы с помощью теста поиска скрытой информации (Эйтан Элаад [215]); по анализу влияния предварительных ожиданий на оценку полиграфа (Авиталь Гинтон [216]); на выявление моделированного полиграфическим методом поведения при расследовании подозрения в изнасиловании ребенка (Алин Лес, Адриан Вайда [217]) и другие.

На наш взгляд, особо актуально медико-психологическое исследование по выявлению влияния нарушений вегетативной нервной системы на искажение информации, полученной на полиграфе (Глен Кук, Чарльз Мичоу [218]). Авторы утверждают, что полиграф и другие новейшие технологии используются при допросе и проверке сотрудников, однако, экзаменаторы и врачи должны знать, что результаты могут быть неточными у субъектов с вегетативными расстройствами и могут быть искажены приемом нескольких лекарств.

Также интересны и зарубежные обзорные работы в данной области. Так в статье, раскрывающей использование полиграфа

для обнаружения обмана (Эуут Х. Мейер, Бруно Вершуере [219]), утверждается, что за последнее десятилетие в Европе наблюдается заметный рост использования полиграфа для обнаружения обмана, говорится, что в настоящее время Бельгия и Финляндия регулярно используют тесты на полиграфе в уголовных расследованиях, а Великобритания и Нидерланды приняли его использование для лечения и наблюдения за сексуальными преступниками.

А в статье, посвященной обзору полиграфа, а именно его истории, методологии и текущему состоянию (Джон Синнотт, Дэвид Дитцель и Мария Иоанну [220]), уделено внимание основным методам тестирования на полиграфе, а именно, вопросно-сравнительному тесту и тесту по скрытой информации. Обсуждение этих двух основных методов их использования и проблем составляет основу обзора. Рекомендации для будущих исследований сделаны специально в отношении улучшения существующих технологий полиграфа и изучения роли полиграфа в сочетании с другими методами обнаружения обмана.

В обзорной главе книги Рэймонда Нельсона о полиграфе, посвященной научным основам проверки на полиграфе, дается сравнение вопроса полиграфологического тестирования и его результатов в применении к диагностическим и скрининговым контекстам. Обзор обобщает литературу для всех аспектов процедуры тестирования, включая предварительное собеседование, сбор тестовых данных, анализ и предложение физиологических и психологических основ для проверки на полиграфе [221]. В статье, посвященной современному состоянию обнаружения обмана и его перспективам на будущее (Жауме Масип [222]), проанализированы исследования, касающиеся психофизиологического выявления обмана, и отмечены исследовательские направления, которые, несомненно, дадут интересные новые открытия в будущем.

В целом можно подвести общий итог о том, что международный опыт применения полиграфа в основном заключается в борьбе с преступностью. При этом законодательные органы в этих странах очень осторожно подходят к использованию результатов

психофизиологических исследований, проведенных при помощи полиграфа в сфере уголовного судопроизводства. Утверждается, что результаты диагностики с использованием полиграфа носят вероятностный характер, а результаты исследования основаны на субъективной оценке специалиста-полиграфолога.

За последние несколько десятилетий возможности по использованию полиграфа получили широкое распространение, и не только в сфере борьбы с преступностью, но и в обыденной жизнедеятельности. Также в России уже существует новое направление судебной экспертизы – психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа. Так, по данным Генеральной прокуратуры РФ, в нескольких регионах (например, Москва, Астраханская, Тамбовская, Саратовская области) результаты экспертизы с использованием полиграфа используются в суде в качестве доказательств [223].

Также в последние годы участились мероприятия полиграфологов разных специализаций. Так, в январе 2015 года в Москве (Россия) был проведён круглый стол «Проблемы применения полиграфа в расследовании и профилактике коррупционных преступлений» с участием зарубежных представителей Ассоциаций полиграфологов. Подобное мероприятие было организовано кафедрами криминалистики юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, уголовного процесса и криминалистики СПбГУ, криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) при содействии НП «Национальная коллегия полиграфологов».

В последние годы диагностический аспект применения ПФИ расширен новым направлением – психологической экспертизой с помощью полиграфа. Она помогает проводить исследование психологических особенностей человека, исследование психологии социальных групп с целью:

- установления наличия или отсутствия аффекта и иных эмоциональных состояний лица в определенный момент;
- выявления психологических особенностей лица, влияющих на осознание и восприятие совершаемых им действий;
- выявления психологических особенностей лица, влияющих на осознание и восприятие совершаемых с ним действий;

- установления психологических особенностей контакта родителей и ребенка;
- установление индивидуально-ролевого статуса членов преступной группы;
- установления наличия или отсутствия у лица психологических особенностей, делающих невозможным выполнение некоторой функции (например, профессиональной);
- исследование психологии социальных групп на предмет возможного влияния, оказываемого на социальные группы текста, рекламы и др.;
- установление предрасположенности к самоубийству и другое [222].

Если говорить о профилактике нежелательного поведения, то можно упомянуть скрининговые проверки на полиграфе, проводимые в интересах отбора кадров, оценки работающего персонала и своевременного выявления его возможной нелояльности или склонности к правонарушениям. Они в наибольшей степени отражают профилактический потенциал ПФИ.

Исследователи отмечают, что скрининговые проверки имеют определенные отличия в зависимости от того, какую должность в учреждении будет занимать опрашиваемое лицо [223].

По уровню сложности данный вид проверок наиболее прост, так как уже само выявление «факторов риска» дает возможность заказчику отказать кандидату в приеме на работу.

- Наиболее часто проверяемые факторы риска при скрининге:
- достоверность данных, указанных в анкете;
 - подлинность предоставленных документов (паспорт, военный билет, диплом, трудовая книжка и т. д.);
 - истинные (скрываемые) причины ухода с предыдущего места работы;
 - истинные (скрываемые) мотивы поступления на работу;
 - недостаточный профессионализм, халатное отношение к выполнению служебных обязанностей на предыдущем месте работы;
 - разглашение на прежней работе конфиденциальной информации; наркотическая зависимость; алкогольная зависимость;

скрываемые проблемы со здоровьем (в том числе психического плана), мешающие выполнению служебных обязанностей;

- наличие крупных долговых и других финансовых обязательств;
- увлечение азартными играми; сокрытие криминального прошлого, связей с преступными сообществами или сообществами, имеющими преступные намерения;
- участие в экстремистских организациях, религиозных и общественных объединениях деструктивного типа;
- наличие фактов злоупотребления служебным положением и др.

Как видим, здесь возможно обнаружение разной степени сокрытия неблагоприятных фактов биографии, недобросовестности, своего истинного отношения к определенным явлениям, нечистоплотности, психологической непригодности к определенным видам работ и т.п. Всё это причисляет данный метод к успешным в области выявления недостойного, а порой и деструктивного поведения. Зачастую этот метод является единственно возможным способом утвердиться в достоверности сообщаемой человеком информации.

Наиболее эффективным прикладным психофизиологическим методом является тестирование с использованием полиграфа. Важно отметить, что с помощью этого метода удастся уверенно выявлять такие основные виды лжи, как ложь в форме сокрытия и ложь в форме фальсификации или искажения доводимой до сведения информации.

В Казахстане полиграфология – относительно молодая отрасль исследований. Становление полиграфа в Казахстане происходило в начале XXI века, и на сегодняшний день частный бизнес и правоохранительные органы чаще применяют полиграф для работы с персоналом – при подборе кандидатов, аттестации и служебных расследований. В Республике Казахстан первый полиграф появился только в начале 90-х годов XX века. Это был американский «Лафайет», который был предназначен для работы в КРАМДС-банке, но из-за отсутствия специалистов не нашёл должного применения. Позднее начали применяться российские приборы – «Дельта», в начале XXI века – «Диагноз-01», «Барьер-14». «РИФ», «Крис», «Поларг», «Диана» [224].

С 2008 года здесь зарегистрирована Евразийская ассоциация полиграфологов – первая в Казахстане и одна из ведущих в СНГ общественных организаций, осуществляющая всеобъемлющую учебную, научную и практическую деятельность в сфере прикладной психофизиологии, безопасности организаций и проверки персонала. Членами данной ассоциации запущена программа первоначальной подготовки полиграфологов. Также в 2008 году казахстанские профессионалы в области полиграфологии объединились в Алматинскую ассоциацию полиграфологов. Можно сказать, что до этого периода системных исследований в этой области не проводилось, хотя сами приборы появились в 90-х гг. XX века. По утверждению кандидата юридических наук, руководителя ОО «Алматинской ассоциации полиграфологов» С. Алесковского, назначение и производство судебных психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа не противоречит действующей в Казахстане Конституции, хотя в законодательстве РК вопросы использования полиграфа пока не регламентированы [225]. Полиграф сегодня рассматривается и как средство противодействия коррупции в государственных органах. В Республике Казахстан также имеется опыт применения полиграфологического метода в судах в качестве доказательств по уголовным и гражданским делам.

На сегодня, как отмечают практики в области судопроизводства и криминалистики Г. Сагынбекова и др. [226], в Казахстане полиграф может найти широкое применение в следующих направлениях: оперативно-розыскная деятельность (ОРД); профессиональный отбор и кадровые проверки в различных государственных ведомствах и частных организациях; судебные экспертизы в рамках уголовного, гражданского и арбитражного и административного процессов.

Таким образом, в настоящее время полиграф – это самый доступный, простой, надежный и эффективный способ оценки достоверности сообщаемой человеком информации. Проведенный анализ и обобщения международного опыта использования полиграфа показал, что сегодня полиграф широко используется во всех областях жизнедеятельности общества, при этом не только в

спецслужбах, но и в других важных государственных учреждениях. Во многих странах заметно расширение практики его применения коммерческими структурами, крупным и малым бизнесом. Сегодня большинство коммерческих организаций, использующих полиграф при найме на работу, не имеют возможности или не желают вкладывать средства в построение сбалансированной комплексной системы изучения работников и кандидатов на работу и применяют полиграф в качестве единственного, безальтернативного средства оценки лояльности действующего и нанимаемого персонала

2.2. Исследование склонности к противоправным действиям с помощью полиграфа

«Полиграф» в переводе с греческого языка означает «множество записей». Полиграфное устройство еще называют «детектор лжи», «вариограф», «плетизмограф», он представляет собой многоцелевой прибор. Предназначен для одновременной регистрации нескольких (от 4 до 16) физиологических процессов, связанных с возникновением эмоций: дыхания, кровяного давления (мозга, сердца, скелетной и гладкой мускулатуры и т.д.).

Запись реакции осуществляется так, что оператор отчетливо видит, какой именно вопрос вызвал соответствующую эмоциональную реакцию допрашиваемого. Прибор связан с испытуемым с помощью системы контактных датчиков.

Современные полиграфы могут фиксировать до 32 параметров психофизиологического стресса организма человека. В основном датчики фиксируют показатели дыхания, сердечно-сосудистой системы, кожного сопротивления и тремор. Помимо этого, могут использоваться и дополнительные каналы получения психофизиологических изменений: датчики контроля мимики лица, съема речевых сигналов и др. [227].

На современном этапе в рамках психофизиологического исследования решаются задачи в сфере бизнеса и трудовых отношений:

- подбор надежного персонала;
- выявление факторов риска, препятствующих поступлению на работу;
- выявление нарушений в бизнес-процессах;
- профилактика нарушений в бизнес-процессах;
- оценка достоверности объяснений работника;
- установление достоверности представленных анкетных данных;
- выявление причастного к хищению лица;
- определение иных участников хищений;
- диагностика стороны гражданско-правовой сделки.

Тестирование на полиграфе, выполняемое в интересах изучения и отбора персонала, существенно отличается от испытаний, проводимых в ходе служебных расследований по сложности, используемым методическим средствам, по степени точности и надежности, получаемых результатов.

В сфере судопроизводства психофизиологическое исследование на основе полиграфа может быть направлено на:

- уточнение фактуры преступления;
- сужение круга подозреваемых;
- выявление роли каждого участника преступной группы;
- выявление места нахождения похищенного имущества или орудия преступления;
- определение места нахождения трупа;
- поиск без вести пропавших лиц;
- выявление лжесвидетельств (со стороны свидетеля или потерпевшего);
- оценку достоверности показаний подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

В уголовном судопроизводстве ПФИ с помощью полиграфа даёт возможность решать более сложные задачи:

- оценивать достоверность объяснений лица, привлекаемого к административной ответственности;
- оценивать достоверность пояснений заявителя, истца, ответчика в гражданском и арбитражном судопроизводстве;
- выявлять самооговоры;

- устанавливать сообщников преступника;
- доказывать непричастность при отсутствии алиби.

В последние годы в рамках психофизиологического исследования полиграф помогает и в частной сфере:

- осуществлять подбор домашнего персонала (охрана, гувернантки, няни и т.д.);
- проводить проверку на супружеские измены;
- проверять членов семьи на различные зависимости (наркотики, азартные игры и др.);
- помогать в решении семейных конфликтов, в частности собрать нужную информацию, например, о хищении денег у родителей, «сомнительных знакомствах» и др.

На данный момент в разных странах разработаны разные детекторы лжи, но все они помогают раскрывать преступления и не позволяют людям скрывать свои противоправные поступки и действия, которые совершили в действительности.

Чаще всего полиграф используют в целях профилактики антиобщественного беспорядка и хаоса.

Интересно, что впервые в истории в 1991 г. полиграф был применен в расследовании преступления именно экстремистского характера, в ходе следствия по уголовному делу об убийстве священника Александра Меня [5. с. 48].

Полиграф представляет собой «...техническое средство для гласной синхронной регистрации в процессе опроса параметров дыхания, сердечно-сосудистой активности, кожного сопротивления, а также, при наличии необходимости и возможности, других физиологических параметров с последующим представлением результатов регистрации этих параметров в аналоговом или цифровом виде, предназначенном для оценки специалистом достоверности сообщённой информации».

С точки зрения науки, на субъективно значимые стимулы организм человека проявляет индивидуальные изменения физиологических реакций по принципу «стимул-реакция» (S–R) – универсальному определению для явлений, гипотетических механизмов и общих теорий, основывающихся на отношении между стимулом и связанной с ним реакцией. Чем выше для ис-

следуемого лица значимость стимула, тем более выраженные физиологические реакции регистрирует полиграф.

В ходе производства ИПП (исследование с применением полиграфа) на компьютерном полиграфе специальное программное обеспечение осуществляет запись полиграммы – графического отображения динамики физиологических процессов человека в ответ на предъявляемые ему стимулы.

С целью выявления субъективной значимости для человека каких-либо вопросов и определения причинно-следственной связи между ними и реакциями, возникающими в ответ на их появление, эти вопросы (или иные стимулы) формулируют специальным образом и по определенной организационно-логической структуре группируют в наборы, именуемые вопросниками или тестами. Каждый вопросник предъявляется исследуемому лицу 3-6 раз. Из тестов формируется вся программа тестирования на полиграфе. Этот этап является творческой частью подготовки к тестированию и требует от полиграфолога хороших знаний теории и технологии ИПП.

После предъявления вопросника специалист анализирует его полиграммы. По выраженности и устойчивости индивидуальных физиологических реакций, их соотношению внутри теста, свидетельствующему о субъективной значимости каждого стимула для исследуемого, полиграфолог приходит к суждению о том, что зарегистрированные реакции связаны с тем, что у человека имеется/отсутствует в памяти информация об интересующем событии в прошлом. По оценке зарубежных специалистов, достоверность результатов, полученных в результате применения ИПП, проводимых опытными полиграфологами, является весьма высокой и составляет не менее 90 % [227].

Традиционно ИПП применяют для решения двух видов задач:

1. С целью профилактики правонарушений в интересах отбора и расстановки кадров (ОРК). Это так называемые скрининговые задачи (от англ. screen – просеивать, проверять на благонадежность).

2. С целью получения информации в ходе различного рода расследований (служебных разбирательств, оперативно-розыскной деятельности, экспертных исследований) [228].

Р.С. Иванов пишет, что полиграф играет важную роль в профилактике экстремистской деятельности. Противодействие экстремистской деятельности заключается в принятии профилактических мер, направленных на предупреждение экстремизма, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности [227].

В ходе скринингового ИПП можно успешно выявлять у исследуемых лиц скрываемые в прошлом действия экстремистского характера:

1. Действия в прошлом с целью насильственного изменения основ конституционного строя и нарушения целостности Российской Федерации.

2. Публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность.

3. Деятельность, связанная с возбуждением социальной, расовой, национальной или религиозной розни.

4. Пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

5. Действия, нарушающие права, свободы и законные интересы человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

6. Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций.

7. Публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения.

8. Финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе пу-

тем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

9. Практика применения ИПП в целях ОРК подтвердила эффективность выявления в прошлом исследуемых лиц действий, связанных с экстремизмом [227].

Когда человек лжет (то есть сознательно произносит ложь с намерением обмануть), уровень возбуждения нашего мозга повышается из-за катехоламиновой реакции, которая запускается автономной нервной системой. Эта система также отвечает за другие изменения тела, которые могут быть легко обнаружены с помощью тестов на детекторе лжи, включая модуляцию голоса, которая может быть обнаружена с помощью «анализаторов голосового напряжения»; мидриаз зрачка; увеличения в дыхательной и сердечной частоте; и изменения проводимости кожи (электродермическая реакция).

Современный компьютерный полиграф представляет собой переносной персональный компьютер с сенсорным блоком и регистрирующими датчиками.

Сенсорный блок предназначен для снятия сигналов с датчиков, регистрирующих параметры физиологических процессов, усиления и фильтрации сигналов от этих датчиков, преобразования их в цифровые коды и последующего ввода в компьютер (чаще всего ноутбук).

Для регистрации физиологических данных используются следующие датчики [228]:

- с тонической и фазической составляющими электрокожного сопротивления (кожно-гальваническая реакция (КГР));
- с кожно-гальванической реакцией – представляет собой изменение разности потенциалов и уменьшение электрического сопротивления между двумя участками поверхности кожи (например, тыльная и ладонная поверхности кисти) при раздражениях, связанных с эмоциональной реакцией организма.

Исследования КГР проводят для изучения психофизиологических реакций человека, особенностей его личности и уровня активности симпатической нервной системы в психофизиологи-

ческих, физиологических и клинко-физиологических, криминалистических исследованиях в качестве высокочувствительного, простого и технически легко определяемого показателя, а также для оценки нейропсихического напряжения человека. Регистрация КГР является важным компонентом исследований на полиграфах, так называемых «детекторах лжи».

Биоэлектрическая активность на коже обусловлена активностью симпатической нервной системы и деятельностью потовых желез. Регистрируется везде с поверхности, кроме участков, лишенных потовых желез (красная кайма губ и др.), но обычно используются пальцы и кисти рук или подошв ног.

В структуре КГР выделяют уровень тонической активности, как фоновое, относительно длительное состояние, и реакции, появляющиеся в ответ на раздражители. В исследованиях по эффективности рекламы было обнаружено, что показатели КГР при восприятии рекламы далеко не однозначно связаны с поведенческими реакциями.

Есть два метода регистрации КГР по Тарханову, т. е. регистрация разности потенциалов между двумя участками кожи и метод Фере – исследование электропроводности кожи по пропускаемому через неё току. При регистрации кожных потенциалов в электрической цепи отсутствует внешний источник тока; значения потенциалов фиксируются чувствительным гальванометром.

Кожа является сложно организованным органом тела человека, и на данное время недостаточно хорошо изучена. Она дополняет функции ряда внутренних органов, участвуя в выведении продуктов, которые не выделяются легкими и почками, она поглощает кислород из вне, являясь в то же время хорошим препятствием для всевозможных вредных веществ, патогенных микробов и пр. Большую роль играет кожа в теплообмене и обмене веществ.

Кожа способна воспринимать «радиозвук» волну (например, в зоне действия высокочастотного передатчика), особенно на частотах 425, 1310 и 2982 МГц, способна отличать металлы от неметаллов, чувствовать радиоактивность. Известный исследователь обнаружил, что перед околосемными магнитными бурями

потенциал кожи повышается, что позволяет метеочувствительным людям предчувствовать незримые вихри за 1-4 сутки до их регистрации физическими приборами.

По Тарханову, причина колебаний КГР заключается в усилении нервной активности человека, что сопровождается повышением секреции пота и проявляется в возникновении гальванического тока на поверхности кожи. Роли секреции потовых желез в генезе КГР посвящено большое количество работ.

Кожные потенциалы зависят от неодинаковой поляризации слоев кожи, зарегистрированные реакции кожных потенциалов имеют форму одно- или двухфазных колебаний. Отрицательная фаза связана, по-видимому, с выделением адреналина симпатическими окончаниями на коже, а положительная – с активностью потовых желез. Оба эти факта определяют величину исходного электрокожного сопротивления и импеданс кожи у человека и обезьян, тогда как у кошек на подушечках лапок ЭКС зависит исключительно от потоотделения.

Часть кривой КГР связана с заполнением выводных протоков потовых желез потом и выбросом части его на поверхность кожи, а нисходящая является результатом всасывания пота из выводных протоков и сплющиванием их вследствие этого и, очевидно, противодействия ткани. Высота подъема кривой КГР непропорциональна количеству пота, выбрасываемого на поверхность кожи.

Кожно-гальваническая реакция не регистрируется на участках тела, анатомически не имеющих потовых желез (красная кайма губ и др.).

В происхождении КГР существенное значение имеет также распределение активных точек кожи, образуемых вхождением в кожу нервных волокон.

Количество выделенного пота зависит от разных причин: внешней температуры, водно-солевого обмена, от состояния просвета кровеносных сосудов (гиперемия, анемия) и, прежде всего, от функционального состояния ЦНС. Потоотделение связано с возбуждением высших вегетативных центров.

Наступавшие при всяком усилении деятельности центральной нервной системы увеличение функции кожных желез и

одновременное усиление кожных токов являются следствием одновременного возбуждения потоотделительных нервных центров». Следовательно, кожные потенциалы возникают рефлекторно при воздействии различных раздражителей. Рефлексы замыкаются через кору головного мозга и подкорковые центры.

Грудного дыхания (ВДХ); Брюшного дыхания (НДХ)

Датчики дыхания предназначены для регистрации динамики изменения показателей респираторной активности (легочного дыхания): частоты и глубины как грудного, так диафрагмального дыхания человека, которое может быть как автоматическим (бессознательным), так и сознательно контролируемым. Датчики дыхания бывают нескольких типов.

Датчик грудного дыхания (ВДХ) предназначен для регистрации динамики изменения тонуса межреберных мышц, следовательно, он должен располагаться в верхней части груди на уровне 2-3 межреберья.

Датчик брюшного дыхания (НДХ) предназначен для регистрации изменения тонуса диафрагмы, следовательно, он должен располагаться в нижней части груди на уровне 7-8 межреберья.

Датчик фиксирует изменение силы давления в диапазоне 0,4...3,0 Н.

Корпус датчика состоит из трубки диаметром 2,1 – 2,7 см, длиной 20 см (в свободном состоянии) – 25 см (в растянутом состоянии), изготовленной из армированного экологически чистого силикона. Торцы трубки содержат фиксаторы, изготовленные из экологичного фотополимерного пластика. Все крепёжные компоненты изготовлены из нержавеющей стали.

Воздуховод датчика в виде силиконовой трубки длиной 125 см (15 см + 110 см). Эластичность материала воздуховода позволяет производить фиксацию на коннекторе блока сбора и обработки данных без применения специализированных креплений.

Фиксатор датчика в виде шариковой цепочки длиной 125 см, изготовленной из никелированной латуни. Датчик дополнительно комплектуется аналогичной шариковой цепочкой-удлинителем длиной 25 сантиметров с переходником.

Примечание: Для уменьшения дискомфорта, вызванного давлением шариковой цепочки в подмышечных впадинах, каждый датчик по запросу может быть укомплектован двумя силиконовыми трубками длиной по 25 см, которые должны одеваться на шариковую цепочку.

Специалистам, которые приняли решение купить детектор лжи в Украине и остановили свой выбор на модели полиграфа «Рубикон», настоятельно рекомендуем ознакомиться с описанием работы всех датчиков.

Специфика применения датчика ДХ:

ЧАСТОТА дыхания – изменение количества дыхательных циклов (вдох – выдох) в единицу времени.

ГЛУБИНА дыхания – изменение амплитуды дыхательных циклов (постепенное или формированное).

ЗАДЕРЖКА дыхания – на вдохе или на выдохе, а также одновременно как на вдохе, так и на выдохе.

СООТНОШЕНИЕ времени вдоха и времени выдоха.

СМЕЩЕНИЕ базовой линии (вверх – вниз).

Артериального давления (АД);

Датчик артериального давления (АД) предназначен для регистрации показателя сердечно-сосудистой активности человека. Высокочувствительный датчик обеспечивает качественную регистрацию артериального давления уже при 25 мм. рт.ст., что исключает дискомфорт у опрашиваемого в ходе ОИП. Электронное измерение абсолютного значения артериального давления обеспечивает высокую точность оценки и позволяет исключить механический манометр.

Датчиком артериального давления традиционно принято называть пневматическую манжету, зафиксированную на плече респондента, в которую в ходе проведения исследований нагнетается воздух.

Для измерения артериального давления в плечевой артерии воздух в манжету должен нагнетаться в среднем от 75 до 125 мм. рт. ст.

Для измерения артериального давления при проведении исследований на полиграфе рекомендуется в манжете нагнетать давление от 30 до 60 мм. рт. ст.

При помощи пневматической манжеты в ходе проведения исследований с применением полиграфа отслеживается динамика кровенаполнения артериол, конечных артерий и капилляров.

Плетизмограммы (ПГ)

Канал плетизмограммы предназначен для регистрации показателя сердечно-сосудистой активности человека. В датчике плетизмограммы применен принципиально новый способ регистрации деятельности периферических кровеносных сосудов пальцев рук, что обеспечивает высокую информативность этого показателя.

Как известно, плетизмографией называется способ исследования артериол, конечных артерий и капилляров.

Плетизмографы классифицируются на:

- механические;
- механоэлектрические;
- электрические;
- фотоэлектрические;
- окклюзионные.

При исследованиях с применением полиграфа применяются механоэлектрические, фотоэлектрические, окклюзионные плетизмографы.

Окклюзионный плетизмограф регистрирует прирост объема части тела (или органа) после создания его венозной окклюзии (сдавливания), нарушающей венозный отток из органа. К датчикам полиграфов, работающих по этому принципу, относится манжета, фиксируемая на плече, на предплечье или на пальце для нарушения венозного оттока.

Помимо этого, к окклюзионным плетизмографам относится также пьезоэлектрический датчик при его фиксации на плече или предплечье.

Механо-электрический плетизмограф преобразует механические колебания в электрические. В случаях, когда электрический датчик располагается на ладонной поверхности одного из пальцев или на голове респондента, отсутствует необходимость в окклюзии (сдавливании венозных сосудов). Следует отметить, что в настоящее время пока что нет такого технического реше-

ния, которое позволило бы конкурировать пьезоэлектрическим датчикам по качеству регистрируемой информации с фотоэлектрическими датчиками или с пневматической манжетой.

Фотоэлектрический плетизмограф регистрирует оптическую плотность исследуемой ткани (органа). Исследуемый участок ткани просвечивается инфракрасным светом, который после отражения или рассеивания попадает на фотопреобразователь. Интенсивность света, отраженного или рассеянного исследуемым участком ткани (органа), определяется количеством содержащейся в ней крови. К датчикам полиграфов, работающих по этому принципу, относится датчик ФПГ.

В качестве примера идентичности данных, получаемых при помощи пневматической манжеты и фотоплетизмографического датчика, представлен фрагмент записанных реактограмм (вверху – манжета, внизу – ФПГ).

Датчик ФПГ может оптимально фиксировать на ладонной поверхности конечной (дистальной) фаланги одного из пальцев руки в средней степени натяжения. Причём, в ходе проведения исследования нет необходимости изменять его местоположение и/или степень натяжения датчика. Сопутствующим фактором является ощущение комфорта у респондента и отсутствие привлечения внимания к датчику у специалиста.

Датчик “Манжета” традиционно рекомендуется фиксировать на средней трети предплечья. Перед началом и после окончания каждого теста полиграфолог должен соответственно увеличивать и снижать давление в манжете. Следовательно, в ходе каждого теста длительностью несколько минут манжета оказывает давление на ткани предплечья респондента.

Недостатки окклюзионной плетизмографии при применении в течение длительного времени очевидны – дискомфорт у респондента, вызываемый сдавливанием тканей руки, а также дополнительная интеллектуальная и физическая нагрузка у полиграфолога.

Противопоказания для применения пневматической манжеты:

– сниженный болевой порог (вызывает повышение психоэмоционального напряжения);

- повышенная свёртываемость крови (провоцирует образование тромбов);
- повышенная проницаемость стенок сосудов (является причиной кровоподтёков);
- патология сердечно-сосудистой системы (фактор обострения болезней вен, гипертонии, ишемии, артритов и так далее).

Двигательной активности (ТРМ)

Датчик тремора (ТРМ) предназначен для регистрации показателей двигательной активности человека. Чувствительный датчик контроля двигательной активности человека устанавливается на сидении или под ножкой стула и обеспечивает регистрацию любых перемещений. При необходимости датчик может быть использован для регистрации моторной реакции человека в ходе проведения ОИП.

Датчик регистрации двигательной активности (ТРМ) выполнен в трех вариантах:

1. Текстильная подушка. 2 металлические пластины, которые могут быть расположены либо под ножками стула, либо под ступнями проверяемого. В данном датчике есть разъём для объединения его с датчиком двигательной активности, выполненным в виде текстильной подушки.

2. Датчик движения мышц лица выполнен в виде наушников, устанавливаемых в районе жевательных мышц (поставляется по желанию заказчика). Датчик мимики лица предназначен для регистрации показателей двигательной активности мышц лица человека и надежно обеспечивает выявление некоторых видов бытового противодействия (жевание, прикусывание языка, гримасы и т.п.).

3. Микрофонный датчик обеспечивает регистрацию речевого сигнала, синхронизированную по времени с графиками полиграммы. Звуковой канал может быть получен только с внешнего записывающего устройства (веб-камера, выносной микрофон или встроенный микрофон компьютера).

Универсальный канал (ДОП), к которому дополнительно можно подключить датчики ПГ, ТРМ или КГР. Выбор типа датчика производится с помощью программного обеспечения.

Одновременный контроль указанных физиологических процессов в ходе психофизиологического исследования является строго обязательным: согласно существующим международным стандартам, исключение из контроля хотя бы одного из этих процессов делает процедуру проверки на полиграфе *невалидной*.

Остальные датчики, включаемые в комплектность разных типов и моделей полиграфов, несут вспомогательную функцию. Так, датчики *тремора* (двигательной активности) и *голоса* могут использоваться для фиксации артефактов: движения обследуемого и внешних шумовых помех соответственно. Голосовой датчик (микрофон) также может использоваться для более точной фиксации моментов вопроса-ответа и для записи *фонограммы* допроса.

С целью выявления субъективной значимости для обследуемого человека каких-либо вопросов и определения причинно-следственной связи между ними и реакциями, возникающими в ответ на их появление, эти вопросы (или иные стимулы) формулируют специальным образом и по определенной организационно-логической структуре группируют в наборы, именуемые вопросниками или тестами.

После предъявления вопросника специалист анализирует его полиграммы. По выраженности и устойчивости индивидуальных физиологических реакций, их соотношению внутри теста, свидетельствующему о субъективной значимости каждого стимула для исследуемого, полиграфолог приходит к суждению о том, что зарегистрированные реакции связаны с тем, что у человека имеется/отсутствует в памяти информация об интересующем событии в прошлом или в настоящем. По оценке отечественных и зарубежных специалистов достоверность результатов, полученных в результате применения полиграфа опытными специалистами, является весьма высокой и составляет не менее 90 %.

С учетом сказанного, считаем, что психофизиологические исследования с применением полиграфа являются одним из действенных инструментов ранней диагностики подверженно-

сти студенческой молодёжи деструктивным религиозным идеям и взглядам. Регулярное проведение полиграфологических исследований скринингового характера среди студентов позволило бы выявлять потенциальных лиц-сторонников деструктивных религиозных течений как исламской, так и христианской направленности. Своевременное выявление таких лиц и оказание на них воспитательного воздействия, в том числе с привлечением специалистов-теологов, является самой эффективной превентивной мерой в профилактике и борьбе с проявлением идей религиозного экстремизма и терроризма в студенческой среде.

Психофизиологические исследования с применением полиграфа в рамках профилактики деструктивной религиозной подверженности влияниям и вербовке со стороны экстремистско-террористических группировок среди студентов целесообразно проводить в два этапа. С методологической точки зрения такой подход считается более приемлемым и минимизирует вероятность появления ошибок, т.н. «ложно положительных психофизиологических реакций».

Основной этап проводится в формате скринингового исследования (отбор, сортировка). На данном этапе «подозрительный студент» проходит полиграфологическую проверку в завуалированной форме (аналог проективных методик в прикладной психологии) в числе других студентов. Для этой цели для прохождения полиграфа под любым предлогом специально подбирается студенческая группа (где учится наш «подозрительный студент») либо жители – студенты одной комнаты (где проживает наш объект) и т.д.

Согласно методологии проведения скрининговых полиграфологических исследований обследуемым лицам в ходе полиграфологического опроса предлагается ответить на несколько вопросов (см. опросник №1). Данный опросник будет составлен в формате стандартизированной многотемной методики RCT (ART) с 2 проверочными вопросами и будет предъявлен 3 раза.

*Опросник 1***«Многотемный скрининг (RCT (ART))»**

	Тип	Содержание вопроса
0	О	Вы понимаете, что я буду задавать только те вопросы, которые мы с вами обсудили?
2	ЖВП	Вы будете отвечать честно на вопросы, относящиеся к безопасности организации, в которой вы работаете?
5	ПВ1	Вы употребляете (ранее употребляли) какие-либо наркотики?
5	ПВ2	У вас имеется незарегистрированное огнестрельное оружие?
7	ПВ3	У вас есть пристрастие к азартным играм на деньги?
8	ПВ4	Вы являетесь членом запрещенной религиозной организации (жамагата/секты)?
10	ПВ5	Вы когда-либо совершали уголовно наказуемые деяния?
11	ПВ6	Вы связаны с какой-нибудь преступной группировкой?

Далее проводится экспертная обработка и анализ полученных полиграмм. При этом основное внимание полиграфолога будет направлено на изучение степени значимости для «подозрительного студента» стимула-вопроса относительно возможной принадлежности его к деструктивным религиозным организациям и наличия радикального религиозного взгляда.

После вычисления общих суммарных баллов для всех проверочных тем вероятность их значимости определяется индивидуально с помощью данных, приведенных в таблице (см. Таблицу 1).

В случае подтверждения значимости вопроса для обследуемого лица полиграфолог будет переходить на проведение **2-го этапа** полиграфологического исследования с применением методики DLST (однотемный скрининг с вопросами управляемой лжи) с 2 гомогенными проверочными вопросами в 1 предъявлении (см. Опросник 2).

Таблица 1
Вероятность выделения значимого стимула (%) в зависимости от количества баллов, набранных при экспериментальном анализе на основе Универсального метода 3-балльной оценки

		Вероятность того, что стимул является значимым, %																				
		Суммарное количество набранных баллов																				
Пр.		0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	>20
1	4	15	37	63	85																	
2	1	4	11	23	40	60	77	89	96													
3	0	1	3	8	16	27	42	58	73	84	92	97	99									
4	0	0	1	2	6	11	19	30	43	57	70	81	89	94	98	99	100					
5	0	0	0	1	2	4	8	14	22	32	44	56	68	78	86	92	96	98	99	100	100	
6	0	0	0	0	1	1	3	6	10	16	24	33	44	56	67	76	84	90	94	97	100	

«Однотемный скрининг DLST»

	Тип	Содержание вопроса
0	НВ1	Вы понимаете, что я буду задавать только те вопросы, которые мы с Вами обсудили?
1	НВ2	Вы сейчас находитесь в городе Оренбурге?
2	ЖВП	Вы будете отвечать честно на вопросы, касающиеся употребления наркотиков?
3	ВУЛ1	Хотя бы раз в жизни Вы говорили неправду?
4	ПВ1	Вы являетесь членом деструктивной религиозной организации?
5	ПВ2	Вы имеете тесные связи с запрещенными религиозными объединениями?
6	ВУЛ2	Вы иногда обманываете своих близких?
7	ПВ1	Вы являетесь членом деструктивной религиозной организации?
8	ПВ2	Вы имеете тесные связи с запрещенными религиозными объединениями?
9	ВУЛ1	Хотя бы раз в жизни Вы говорили неправду?
10	ПВ1	Вы имеете тесные связи с запрещенными религиозными объединениями?
11	ПВ2	Вы являетесь членом деструктивной религиозной организации?
12	ВУЛ2	Вы иногда обманываете своих близких?

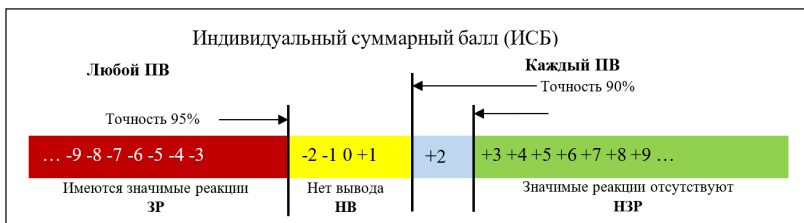
Далее применяются следующие правила принятия решения:

«*Имеются значимые реакции*» (ЗР): ИСБ для ЛЮБОГО из двух ПВ равен -3 и меньше. Данный критерий обеспечивает вероятность ошибки принятия решения меньше 0,05.

«*Значимые реакции отсутствуют*» (НЗР): ИСБ КАЖДОГО ПВ являются положительными (равны +1 и больше). Данный критерий обеспечивает вероятность ошибки принятия решения

меньше 0,10. Если требуется более высокая точность принятия решения, соответствующая, например, вероятности ошибки меньше 0,05, то вывод НЗР делается при условии, что ИСБ КАЖДОГО ПВ оказываются равными +2 и больше.

«Нет вывода» (НВ): Если не получены однозначные выводы ЗР или НЗР в соответствии с приведенными выше критериями.

По итогам экспертного анализа, в случае вторичной фиксации значимости для «подозрительного студента» наших проверочных вопросов (ПВ 1 и ПВ2), касательно возможной принадлежности его к деструктивным религиозным организациям и наличия связи с запрещенными религиозными объединениями, делается вывод о возможной причастности студента к группе риска.

Полиграфологом даются рекомендации о необходимости организации воспитательных мер в отношении данного лица, предусмотренные в рамках общеуниверситетской программы профилактики деструктивной религиозной подверженности влияниям и вербовке со стороны экстремистско-террористических группировок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В программной статье Первого президента РК Н.А. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» [230] отмечается, что, несмотря на то, что «век радикальных идеологий прошел, экстремизм и терроризм продолжают оказывать негативное влияние на развитие человечества, его духовно-нравственные и культурные ценности». В связи с этим в данном подразделе нашего проекта мы попытались рассмотреть существенные аспекты разрушающей идеологии радикализма, чтобы наметить ориентиры для диагностики и предупреждения радикалистских настроений и направленности молодёжи.

Изучив и обобщив источники, посвященные теоретико-методологическим основаниям изучения радикализма и радикалистских настроений в современной науке, мы проанализировали огромное количество определений данных понятий. В целом, понятие «радикализм» подразумевает идеи, требующие коренного (радикального) преобразования, эти идеи – опора наиболее жесткой, радикальной оппозиции, в отличие от умеренной оппозиции («системной», лояльной, «конструктивной»).

В традиционной трактовке понятия «радикализм» и «экстремизм» не являются синонимами, хотя часто и употребляются так, в том числе в отдельных источниках. Радикализм выступает как исключительно «идейный феномен», тогда как «экстремизм» – действенный, но не всегда идейный. Несмотря на нейтральность и академичность понятия, «радикализм» во всех его проявлениях играет в обществе дестабилизирующую роль.

Определить влияние религиозного радикализма на духовную культуру молодёжи и на всё общественное сознание, выявить вероятность его проявления среди студенческой молодёжи нашей страны – задача, конечно, не из простых, так как рассматриваемый нами феномен в Казахстане, да и во многих странах азиатского региона, обладает сложной конструкцией, многогранностью проявлений. Деятельность многих радикальных рели-

гиозных течений направлена на развал установившихся веками современных условий религиозных отношений в традиционном социуме.

Плодотворные действия нашего государства по профилактике религиозного радикализма требуют осуществления работ на должном уровне, чтобы не допускать его проникновения в сознание и умы подрастающих поколений. Всё это ещё раз подчёркивает степень актуальности разрабатываемого проекта.

Вместе с тем процессы молодежного протеста в Республике Казахстан, как и на территории многих стран СНГ, носят пока латентный и невыраженный характер, что не всегда дает возможность своевременно диагностировать и локализовать их, что, в свою очередь, становится второй частью проблемы: невозможностью предсказать дальнейшее проявление или угасание радикальных проявлений в молодежной среде.

В то же время приверженность отдельных лиц, групп, организаций к крайним, радикальным взглядам, позициям и мерам в общественной деятельности порождает экстремизм, который распространяется как на сферу общественного сознания, общественной психологии, морали, идеологии, так и на отношения между социальными группами (социальный экстремизм), этносами (этнический или национальный экстремизм), общественными объединениями, политическими партиями, государствами (политический экстремизм), конфессиями (религиозный экстремизм).

Подводя итоги нашего раздела, посвященного теоретико-методологическим основаниям изучения радикализма и радикалистских настроений в современной науке, мы установили:

1) что понятие «радикализм» многими исследователями употребляется почти как синоним понятия «экстремизм», несмотря на то, что это не вполне точное их использование;

2) невзирая на тесную связь и некоторые сходства между данными понятиями, авторами выделяются их определенные различия: так, если радикализм фиксируется, главным образом, на содержательной стороне каких-нибудь чрезмерных, но не обязательно «экстремальных» идей, а также на методах их реализации, то экстремизм акцентирует внимание на методах и средствах борьбы, отодвигая на второй план сущностные идеи;

3) религиозный радикализм и экстремизм тесно взаимосвязаны, и их последствиями может стать терроризм – действия, через которых организованная группа или партия желает достичь провозглашенные ими цели, обычно посредством постоянного применения насилия;

4) любая форма или тип радикализма, который может затем перерасти в экстремизм и терроризм, представляет собой серьёзную опасность и для любого государства; идеи исламского фундаментализма представляют большую опасность в плане перехода в радикалистскую, а затем и в террористическую идеологию (Поляков К.И.; Игнатенко А.А., Добаев И.П.; Патеев Р.Ф. и др.);

5) конечной целью любого типа радикализма является насильственный захват политической власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности страны (при религиозном радикализме используются религиозное учение и символы как важный фактор привлечения населения, мобилизации их на бескомпромиссную борьбу);

6) очевидно то, что религиозный радикализм выступает как обратная сторона любой религии («темная», опасная), использующая инструменты создания влечения к религии (особенно сильно воздействующая на молодёжь с незрелыми установками и ценностными ориентациями);

7) религиозный радикализм зарождает и развивает безнравственные взгляды и принципы;

8) идеологические, социально-экономические, политические, психологические, интеллектуальные факторы служат главными предпосылками возникновения радикализма в том или ином проявлении; при этом психологические и интеллектуальные факторы могут подвергаться коррекции со стороны психологической общественности (что, в частности, и является конечной целью нашего проекта);

9) не менее важной предпосылкой проникновения религиозного радикализма в молодёжную среду выступает Интернет, и в частности социальные сети Интернета, через которые распространяется его идеология;

10) согласно мнению многих специалистов, изучающих природу религиозного радикализма, в центральноазиатском регионе особенно остро, по сравнению с другими регионами постсоветского пространства, ощущается влияние радикального ислама; это имеет место потому, что все пять стран Центральной Азии – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, или граничат с Афганистаном, или находятся не на далёком расстоянии от него, и они, в разной степени, ощущают на себе дестабилизирующее воздействие религиозно-радикальных групп и движений, находящихся на территории Исламской Республики Афганистан (Рахматова З.Д.; Акаев В.Х.; Гусейнов В.; Элебаева А.Б.; Муртазин М.);

11) радикализм в его религиозной форме, независимо от страны его проявления, выступает дестабилизирующим фактором и несет в себе опасность для всех слоев общества, особенно для молодежи;

12) радикализм как деструктивное социальное явление, где бы и как бы оно ни проявилось, отрывает молодежь, да и всех граждан от конструктивных инициатив, эффективной реализации социальных, экономических, политических проектов, создаёт преграды стабильному прогрессу общества;

13) идейно-мировоззренческая (идеологическая) составляющая экстремизма наиболее полно может быть описана понятием «радикализм»; при этом важнейшей составляющей экстремизма является радикалистский тип сознания и радикалистская культура;

14) радикалистское сознание, носителем которого являются субъекты экстремистской деятельности, – это не что иное, как идеологический, идейно-мировоззренческий аспект экстремизма; исламский экстремизм является общественно опасной и деструктивной формой радикализма;

15) бурные миграционные процессы, приводящие к изменению социальных дистанций между различными этническими, конфессиональными, поколенческими слоями общества, вызывают конфликты в молодежной среде, стимулируя поиск новых механизмов идентификации личности; религиозность молодёжи выступает в качестве одного из этих механизмов идентификации;

16) основные мировые религии (христианство, буддизм, ислам) основаны на терпимости и человеколюбии, они не являются агрессивными по своей сути, не призывают напрямую к вражде к иноверцам; однако есть религиозные течения, оправдывающие и даже культивирующие насилие и жестокость;

17) наибольшую опасность культурно-цивилизационному устройству и национальной безопасности РК несут организации, принадлежащие к направлениям исламского радикального фундаментализма и новым религиозным течениям деструктивного характера;

18) жестокое воздействие антисоциальных явлений (национализма, насилия, наркотиков, криминала, проституции, СПИДа и т.д.) на молодежь, как социальную группу, восприимчивую к радикально-националистическим и ксенофобским идеям и настроениям, делает её наиболее уязвимой по отношению к разным манипуляциям, программированию сознания и другим технологиям вербовки радикально-националистических движений;

19) помимо государственных программ противодействия и профилактики радикалистских идей и взглядов, необходимы меры по созданию ценностных установок принятия и толерантности по отношению к религиям и конфессиям, досуговые и образовательные программы в школах и вузах, пропагандирующие идеи патриотизма, морали, нравственности, противодействия насилию во всех его проявлениях;

20) одними из эффективных мер по данной проблеме станут выявление и ранняя профилактика деструктивной религиозной подверженности влияниям и вербовке со стороны экстремистско-террористических группировок, которые будут осуществлены в рамках психофизиологического исследования на основе полиграфа.

Итак, мы обосновали, что радикализм – это деструктивное течение, сторонники которого не только подвергают критике существующую систему и настаивают на необходимости радикальных преобразований и реформ, но и используют радикальные методы при решении каких-либо вопросов, совершают решительный образ действий. Он является культурным феноменом,

который может быть присущ самым различным политическим и религиозным направлениям. Готовность к использованию «крайних» средств для достижения политических, религиозных, социально-экономических замыслов, то есть средств, выходящих за рамки общепризнанных моральных и правовых норм, переводит радикализм на рельсы экстремизма, а оправдание насилия на основе радикальной идеологии и соответствующие действия выводят его в русло терроризма. Опасность радикализма в том, что эта крайняя, бескомпромиссная приверженность каким-либо взглядам, концепциям, идеологии может быть использована лидерами и адептами экстремистских и террористических организаций в целях изменения социально-политического строя, насаждения культуры насилия, бескомпромиссной конфронтации со сложившимися традициями.

В последние годы произошло активное распространение в обществе манипулятивных установок «свои-чужие», конструирование образа врага, использование языка вражды в СМИ, создание радикальных интернет-сайтов, разжигающих ненависть.

Анализ литературы показал, что первостепенную роль в преодолении проблем радикализации молодёжи играет целенаправленная воспитательная работа, различные формы ее организации, позволяющие задействовать обучающегося в действенный процесс поиска и принятия конструктивных решений, диалог, коллективные виды созидательной активности.

В этой связи необходима разработка таких форм организации воспитательной работы и образовательной деятельности, в процессе реализации которых возможно раскрыть взаимодополняющие ценности разных религий, национальных культур в истории цивилизации и в многонациональном современном обществе.

С учётом всего этого перед нашим проектом всё более рельефно выступают задачи обеспечения психологической гармонизации студенческой молодёжи, уменьшения социальной напряженности между представителями различных конфессий, национальных культур, социальных групп молодёжи. Формирование гражданского сознания молодежи на принципах противодействия идеологии радикализма должно основываться на

диагностике радикалистских идей, взглядов, установок, которая возможна только на основе оптимального и эффективного инструмента психофизиологического исследования – полиграфа.

При этом требуется гибкое и этическое выстраивание работы с представителями студенческой молодежи, которая в настоящее время испытывает большие трудности в вопросах религиозной и гражданской идентификации, понимания своего места в системе социальных, профессиональных, национальных, религиозных и политических отношений.

В данном ключе мы не можем не учитывать наличие неопределенности ценностных установок (как социальных, так и личностных), возникшей в результате произошедших изменений политического, экономического, религиозного, национально-государственного устройства нашей страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карин Е. Солдаты Халифата: миф и реальность. – Алматы: Vlast, 2014. – 235 с.
2. Сергеев С.А. Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках. URL: <http://kpfu.ru/docs/F110664239/Statya.Ekstremizm.radikalizm.sokr.bibliograf.pdf> (Дата обращения: 29.09.2016).
3. Авцинова Г. И. Политический радикализм в России: концептуальные подходы к понятию и пути нейтрализации // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. – 1995. – № 3 (4). – С. 54.
4. Полтавская Ю. Н. Радикализм и экстремизм в современной России: политические смыслы. Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. – 2012. – Вып. 2. – Т. 12. – С. 104.
5. Бенько Л. А., Должников В. А. Радикализм как «угроза» национальной безопасности в современной Российской Федерации // Известия АГУ. – 2012. – № 4-1 (76). – С. 234-237.
6. Neumann M. What's Left?: radical politics and the radical psyche. – Peterborough (Canada); Lewiston (N.Y.). – 1988. – P. 230.
7. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М., 2000. URL: <http://www.efremova.info/word/radikalizm.html>
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 53000 слов / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – Москва: ОНИКС 21 век : Мир и Образование, 2004. – 1198 с.
9. Словарь иностранных слов. URL: <http://poiskslov.com/word/радикализм> (дата обращения: 14.02.2021).
10. Онлайн-словарь политических терминов. URL: i.word.com (дата просмотра 01.09.2016).
11. Сергун Е. П. Экстремизм в российском уголовном праве: автореферат дис. ...канд. юр. наук. – Тамбов, 2009. – 35 с.
12. Бибодова Б. Б. Психолого-политическое понимание экстремизма // Молодой ученый. – 2013. – № 1. – С. 259-260.
13. Eatwell R., Goodwin M. J. The new extremism in the 21-st century. – NY: Routledge, 2010. – P. 28.
14. Рахматова З.Д. Религиозный радикализм среди молодежи Таджикистана: предпосылки возникновения, специфика и пути его предотвращения: Диссертация на соиск. уч. степени к. филос. н. – Душанбе, 2020 – 155 с.

15. Резникова А. В. От конфликта к диалогу: природа экстремизма и меры противодействия данному феномену. – Ростов н/Д.: Эверест, 2013. – 160 с.
16. Интернет-ресурс: [http:// lawdiss.org.ua...](http://lawdiss.org.ua...) (Дата обращения: 17 мая 2016 г.).
17. Радикализм как «угроза» национальной безопасности в современной Российской Федерации / Л. А. Бенько, В. А. Должиков // Изв. Алтайского гос. ун-та. – 2012. – Т. 76. – № 4-1. – С. 236.
18. European Parliament Resolution on the prevention of radicalisation and recruitment of European citizens by terrorist organisations (2015/2063(INI)) [Electronic resource]: [adopted in Strasbourg on 25.11.2015] // European Parliament. – Mode of access: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-ТА-2015-0410+0+DOC+XML+V0//EN>. – Date of access: 27.07.2017, p. 3.
19. www.procuror.spb.ru/izdaniya/2016_03_03.pdf.
20. Ленин В.И. Полн. собр. соч. [Текст]. – Москва: Политическая литература, 1973. – Т. 17. Март 1908 – июнь 1909 гг. – С. 398.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Издание первое. – Ленинград: Государственное издательство МОСКВА, 1928. – Т.1. – С. 4227.
22. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. Р-V [Текст] / В. И. Даль. – Репринт. изд. – М.: ТЕРРА, 1995. – С. 7.
23. Методическое пособие «Экстремизм и радикализм: от понятий к пониманию [Горюнов П. Ю., Гребенщиков И.В.]. – СПб.: правительство Санкт-Петербурга: Контакт, 2016. –С. 19.
24. Романова М.И. Парламентская реформа 1832 года в Англии и ее последствия [Электронный ресурс]. – Кб: <http://articles.excelion>.
25. Канинская Г.Н. Истоки французского радикализма // Новая и новейшая история. – 2001. – № 6. – С. 47 – 64.
26. <http://dic.academic.ru>
27. Лопушанский И.Н. Радикализм: теория и практика. Учебное пособие для магистратуры. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – 48 с.
28. Ильин И. А. Возникновение и преодоление большевизма в России // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: статьи, 1948-1954 гг. В 2 т. – М.: Издательство: МП"Рапог", 1992. – Т. 1. – С. 244.
29. Ключевский В. О. Курс русской истории: соч. В 9 т. – М., 1987. – 1990. – Т. 1. – С. 85 – 87.
30. Лопушанский И.Н. Радикализм и экстремизм как основания терроризма и террора // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – 9. – С. 47.
31. Изгоев А. С. Об интеллигентной молодежи. (Заметки об ее быте и настроениях) // Вехи; Интеллигенция в России: сб. ст., 1909-1910 гг.

- М., 1991. – С. 207 – 208; Франк С. Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. – 1990. – № 4. – С. 221.
32. Современное политическое сознание в США. [Э. Я. Баталов, Б. В. Михайлов, А. Ю. Мельвиль и др.; Отв. ред. Ю. А. Замоскин, Э. Я. Баталов]. – М.: Наука, 1980. – С. 254.
 33. О проблеме политического насилия и террора см.: Бороздин А.Н. Проблема политического насилия и террора в истории русской политической мысли // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 9; Терроризм как социально-политическое явление. Противодействие в современных условиях: монография / Под ред. В.Ю. Бельского, А.И.Сацуты. – М.: ЮНИТИ ДАНА, 2015.
 34. Кросс-культурное исследование религиозных предпочтений и ориентаций студенческой молодежи: монография / О. Х. Аймаганбетова, А. Б. Аймаганбетов, А. В. Ли, М. Е. Сеилханова. – Алматы: Қазақ университеті, 2018. – 196 с.
 35. Морозов И.Л. Левый экстремизм как политический феномен второй половины XX и начала XXI веков: эволюция стратегии и тактики: автореф. дис.доктра полит.наук. – Саратов: СГСЭУ, 2020. – 43 с.
 36. Социологическая энциклопедия в 2 т. – М., 2003. – Т. 2 – С. 297.
 37. Воронина Е.Ю. Политический радикализм как объект политологического анализа. – М., 2013.
 38. Малер А. Типы радикального политического сознания. URL: // <http://russ.ru/Mirovaya-rovestka> Русский журнал. – 2015 – октябрь. – № 6.
 39. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. – СПб., 2002.
 40. Грачев А.С. Политический экстремизм. – М., 1986.
 41. Красиков В.И. Экстрим. Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания. – М., 2006.
 42. Барсамов В.А. «Цветные революции»: теоретический и прикладной аспекты // Социологические исследования. – 2006. – №8. – С. 61.
 43. Казахстан: национальная энциклопедия / гл. ред. Б.Аяган. – Алматы: Гл. редакция «Қазақ энциклопедиясы», 2004. – С. 168-169.
 44. Виленский М.Я. Содержательные и процессуальные характеристики формирования ценностного сознания студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия философия, 2003. – № 2. – С. 5-6.
 45. Бейсембаев С. Религиозный экстремизм в Казахстане: между криминалом и джихадом <http://www.ofstrategy.kz/index.php/ru/research/socialresearch/item/485-religioznyj-ekstremizm-v-kazakhstan-mezhdu-kriminalom-i-dzhikhadom>.
 46. USAID Guide to the drivers of violent extremism, prepared by Guilain Denoeux with Lynn Carter, Management Systems International, 2009.

47. https://www.washingtonpost.com/world/europe/the-islamic-state-creates-a-new-type-of-jihadist-part-terrorist-part-gangster/2015/12/20/1a3d65da-9bae-11e5-aca6-1ae3be6f06d2_story.html
48. Исследование проводилось ОФ «ЦСПИ «Стратегия» и Центром программ безопасности в 2013 году. В рамках него были осуществлены выезды в тюрьмы в г. Актобе, Аркалык, Атбасар и Актау и проведены 13 интервью с заключенными, отбывающими наказание за экстремизм и терроризм.
49. Тарасов А. Порождение реформ: бритоголовые, они же скинхеды. Режим доступа: <http://ultrassfans.narod.ru/Skin.htm>.
50. Круглов А.Е. Молодежный радикализм – причины и факторы // Педагогический вестник. – 2002. – № 1.
51. Тарасов А. Бритоголовые в сумерках: интервью с А. Тарасовым записал В. Бурт. Режим доступа: http://antirasizm.ru/digest_05.php.
52. http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnal_a/2010/2/s%d0%beci%d0%bel%d0%begiy%d0%b0/stolyarenko.pdf
53. <https://azan.kz/ahbar/read/borba-s-ekstremizmom-ne-dolznaprevraschatsya-v-ohotu-na-vedm-i-1272>
54. Профилактика экстремизма. Успехи и трудности: Материалы международной научно-практической конференции (г. Нур-Султан, 4 апреля 2019 г.) / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. – 208 с. – С. 105-126.
55. Schachter Elli P., Galliher Renée V. Fifty Years Since “Identity: Youth and Crisis”: A Renewed Look at Erikson’s Writings on Identity // Identity 2018(4):1-4. DOI: 10.1080/15283488.2018.1529267
56. Религиозная психология: Учебно-методическое пособие / С.П. Политова. – Казань: Казанский университет, 2016. – 43 с.
57. Волков Е.Н. Консультирование жертв интенсивного манипулирования психикой: основные принципы, особенности // Журн. практ. психолога. – 1997. – № 1. – С. 102-109.
58. Волков Е.Н. Методы вербовки и контроля сознания в деструктивных культах // Журн. практ. психолога. – 1996. – № 3. – С. 76-82.
59. Хассен С. Освобождение от психологического насилия: деструктивные культы, контроль сознания, методы помощи. – СПб; М.: Прайм-ЕВРОЗНАК: ОЛМА-ПРЕСС, 2003 – 396 с.
60. Аринин Е.И. Психология религии / Е.И. Аринин, И.Д. Нефедова. – Владимир: ред.изд.комплекс ВлГУ, 2005. – 108 с.
61. Ардашкин И. Б. Психология религий: учебное пособие. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2009. – 276 с.
62. Шубаева У.К. Жастардың діни психологиялық белсенділігінің негіздері // ҚазҰУ хабаршы. Философия сериясы. – 2011. – №2(37).
63. Аташ Б.М., Абдрасилов Т.К. Дәстүррлі емес діні ағым өкілдерінің моральдік-психологиялық келбеті // Молодой ученый. – 2016 – № 8-9 (112.9) – С. 59-61.

64. Ляшова С.А., Нагой А.А. Религиозная идентичность в современной культуре // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2009. – Т. 1. – № 1. – С. 221-225.
65. Армстронг К. Битва за Бога: История фундаментализма / Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013. – 502 с.
66. Hall S., Jefferson T. Resistance through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain. Taylor & Francis e-Library, 2003. – 286 p.
67. Сэдживик М. Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века / перевод с английского М. Маршака и А. Лазарева; научная редакция Б. Фаликова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 536 с.
68. Кутузова Н. А. Религиозный радикализм и альтернативные социальные проекты // Религия и общество – 3: актуальные проблемы современного религиоведения: сборник научных трудов / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко). – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2008 – С. 164-167.
69. Бреская О.Ю. Изучение религиозности: к необходимости интегрального подхода // Социологические исследования. – 2011. – № 12. – С. 77-87.
70. Воронцова Л.М., Филатов С.Б., Фурман Д.Е. Религия в современном массовом сознании (1995) // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krotov.info/history/20/tarabuk/1995voro.html>.
71. Каарияйнен К., Фурман Д.Е. Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности) // Вопросы философии. – 1997. – № 6. – С. 35-52. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.atheism.ru/old/OthAth1.html>.
72. Гирц К. Интерпретация культур. – М.: Роспэн, 2004. – 560 с.
73. Лебедев С.Д. Религиозность: в поисках «Рубикона» // Социологический журнал. – 2006. – № 3. – С. 153-168.
74. Лункин Р. Избранные публикации // Новости христианского мира: Досье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prochurch.info/index.php/news/more/19177>. –
75. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/~книги/Брокгауз_и_Ефрон/Вера/
76. Социология религии в обществе Позднего Модерна: материалы Второй Российской научной конференции с международным участием. НИУ «БелГУ», 18 апреля 2012 г. / Ред. Л.Я. Дятченко, С.Д. Лебедев, В.В. Сухоруков. – Белгород: ИД «Белгород», 2012. – 280 с.
77. Пруцкова Е. Религиозность: способы операционализации и количественной оценки / Семинар «Социология религии» ПСТГУ. Материалы семинара. – 2010. – № 5. – 43 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://socrel.pstgu.ru/>.

78. Нуруллаев А.А. Исламский мир: ответы на вызовы глобализации // Материалы серии семинаров «Средний Восток и Центральная Азия: проблемы и перспективы в XXI веке». – М., 2002 – С. 93.
79. Абрамов Д.Б. Светское государство и религиозный радикализм в Индии / Д.Б. Абрамов. – М., 2011. – С. 8.
80. Kaufman S.J. Modern Hatreds. The Symbolic Politics of Ethnic War. Ithaca: Cornell University Press, 2001.
81. Костюк К. Н. Православный фундаментализм // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 5. – С.133.
82. Поляков К.И. Влияние внешнего фактора на радикализацию ислама в России в 90-е годы XX в. (на примере арабских стран) // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / Под ред. А. Малашенко и М.Б. Олкотт; Моск. Центр Карнеги. – М., 2001. – С. 305-306.
83. Игнатенко А.А. Исламский радикализм как побочный эффект холодной войны // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – № 1.
84. Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика / Отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д., 2003. – 416 с.
85. Добаев И.П., Мурклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев К.М. Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе / Под ред. И.П. Добаева. – Ростов н/Д.: Издательство СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – С. 32.
86. Сюкияйнен Л. Р. Глобализация и мусульманский мир: оценка современной исламской правовой мысли. – М., 2012. – С. 30-48.
87. Малашенко А. В. Исламская альтернатива и исламистский проект. – М., 2006. – С. 187-189.
88. Мирский Г. И. Ислам, исламизм и современность // Исламский фактор в истории и современности. – М., 2011. – С. 42.
89. Бидова Б.Б. Исламский радикализм: анализ подходов и угроз // Молодой ученый. – 2014. – №9 (68). – С. 353-355.
90. Валиахметова Г. Н. Исламский фактор в мировой политике: курс лекций: [учеб. пособие] / [науч. ред. В. А. Кузьмин]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федерал. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 124 с.
91. Акаев В.Х. Исламский активизм в современном мире: взаимосвязь глобальных и региональных аспектов //Ислам и исламоведение в современной России. Сборник докладов Всероссийского исламоведческого форума. – Махачкала, 2019 – С. 207-210.
92. Максименко В.И. Фундаментализм и экстремизм в исламе // Ислам и исламизм. – М., 1999. – С. 9.
93. Йонсон Л. Политический ислам и конфликты в Евразии // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – № 4(5). – С. 56.
94. Roy O. L'echec de l'Islam politique. – 1992. – P. 17-18.

95. Наумкин В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // Россия и мусульманский мир. «Восток». – М., 2006. – № 1. – С. 5-24.
96. Kressel, Neil. *Bad Faith: The Danger of Religious Extremism*. – York: Prometheus Books, 2007. – 200 p.
97. Вайс М. Исламское государство: Армия террора / Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – 346 с.
98. Савруцкая Е.П., Устинкин С.В., Никитин А.В. Прогностические сценарии изменений этно-конфессиональных ориентаций молодежи в связи с усилением глобальных миграционных процессов. – Русский универсум в условиях глобализации: сборник статей участников всероссийской научно-практической конференции. Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». 2016. – С. 71-79.
99. Долгов Б.В. Запад, мусульманский мир и радикальный исламизм // Актуальные проблемы Европы. ИНИОН РАН. – М.: 2016. – № 3. – С. 49-71
100. Муртазин М.Ф. Ислам и исламизм: пример трансформации религиозности в политику // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11. – № 4. – С. 190-205. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-190-205
101. Федяй И.В., Кузнецов А.А. Исламский радикализм как религиозно-политический феномен в современном научном дискурсе. Режим доступа: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/2017/3/philosophy/fedyay-kuznetsov.pdf DOI: 10.24158/fik.2017.3.3
102. Кадиева А.М. К вопросу о сущности религиозного экстремизма // Религиоведение. – 2007. – № 4. – С. 127-137.
103. Хоперская Л.Л. Проблема радикализма и экстремизма в Южном федеральном округе. – Демоскоп Weekly. 2006. № 233-234. 06-19 февр. Доступ: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0233/analit07.php>
104. Нунуев С.Х. М. Политические факторы распространения религиозного радикализма в постсоветской Чечне. – Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 9. – С. 240-244.
105. Кутилин С.А. Проявления радикализма в информационном пространстве сети интернет как угроза национальной безопасности (на материалах Южного федерального округа) // Человек. Сообщество. Управление. – 2011. – № 4. – С. 74-79.
106. Zuriet J., Lyausheva S. Muslim identity in the conceptual field of modern religious studies // APPSCONF – 2019. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20197202008>
107. Hassan G. Radical Islam/ Islamic Radicalism: Towards a Theoretical Framing. 2013. https://www.researchgate.net/publication/266030514_Radical_Islam_Islamic_Radicalism_Towards_a_Theoretical_Framing

108. Mura A. The symbolic scenarios of Islamism: a study in Islamic political thought. L., 2015. – 258 p.
109. Clobert M., Saroglou V., Hwang K.K. East Asian religious tolerance versus Western monotheist prejudice: The role of (in) tolerance of contradiction // Group processes & intergroup relations. – 2017. – Vol. 20. – № 2. – P. 216-232. doi:10.1177/1368430215603458
110. Strong S.I. Transforming Religious Liberties: A New Theory of Religious Rights for National and International Legal Systems. Cambridge University Press, 2017.– P.6.
111. Rink A., Sharma K. The Determinants of Religious Radicalization: Evidence from Kenya // Journal of Conflict Resolution 2018. – Vol. 62(6). – P. 1229-1261. <https://doi.org/10.1177/0022002716678986>
112. Телебаев Г.Т. Религиозная идентификация населения и религиозная ситуация в Республике Казахстан // Социологические исследования. – 2003. – №3 (227) – С. 101-106.
113. Арыстанбекова А.Х. Глобализация. История. Динамика. Аспекты. Грани. Перспективы. – Алматы: ДайкПресс, 2007. – 304 с.
114. Ахметова Н.Б. Мировой опыт исследования радикализма среди молодежи // Инновационный потенциал молодежи: социальная, экологическая и экономическая устойчивость: материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции (Екатеринбург, 1-2 октября 2018 г.). – Екатеринбург: УрФУ, 2018. – С. 48-53.
115. Нуршанов А.А. Новые исламистские течения в контексте современной мировой геополитики: дисс. на соиск. степени доктора философии (PhD). – Алматы, 2020 – 159 с.
116. Миронов С.Н., Абдулганеев Р.Р. Сущность и основные признаки религиозного экстремизма как угроза национальной безопасности России // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2014. – №4 (18). – С. 41-49.
117. Завальнев В.И. Идеология религиозного экстремизма как угроза безопасности личности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2016. – №1 (9). – С. 68-75.
118. Ханбабаев К.М. Эволюция исламского радикализма в Дагестане: история и современность // Исламоведение. – 2009. – № 2. – С. 123-141.
119. Петров Д. Б. Профилактика религиозного экстремизма: теория и практика: учебно-методическое пособие. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2018. – 85 с.
120. Савченко И.А. Этнические стереотипы в студенческом сообществе. В мире научных открытий. – 2011. – № 3.1(15). – С. 658-666.
121. Ланда Р.Г. Причины и факторы радикализации ислама // Ислам на современном Востоке: регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии. – М., 2004. – С. 193-194.

122. Самедов С.А. Исламский радикализм в современном мире: сущность и причины возникновения // Россия и мусульманский мир. – М., 2010. – С. 149-158.
123. Левин З.И. Хранители Слова и блюстители Духа Откровения // Фундаментализм. – М., 2003. – С. 15.
124. Altemeyer B., Hunsberger B. A revised Religious Fundamentalism Scale: The short and sweet of it. *International // Journal for the Psychology of Religion*. 2004. Vol. 14. № 1. P. 47-54. doi:10.1207/s15327582ijpr1401_4
125. Фукуяма Ф. Началась ли история опять? // Журнал “Огонёк” №48 от 08.12.2002, стр. 8. URL: <http://old.russ.ru/politics/20021112-fuku.htm>
126. Яхьяев М. Причины радикализации ислама в современном мире // Россия и мусульманский мир. – М., 2014. – С. 16-32.
127. Малашенко А. В. Исламизм как долгосрочный фактор глобальной политики / отв. ред. Саватеев А. Д., Кисриев Э. Ф. // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Т. 1. Страны Северной и Северо-Восточной Африки. – М.: Ленанд, 2015. – С. 97-126.
128. Царегородцева И. А. Исламский активизм: основные этапы развития идеологии. / Саватеев А. Д., Нефляшева Н. А., Кисриев Э. Ф. (ред.) / Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. – Т. 2. Северный и Южный Кавказ. – М.: Ин-т Африки РАН, 2017. – С. 93-111.
129. Гринин Л. Е. Исламизм: история и современность // История и современность. – 2019. – №2(32). DOI: <https://doi.org/10.30884/iis/2019.02.01>
130. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Исламизм и его роль в современном исламском обществе. – М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2019. – 144 с.
131. Хухлаев О.Е., Александрова Е.А., Зыков Е.В. Религия и межгрупповой конфликт: современные исследования религиозного фундаментализма // Современная зарубежная психология. – 2018. – Том 7. – № 4. – С. 32-39. doi:10.17759/jmfp.2018070404
132. Религиозно-политический экстремизм: сущность, причины, формы проявления, пути преодоления / под ред. М.Я. Яхьяева – М.: Парнас, 2011. – 296 с.
133. Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире: коллективная монография. Научные редакторы: Р.Ф. Патеев, В.Т. Сакаев. – Казань: Фолиант, 2017. – 232 с.
134. Satershinov B.M., Shaukenova Z.K., Zhandosova Sh. Political Islam: Conceptual Problems in the Relationship of Politics and Islam // World Academy of Science, Engineering and Technology. – Tokyo, Japan, 2012. – № 65. – С. 1406-1412.

135. Сатершинов Б. Ислам фобиясы және стереотиптер. Монография / Жалпы ред. басқ. З.К. Шаукунова, С.Е. Нұрмұратов. – Алматы: ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты, 2014. –158 б.
136. Жусипбек Г. Ислам и плюрализм: признание параллельных истин и образов жизни, анализ методологических ошибок в понимании отношения ислама к плюрализму / Бейбітшілік пен ізгіліктің кепілі. Ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. – Алматы: ҚР БҒМ ҒК ФСЖДИ, 2014. – 42-50 бб.
137. Иманбаев М. Менікі ғана дұрыс» деу – радикализм бастауы. 2019 Режим доступа: <http://kz.ctc-rk.kz/2019/08/26/>
138. Бишманов К.М. Истоки радикализма. 2021. Режим доступа: <https://azan.kz/maqalat/read/istoki-radikalizma-11587>
139. Карин Е. Солдаты Халифата: Мифы и реальность: Монография. – Алматы: Издательский дом «Власть», 2014. – С. 19.
140. Карин Е., Зенн Д. Между ИГИЛ и Аль-Каидой: центрально-азиатские боевики в Сирийской войне. – Астана, 2017. – С. 8.
141. Бейсембаев С. Некоторые аспекты совершенствования политики профилактики насильственного экстремизма в Казахстане // Профилактика экстремизма. Успехи и трудности: Материалы международной научно-практической конференции (г. Нур-Султан, 4 апреля 2019 г.) / Под общ. ред. З.К. Шаукуновой. – Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. – С. 98-104.
142. <https://www.polisci.washington.edu/events/2016-10-18/approaches-religious-violence-radicalism-and-deradicalization-perspectives-us-and>
143. Топалоглу Б. Ислам теологиясы. Кіріспе: Оқулық/Ауд. Н. Ж. Байтенова, С. У. Абжалов. – Алматы, 2014. –276 б.
144. Muljadji Y. The Youth, The Sciences Students, and Religious Radicalism // Al-Ulum. 2016 – 16(2). P. 330-347. <https://www.researchgate.net/publication/319261855>. DOI:10.30603/au.v16i2.154
145. Burhanuddin A., Yani A. Ahmad, Hans A., Hidayat A. Rahmat, Pudail M. Mapping Youth Radicalism and Socio-Religious Intolerance in Social Media// Conference: Proceedings of the 1st Hasanuddin International Conference on Social and Political Sciences, HICOSPOS 2019. DOI:10.4108/eai.21-10-2019.2291531
146. Jason P. Germany Pegida ptotests Rallies over Islamisation. – [URL]: www.bbc.co.uk
147. Kadri. Paris attacks prompt fresh concerns about online Islamophobia. – [URL]: www.bbc.co.uk
148. Feffer J. Crusade 2.0: The West’s Resurgent War on Islam/ John Feffer // City Lights Open Media, 2012. – 200 p.
149. Abbas T. Islamophobia and the Politics of Young British Muslim Ethno-Religious Identities // Youth Work and Islam. – 2011. – pp.53-71. DOI: 10.1007/978-94-6091-636-6_4

150. Hinds R. (2013). Islamic Radicalisation in North and West Africa: Drivers and approaches to tackle radicalisation. (Rapid Literature Review). UK: GSDRC, University of Birmingham.
151. Speckhard A., Yayla A. ISIS Defectors: Inside Stories of the Terrorist Caliphate. McLean, VA: Advanced Press LLC, 2016. – 372 p.
152. Байдаров Е.У., Бурова Е.Е., Косиченко А.Г. Актуальные вопросы государственно-конфессиональных отношений в Республике Казахстан (установочное сообщение) // Актуальные вопросы государственно-конфессиональных отношений в Республике Казахстан: сборник материалов. – Алматы: Институт философии и политологии КН МОН РК, 2012. – С. 13.
153. <https://mk-kz.kz/articles/2016/10/12/radikalizm>
154. <https://doc-research.org/ru/2019/11/>
155. Акаев В.Х. Социально-экономические факторы дерадикализации ислама на Северном Кавказе (анализ воззрений Е.М. Примакова) // Исламоведение. – 2017. – Т. 8. – № 1. – С. 37-44.
156. Гусейнов В. Проблемы религиозного радикализма / В. Гусейнов, С. Демиденко // Центральная Азия. Геополитика и экономика региона: сб. ст. – М., 2010. – С. 161-177.
157. Элебаева А.Б. и др. Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской республике / А.Б. Элебаева, Н.С. Эсенаманова, З.Д. Чотаев. Координатор полевого исследования: Молдокеева Ж.Ф. – Б., 2016. – 205 с.
158. Муртазин М. Таджикистан: победа над исламизмом? – Россия и новые государства Евразии, 2018. – № 2. – С. 109-129. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-2-109-129
159. Столяренко Е. В. Факторы молодежного радикализма в России // Теория и практика общественного развития. – 2011. – С. 42-44.
160. Кузьмин А. В. Деструктивные формы социализации молодежи в нетрадиционных религиозных организациях и сектах // Изв. Саратов. ун-та Нов.сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2011. – №1. – С. 16-21
161. Грашевская О. В. Исследование отношения студенческой молодежи к религии // Проблемы развития территории. – 2014. – №5 (73). – С. 57-68.
162. Мухаметзянов И. Ш., Холоднов В. Г., Нуриахметова Ф. М. К соотношению понятий «Радикализм» и «Экстремизм» в процессе формирования правосознания студенческой молодежи // КПЖ. – 2016. – №6. – С. 1-7.
163. Савченко И.А., Снегирева Л.А., Устинкин С.В. Трансформации молодежного религиозного сознания: тенденции и противоречия // Власть. – 2017. – № 5. – С. 29–35.

164. Салин П. Б. Краткий обзор зарубежного опыта нейтрализации радикальных настроений учащейся молодежи // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2018. – №6 (36). – С. 6-11.
165. Егоров Е.Н. Исламский радикализм в Казахстане: стратегия противодействия // Научное мнение. – 2014. – С. 94-100.
166. Байтенова Н. (2018) Діні экстремизм және оның алдын алу жолдары // <http://kazislam.kz/islam/item/863-eIslam>
167. Жандосова Ш.М. Қазіргі әлемдегі діни экстремизм: саясаттанулық талдау: Монография / Ш.М. Жандосова. – Жалпы ред. З.К. Шәукенова, С.Е. Нұрмұратов. – Алматы: ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты, 2016. – 188 б.
168. Байтенова Н.Ж., Шойбек Б.М., Досмагамбетова Д.Д. Жастар арасындағы діни және ақпараттық радикализм. URL: <https://bulletinreligious.kaznu.kz/index.php/relig/article/view/213/202>.
169. Қалмырзаев Б.А., Нақыпов Б. Діни экстремизмнің құбылыс ретінде таралуын, қалыптасуы мен дамуын айқындайтын себептік-факторлар кешені // Вестник Торайғыров университета. Гуманитарная серия. – 2020. – №3. – С. 42-56.
170. Төлен Ж.М., Бақытқызы А., Алишерова А.Б. Орталық Азия аймағындағы терроризм мен экстремизм мәселесі (Қазақстан мысалында) // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия «Социологические и политические науки». – 2020. – №4 (72). – С. 18-25.
171. Қалиев Т.Б., Қайдарова Ә.С., Каримова Ж.К., Әшімханова Д.Ә., Маульшариф М.М., Насимова Г.О., Негай Н.А., Сыдыкназаров М. Қ., Шаповал Ю.В., Мусатаева Ф.М., Окасова Г.Е., Касымбеков А.М.«Қазақстан жастары – 2018» // Ұлттық баяндамасы. Национальный доклад «Молодежь Казахстана – 2018». National report “Youth of Kazakhstan – 2018». – Астана, 2018. – 410 б.
172. Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018-2022 годы Постановление Правительства Республики Казахстан от 15 марта 2018 года № 124 //Астана, 2018. Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P1800000124>
173. Концепция сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма. Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/H050000446_
174. Смирнов А.А. Организация контрпропаганды в области борьбы с терроризмом и экстремизмом: Научно-практическое пособие / под ред. А.П. Новикова. – М.: АТЦ СНГ, 2020. – 232 с.
175. О Концепции государственной молодежной политики Республики Казахстан до 2020 года «Казахстан 2020: путь в будущее». Постановле-

- ние Правительства Республики Казахстан от 27 февраля 2013 года № 191 // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000191>
176. Экстремизм и радикализм – от понятий к пониманию: методическое пособие / Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ». – СПб.: Амирит, 2016. – 138 с.
177. Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. – М.: Горячая линия-Телеком, 2018. – С. 75-76.
178. Counter Propaganda: Cases from US Public Diplomacy and beyond by Nicholas J. Cull. Beyond propaganda / July 2015. P. 3. <http://www.lse.ac.uk/iga/assets/documents/arena/archives/counter-propaganda-cases-from-us-publicdiplomacy-and-beyond-july-2015-pdf.pdf>
179. Prado R., Grajales C., Nelson R. Laboratory Study of a Diagnostic Polygraph Technique in a Single Sequence: a replication study // Polygraph, 2015, 44 (2). Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/314037736_Laboratory_Study_of_a_Diagnostic_Polygraph_Technique_in_a_Single_Sequence_a_replication_study
180. Nathan J. Gordon, William L. Fleisher Effectiveness of the Integrated Zone Comparison Technique (IZCT) with Various Scoring Systems in a Mock Crime Experiment by Students // European Polygraph. – 2012. – Volume 6. – № 1 (19). – P. 5-19.
181. Elaad E. Differences in the readiness of guilty and informed innocent examinees to cooperate on the guilty action test // Psychophysiology. – 2014, № 51(1). – P. 70–79. doi:10.1111/psyp.2014.51
182. Гаврилова Т. В. Актуальные проблемы выявления экстремистских преступлений на современном этапе // Сайт Северо-Кавказского агентства детекции лжи. – URL: <http://polygraph-na-donu.ru/article/52-ekstremizm.html>
183. Иванов Р.С. Применение полиграфа, как мера противодействия экстремизму // Прикладная юридическая психология. – 2013. – №3. – С. 107-113.
184. Яцык Г. Г. К вопросу об изучении окулomotorного поведения человека в ситуации сокрытия значимой информации // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2016. – № 14/1. – С. 43-47.
185. Домнин С. Кривая выводит в плюс // Эксперт Казахстан, №14 (355). Режим доступа: <http://www.poligrafolog.kz/poligraf/opitrk/>
186. Сагынбекова Г. Полиграф как источник доказательств. Медиа-корпорация «ЗАҢ, 2011. Режим доступа: <https://www.zakon.kz/221763-poligraf-kak-istochnik-dokazatelstv-g.html>
187. Гинзбург А. Проблемы применения полиграфа в Казахстане в судебном разбирательстве и других областях: актуальные проблемы и

- перспективы полиграфа // Материалы Круглого стола, посвященного 75-летию профессора А. Аубакировой, Алматы, Алматинская академия экономики и права. – 2011. – С. 25.
188. Aleskovskiy S. Earliest History of Kazakhstan Polygraph // *European Polygraph*. Volume 10. – 2016. – №2 (36). – P. 47-57.
189. Кудрин В. С. Молодежный экстремизм: причины возникновения, технологии предупреждения: учеб. пособие / В. С. Кудрин, А. И. Юдина. – Кемерово: КемГИК, 2016. – 160 с.
190. Назаров В. Л. Профилактика экстремизма в молодежной среде: учеб. пособие / В. Л. Назаров, П. Е. Суслонов; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 204 с.
191. Научно-практическая конференция «Безопасность образовательной среды: противодействие идеологии терроризма и экстремизма». Материалы конференции ГБНУ МИРО 8-9 сентября 2014 г. – М.: Центр «Школьная книга», 2015. – 140 с.
192. Алексеев Л.Г. Прогностические аспекты специальных психофизиологических исследований. Особенности методической и технической реализации // Материалы круглого стола на тему «Технические и методологические аспекты «детекции лжи» (www.poligraf.sp.ru/alek.html).
193. Коровин В.В. Соотношение психологического и технического в вопросе о достоверности результатов «детекции лжи» // Материалы круглого стола на тему «Технические и методологические аспекты «детекции лжи» (www.poligraf.sp.ru/kor.html).
194. Молчанов А. Ю., Бабинов А. Ю. Общая теория полиграфных проверок. – М., 2012. – 232 с.
195. Козлов И.С. Методологические аспекты применения опроса с использованием полиграфа в практике. Серия: «Юридическая психология». Научно-практическое и информационное издание. – М.: ИГ «Юрист», 2010. – Вып. 3. – С. 2-6.
196. Дрига К.А. Детектор Лжи: История возникновения и перспективы развития в правоохранительных органах // Вопросы студенческой науки. – Выпуск №6 (46), июнь 2020. – С. 99-103.
197. Historical note: excerpts from «Crime: its causes and remedies» by Cesare Lombroso, 1911// *Polygraph*. – 1991. – Vol. 20. – P. 52.
198. Князев В.М. История развития детекции лжи. Практика применения полиграфа в различных странах (начало) Минск/ www.antey-group.ru/jurnal43.html. 04 03 2020
199. Reid J.E., Inbau F.E. Truth and deception. The polygraph («lie-detector») technique. Baltimore: The Williams & Wilkins Co., 1977. – P. 2.
200. Князев В.М. История развития детекции лжи. Практика применения полиграфа в различных странах (продолжение) Минск, 2020 / <http://antey-group.ru/jurnal53.html>

201. История детектора лжи. <https://www.argo-a.com.ua/history.php>
202. Холодный Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений. – М.: ИД «Мир безопасности», 2000. – С. 48-55.
203. URL: <http://www.poligraf.sp.ru/metric.html>
204. URL: <http://www.detectivecobra.ru/oligraf-in-world>
205. Полиграф в России: 1993-2008: Ретроспект. сб. статей / Авт.-сост. Ю.И. Холодный. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2008. – 177 с.
206. Методика по проведению психофизиологических исследований с использованием полиграфа в кадровой работе, оперативно-розыскной деятельности и уголовном производстве. МВД РФ. Академия управления МВД РФ. БСТМ МВД РФ. – М., 2008. – С. 12-13.
207. Пеленицын А.Б., Комиссарова Я.В., Сошников А.П. Проблемы расширения практики использования полиграфа в России // Психологические и методологические аспекты исследований с применением полиграфа. Материалы научно-практической конференции «Профессиональные и методические аспекты проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа» // Сборник научных статей / науч. ред. докт. пед. наук, проф. А.М. Балбеко. – М.: Изд-во МАГМУ, 2012. – С. 129-142.
208. Лурия А.Р. Диагностика следов аффекта // Психология эмоций: Тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 198-202.
209. Исайчев Е. С., Исайчев С. А., Насонов А. В., Черноризов А. М. Диагностика скрываемой информации на основе анализа когнитивных вызванных потенциалов мозга человека // Национальный психологический журнал. – 2011. – Т. 1. – № 5. – С. 70-77.
210. Язык Г. Г. К вопросу об изучении окуломоторного поведения человека в ситуации сокрытия значимой информации // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2016. – № 14/1. – С. 43-47.
211. Практическая полиграфия: детекция скрытой мотивации. Захарова Л.Н., Парин С.Б., Полевая С.А. Электронное учебно-методическое пособие. – Н.Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2012. – 92 с.
212. Варламов В. А., Варламов Г. В. Противодействие полиграфу и пути их нейтрализации. – Москва, Саратов: ПЕР СЭ, Ай Пи Эр Медиа, 2019. – 192 с.
213. Yu R., Wu S. J., Huang A.T., Gold N., Huang H., Fu G., Lee K. Using Polygraph to Detect Passengers Carrying Illegal Items // Front. Psychol. 25 февраля 2019. <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.00322/full>
214. Elaad E. Cognitive and emotional aspects of polygraph diagnostic procedures: a comment on Palmatier and Rovner // Int J Psychophysiol. 2015 Янв; 95 (1): 14-5. DOI: 10.1016 / j.ijpsycho. 2014.07.011.

215. Elaad E. Extracting critical information from group members' partial knowledge using the Searching Concealed Information Test. // *J Exp Psychol Appl.* 2016; 22 (4): 500-509. DOI: 10,1037 / xap0000101
216. Ginton A. (2017) Prior expectations' effects on polygraph scoring// Access mode: https://www.academia.edu/36671320/PRIOR_EXPECTATIONS_EFFECTS_ON_POLYGRAPH_SCORING
217. A Vaida H. Peano versus utah: a method problem from a psychological and criminal law perspective // *Psihologie aplicată în domeniul securității naționale / Applied Psychology in the Field of National Security* (Stroescu, & Mincu, 2018, p. 59-69). doi: 10.5682/9786062807863
218. Cook LG, Mitschow LC. Beyond the Polygraph: Deception Detection and the Autonomic Nervous System // *Federal practice*, 2019 July; 36 (7): 316-321.
219. Meijer E H, Verschuere B. The Polygraph and the Detection of Deception // *Journal of Forensic Psychology Practice.* 2010, Volume 10. Issue 4, 325-338. <https://doi.org/10.1080/15228932.2010.481237>
220. Synnott J., David D., Ioannou M. A review of the polygraph: history, methodology and current status// *Journal Crime Psychology Review.* Volume 1, 2015 – Issue 1. <https://doi.org/10.1080/23744006.2015.1060080>
221. Nelson R. Scientific Basis for Polygraph Testing / *Polygraph.* –2015, 44(1). – P. 28-61.
222. Masip J. Deception detection: State of the art and future prospects// *Psicothema* 2017. – Vol. 29. – №. 2. – P. 149-159 doi: 10.7334/psicothema2017.34
223. Звёздочкина Н.В. Исследование психофизиологического состояния человека с помощью полиграфа: Учебно-методическое пособие. – Казань: Казанский университет, 2015. – 65 с.
224. Сошников А. В., Пеленицын А. Б. Оценка персонала. Психологический и психофизиологический методы. – М.: Эксмо, 2010. – 173 с.
225. Домнин С. Кривая выводит в плюс // *Эксперт Казахстана.* – №14 (355). Режим доступа: <http://www.poligrafolog.kz/poligraf/opitrk/>
226. Сагынбекова Г. Полиграф как источник доказательств. Медиа-корпорация «ЗАҢ», 2011. Режим доступа: <https://www.zakon.kz/221763-poligraf-kak-istochnik-dokazatelstv-g.html>
227. Иванов Р. С. Применение полиграфа, как мера противодействия экстремизму // *Прикладная юридическая психология.* – 2013. – № 2. – С. 107-114.
228. Холодный Ю.И. Прикладные возможности проверок на полиграфе // *Полиграф в России 1993–2008: ретроспектив. сб. науч. ст., посвященный 15-летию применения полиграфа в РФ.* – М.: Издво МГТУ имени Н.Э. Баумана, 2008. – С. 36–40.
229. Назарбаев Н.А. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания. 12.04.2017. https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznani

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Раздел 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ РАДИКАЛИЗМА И РАДИКАЛИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ	6
1.1. Понятие радикализма и история его развития	6
1.2. Основные направления радикализма	31
1.2.1. Политический радикализм как одно из направлений радикализма	31
1.2.2. Молодежный радикализм как одно из направлений радикализма	43
1.3. Основные подходы к изучению типологии и особенностей религиозного радикализма	57
1.4. Особенности проявления религиозных радикалистских настроений среди молодежи в современном Казахстане	75
Раздел 2. ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ С ПОМОЩЬЮ ПОЛИГРАФА	91
2.1. Теоретический обзор международного опыта по применению метода «ПФИ» (психофизиологическое исследование) на основе полиграфа	91
2.2. Исследование склонности к противоправным действиям с помощью полиграфа	110
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	129
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	136

Научное издание

Ольга Хабиджановна Аймаганбетова
Гульмира Аманкызы Касен
Забира Бекешовна Мадалиева
Шынар Нурбековна Закарьянова
Зухра Маратовна Садваксова
Лаура Оразбековна Баймолдина

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ПАРАДИГМЫ РАДИКАЛИЗМА.
ОСОБЕННОСТИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ С ПОМОЩЬЮ
ПОЛИГРАФА**

Монография

Редактор *Г. Бекбердиева*
Компьютерная верстка
и дизайн обложки *Г. Калиевой*

В оформлении обложки использованы фотографии с сайтов
www.freepik.com

ИБ №14899

Подписано в печать 10.10.2021. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Объем 9,5. Тираж 50 экз. Заказ №8556.

Издательский дом «Қазақ университеті»

Казахского национального университета им. аль-Фараби.
050040, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71. КазНУ.

Отпечатано в типографии издательского дома «Қазақ университеті».